

Скотт В.

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ:
УЭВЕРЛИ, ИЛИ ШЕСТЬДЕСЯТ
ЛЕТ НАЗАД**

Собрание сочинений

Вальтер Скотт

**Уэверли, или
Шестьдесят лет назад**

«Алгоритм»

1814

Скотт В.

Уэверли, или Шестьдесят лет назад / В. Скотт — «Алгоритм»,
1814 — (Собрание сочинений)

ISBN 978-5-486-02678-2

Вальтер Скотт (1771–1832) – английский поэт, прозаик, историк. По происхождению шотландец. Создатель и мастер жанра исторического романа, в котором он сумел слить воедино большие исторические события и частную жизнь героев. С необычайной живостью и красочностью Скотт изобразил историческое прошлое от Средневековья до конца XVIII в., воскресив обстановку, быт и нравы прошедших времен. Из-под его пера возникали яркие, живые, многомерные и своеобразные характеры не только реальных исторических, но и вымышленных персонажей. За заслуги перед отечеством в 1820 г. Скотту был дарован титул баронета. В этом томе публикуется роман «Уэверли», в котором правдиво показана и осмыслена судьба человека на фоне истории его народа. События в романе относятся к 1745 г., когда была совершена последняя попытка реставрации Стюартов. Главный его герой – личность вымышленная. Однако на страницах романа читатель увидит не условный персонаж, а художественно полнокровный образ. Благодаря реалистической типизации Уэверли, не будучи на самом деле исторически достоверным лицом, выглядит не менее реально, чем фигурирующие в романе подлинно исторические персонажи.

ISBN 978-5-486-02678-2

© Скотт В., 1814

© Алгоритм, 1814

Содержание

Вальтер Скотт и великие читатели	7
Глава I	11
Глава II	14
Глава III	19
Глава IV	22
Глава V	25
Глава VI	31
Глава VII	36
Глава VIII	38
Глава IX	42
Глава X	46
Глава XI	50
Глава XII	56
Глава XIII	61
Глава XIV	67
Глава XV	72
Глава XVI	77
Глава XVII	82
Глава XVIII	85
Конец ознакомительного фрагмента.	87
Комментарии	

Вальтер Скотт

Уэверли, или Шестьдесят лет назад

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2008

© ООО «РИЦ Литература», состав, комментарии, 2008

* * *

Вальтер Скотт и великие читатели

Один из современников Вальтера Скотта однажды сказал, что в его романах видно, что такое английская история, и как много значит, когда «подлинному писателю она достается в наследство». Он перечислил, в чем достоинства и новизна прозы В. Скотта, главной темой которой стала бурная, воинственная история Шотландии и Англии: в его романах «все великолепно» – материал, сюжет, характеры, не говоря уж «о бесконечном усердии в подготовке к роману и великой правде каждой детали». Скотт открыл в литературе новый жанр – исторический роман – и преуспел в нем.

Сегодня даже трудно представить себе, что до Вальтера Скотта романов, ярко повествующих о событиях и нравах далекого прошлого, не существовало, а были «Хроники», «Мемуары» и разного рода «Записки».

Вальтер Скотт родился 15 августа 1771 г. в столице Шотландии Эдинбурге в семье известного юриста. Отец мечтал о том, чтобы Вальтер унаследовал его престижную профессию. Сын выполнил пожелание отца, закончил юридический факультет и совершил успешную карьеру, достигнув должности одного из секретарей высшего суда Шотландии. Он не оставлял службу до конца своих дней, даже став всемирно известным писателем.

Молодой юрист увлекся творчеством немецких поэтов-романтиков. Он боготворил Иоганна Вольфганга Гёте, и первыми его литературными опытами стали переводы стихотворений великого немецкого поэта и мыслителя... Затем начал собирать народные баллады своей суровой и воинственной родины и в 1802 г. издал сразу два тома фольклорных произведений под общим названием «Песни шотландской границы». Эта своеобразная антология принесла ему известность. Как бы венчая свое увлечение фольклором, он пишет поэму «Песнь последнего менестреля». Уже в этой поэме проявились лучшие черты таланта Вальтера Скотта: дар рассказчика, умеющего о самих серьезных вещах говорить с легкой иронией и скрытой сочувственной улыбкой, способность сочетать реалии жизни и вымысел, так что совершенно незаметен «шов», их разделяющий, любовь к тематике, связанной с романтическим и героическим прошлым англо-шотландской границы. Восторженные любители литературы в Эдинбурге решили присвоить Вальтеру Скотту звание поэта-лауреата, но тот отказался, ибо считал литературу просто одним из своих увлечений, а за увлечения награждать не стоит. Но увлечение литературой поглощало все больше времени. Последовал цикл поэм на исторические темы, в том числе «Мармион», сделавший имя провинциального поэта известным в континентальной Европе. Эту поэму, основанную на преданиях XVI в., повествующую о любви рыцаря Мармиона к монахине Кларе, пересказал для русского читателя поэт В. А. Жуковский.

Можно только удивляться неумной энергии этого судейского чиновника. Неоднократные путешествия по туманным горам и долинам Шотландии, увлечение конным спортом, служба в добровольческом полку во время войн с Наполеоном... Он организует издательство и выпускает более семидесяти книг, в том числе 19-томное Собрание сочинений Дж. Свифта, становится одним из основателей еженедельника «Куотер ревью».

...А на английском поэтическом небосклоне тем временем все ярче светила звезда Джорджа Гордона Байрона. После публикации первых глав его «Паломничества Чайльд Гарольда» Вальтер Скотт решил, что в поэзии ему делать больше нечего. Причина «переключения» на прозу, конечно же, была значительно глубже. Скотту стало тесно в рамках поэзии. Ему нужны были широта и простор романа для более полной и глубокой обрисовки эпохи, быта, характеров и нравов прошедших времен. Еще в 1805 г. он начал писать роман «Уэверли» из жизни первой половины XVIII в. Сочинил треть, увлекся чем-то другим и отложил рукопись в долгий ящик, позабыв о ней. Лишь через девять лет Скотт обнаружил рукопись и показал ее своему издателю. Тот верно оценил роман как нечто новое, готовое явиться в английскую литературу,

и предложил автору весьма приличное вознаграждение. На это Вальтер Скотт ответил: «Если роман хорош, то этого мало, если плох – слишком много». Издатель рискнул, увеличил ставку, автор же всего за двадцать дней (!) дописал недостающие две трети. В процессе такой скоростной работы он правил лишь отдельные слова, фразы, ибо все до мельчайших бытовых деталей им было продумано. Не перечитывая разбухшую рукопись, он отнес ее издателю. На всякий случай «шотландский бард» решил выпустить свое первое прозаическое произведение анонимно.

В июле 1814 г. роман вышел в свет. Автору было 43 года. За оставшиеся восемнадцать лет жизни он напишет тридцать романов. Все они, говоря современным языком, станут бестселлерами. Но до 1827 г. он будет издавать свои романы анонимно, хотя эта «безымянность» очень скоро станет секретом Полишинеля. Завершив рукопись, он никогда не будет возвращаться к ней, потому что в волшебном зеркале его таланта будут нетерпеливо ожидать своей очереди другая эпоха, другие герои, другие конфликты, другой сюжет.

Свободная форма романа позволила Вальтеру Скотту полностью раскрыть свой редкий талант рассказчика, глубже и достовернее обрисовывать характеры героев, логику их поступков, материальные приметы эпохи, вплоть до пряжек на башмаках. Он считал, что человеческая природа всегда и всюду одинакова, только в разные эпохи те или иные черты ее проявляются по-разному.

В начале XIX в. в Европе вспыхнул интерес к Средневековью. В России этот интерес зажег Н. М. Карамзин своей «Историей государства Российского». Вальтер Скотт воскресил прошлое. Он вызвал из забвения дух рыцарства, распахнул многоплановую панораму былых времен, сделал читателя участником великолепных праздников, турниров, битв, знакомил с романтическими лесными разбойниками и суровыми воинами в кирасах из буйволово́й кожи, с тяжелыми мечами в руках. Длинна вереница его героев: от короля Ричарда Львиное Сердце и верного рыцаря юноши Айвенго до нескольких поколений шотландских кланов, наделенных чертами членов клана самого Вальтера Скотта, о котором он писал в «Автобиографии»: «У каждого шотландца имеется родословная. Это есть его достояние, столь же неотъемлемое, как его гордость и его бедность...»

И нет никакого преувеличения в оценке творчества Вальтера Скотта, принадлежащей русскому критику В. Г. Белинскому:

«В начале XIX века явился новый великий гений, проникнутый его духом, который dokonчил соединение искусства с жизнью, взяв в посредники историю... Когда мы читаем исторический роман, то как бы делаемся современниками эпохи, гражданами стран, в которых совершаются события романа...»

Многие писатели XIX в. – золотого века мировой литературы – были увлеченными читателями и почитателями романов Вальтера Скотта. Прислушаемся к оценкам некоторых из них, поверим их безукоризненному вкусу.

«Великий старец» Иоганн Вольфганг Гёте в беседах с друзьями нередко заводил речь о творчестве Вальтера Скотта. Летом 1828 г. вышел его очередной роман «Пертская красавица». Уже в сентябре того же года эту книгу Гёте прочитал и рекомендовал друзьям. Что же привлекло его внимание?

– И как это написано! – восклицал Гёте. – Как он владеет стилем! Абсолютно четкий план и ни единого штриха, который бы не вел к цели. А детали каковы! И в диалоге, и в описательной части – везде проникает высокое искусство; отдельные персонажи поражают жизненной правдой. Вы до какого места дошли? – обратился он к одному из собеседников.

– До того, где Генри Смит по улицам и переулкам ведет домой прекрасную арфистку.

Гёте подхватывает реплику:

– Это превосходное место! Честный оружейник, который, преодолевая внутреннее сопротивление, не только идет с подозрительной девицей, но еще и тащит на руках ее собачонку. Право же, такое не часто встречается в романах... В «Пертской красавице» вы не най-

дете ни одного слабого места, ни разу не почувствуете: здесь у автора недостаток знаний или таланта. Он в совершенстве владеет всем материалом. Все герои – от короля до горца – все они написаны одинаково уверенной рукой и одинаково метко очерчены...

В марте 1831 г. Гёте (ему уж минуло 79 лет) увлекся романом «Айвенго». И тут же поделился своими впечатлениями с друзьями:

– Читаю «Айвенго». Великий талант, не имеющий себе равных, и, право, неудивительно, что он производит такое впечатление на читающий мир. Он дает мне обильную пищу для размышлений, и в нем мне открывается совсем новое искусство, имеющее свои собственные законы.

Но Гёте не только восторгается. Его острый глаз подмечает малейшую неточность:

– Удивительное мастерство в изображении деталей нередко толкает его на ошибки... Так, в «Айвенго» есть сцена: ночной ужин в замке. Вот входит какой-то незнакомец. Скотт превосходно описывает его наружность, его платье, но совершает ошибку, описывая также его башмаки и чулки. Когда вечером сидишь за столом и кто-то входит в комнату, видны только его туловище и голова. Вздумай он описать его ноги – в комнату вернется дневной свет, сцена утратит ночной колорит.

Гёте решил перечитать все лучшие романы Вальтера Скотта. Следующим на очереди стал «Роб Рой», о котором он также не мог не поделиться своими впечатлениями с друзьями. Но когда Гёте спросили, почему он не доверит свои мысли о творчестве шотландца бумаге, тот ответил:

– О высоком мастерстве этого писателя очень трудно высказываться публично.

Во Франции одним из поклонников Вальтера Скотта был Оноре де Бальзак. «Он им восхищался столько же из-за его таланта, сколько и за деловитость, с которой тот сумел добиться успеха», – вспоминала сестра Бальзака Лора Сюрвиль.

– Я также историк, но историк современного, – говорил Бальзак. – То, что сделал Скотт для Средних веков, мне хотелось бы, по силам моим, сделать для жизни настоящей...

В России романы Вальтера Скотта становились известны столь же быстро, как во Франции или германских княжествах. А. С. Пушкин, прозябавший в ссылке в селе Михайловском, просил Л. С. Пушкина прислать ему «все новое Вальтера Скотта». Пушкин в это время работал над драмой «Борис Годунов» и позже говорил об определенном влиянии, оказанном чтением романов Вальтера Скотта на работу над драмой.

«Борис имеет большой успех, – писал он одному из своих друзей, – странная вещь, непонятная вещь... Что тому причиной? Чтение Вальтер Скотта? Голос знатоков?..»

Среди «знатоков» Вальтера Скотта был и царственный цензор Пушкина – император Николай I. Он на рукописи «Годунова» лично начертил высочайшее предложение автору переделывать «комедию в повесть или роман наподобие Вальтера Скотта». Пушкин не исполнил волю монарха.

Сам Пушкин точно чувствовал влияние Вальтера Скотта на современников. В отклике на повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» он отметил: «...коего начало достойно Вальтера Скотта». Но добавил с гордостью за своего собрата по перу: «Гоголь идет еще вперед...»

«Гоголь любил Вальтера Скотта просто с художнической точки зрения, – свидетельствует современник его П. В. Анненков, – за удивительное распределение материи рассказа, подробное обследование характеров и твердость, с которой он вел многосложное событие ко всем его результатам».

Отзвуки увлечения Скоттом донесло и творчество М. Ю. Лермонтова. Для характеристики душевного состояния Печорина накануне дуэли М. Ю. Лермонтов прибег к... Вальтеру Скотту. Ночь напролет Печорин проводит за чтением одного из его романов: «То была «Шотландская пуританка». Я читал сначала с усилием, потом забылся, увлеченный волшебным вымыслом... Неужели шотландскому барду на том свете не платят за каждую отрадную

минуту, которую дарит его книга? Наконец рассвело, нервы мои успокоились...» Кто знает, может быть, и сам Лермонтов перед своей последней несчастной дуэлью также листал томик Вальтера Скотта?.. Ведь образ Печорина из «Героя нашего времени» так автобиографичен...

А вот о чем вспоминает брат Ф. М. Достоевского:

«В руках брата Феди чаще всего видел Вальтера Скотта: “Квентин Дорвард” и “Веверлея” – у нас были собственные экземпляры. И вот их-то он перечитывал неоднократно... Такому же чтению и перечитыванию подвергались и произведения Пушкина».

Глубокий знаток тайн человеческого сердца, подобно Лермонтову, как бы призвал себе в союзники Вальтера Скотта и его роман «Ивангоэ» (так в то время переводили название романа «Айвенго»). Чтение героиней «Белых ночей» Настенькой именно этого романа пробудило страстную душу девушки. И она сбежала к своему петербургскому Айвенго.

...С каждым новым романом росла популярность Вальтера Скотта. Он затеял дешевые, массовые, «для простых людей» издания своих произведений. До 1825 г. во всех начинаниях ему способствовала удача. Всемирное признание. Невиданные для того времени тиражи романов на основных европейских языках. Богатство. Он приобрел обширное имение и построил напоминающий замок дом Абботсфорд, набив его антиквариатом и вещественными свидетельствами героического прошлого своей родины.

Но в 1825 г. грянул финансовый кризис. Издательство, с которым тесно сотрудничал знаменитый писатель, задолжало кредиторам 120 тысяч фунтов стерлингов – гигантская по тем временам сумма. Вальтер Скотт мог бы, как говорится, умыть руки, ведь его доля в этом долге была небольшой. Но рыцарственный шотландец не мог оставить в беде коллег и друзей. Он решил своим литературным трудом погасить долг!

...Его рабочий кабинет в Абботсфорде был на первом этаже. Со двора через окно виднелся угол письменного стола. Один из служителей вспоминал, что когда бы он ни проходил мимо этого окна – утром, днем, поздним вечером при свечах, – он видел одно и то же: отраженную в зеркале руку, торопливо заполнявшую листы ровным, четким почерком, почти без исправлений... Бывали дни, когда он успевал написать сорок – пятьдесят страниц. В среднем он создавал по два романа в год, но кроме того, написал «Жизнь Наполеона» в девяти томах, два тома «Истории Шотландии», несколько книг по оккультным наукам... Все деньги уходили на выплату долга и содержание семьи.

Такое перенапряжение не могло пройти бесследно. В начале 1830-х гг. его поразили три апоплексических удара подряд. Врачи уговорили его поехать на лечение в южные страны. Королева Англии выделила для путешествия специальный корабль. Больной писатель отправился было в Италию, но в пути почувствовал, что конец близок, и попросил вернуться домой. 21 сентября Вальтер Скотт шагнул в бессмертие, ценою жизни он сохранил честь и достоинство. Так, как он их понимал.

...В конце XIX в. издательской деятельностью занялся американский писатель Марк Твен. Из-за оплошности коллег он оказался на грани банкротства.

– Как же вы поступили? – спросили Марка Твена.

– Так же, как Вальтер Скотт.

– А как поступил Вальтер Скотт?

– Так же, как я...

С. Чумаков

Глава I

Вводная

[1]

Заглавие этого произведения было выбрано не без серьезного и основательного обдумывания, которого важные дела требуют от осмотрительного человека. Даже его первое или общее название явилось плодом необычных изысканий и отбора, хотя, если бы я брал пример со своих предшественников, мне стоило только взять самое звучное и приятное на слух наименование из английской истории или географии и сделать его как заглавием моего произведения, так и именем его героя. Но увы! Чего могли бы ожидать мои читатели от рыцарственных прозвищ Гоурда, Мордонта, Мортимера или Стэнли или от более нежных и чувствительных звуков Белмура, Белвила, Белфилда и Белгрейва, как не страниц, полных пустой болтовни, вроде книг, выходивших под такими заглавиями за последние полвека? Скромно признаюсь: я слишком недоверчив к собственным заслугам, чтобы без необходимости противопоставлять их ранее сложившимся представлениям. Поэтому я, как рыцарь с белым щитом, впервые выступающий в поход, выбрал для своего героя имя Уэверли, еще не тронутое и не вызывающее своим звучанием никаких мыслей о добре или зле, кроме тех, которые читателю угодно будет связать с ним впоследствии. Но второе, дополнительное название моего сочинения представило несравненно более трудный выбор, поскольку подзаголовок, несмотря на свою краткость, может считаться своего рода обязательством для автора изображать место действия, обрисовывать героев и располагать события таким, а не иным образом. Если бы, например, я объявил на фронтисписе: «Уэверли, повесть былых времен», – всякий читатель романов, конечно, ожидал бы замка, по размерам не уступающего Удольфскому^[2]. Восточное крыло его с давних пор оставалось бы необитаемым, а ключи от него были бы либо потеряны, либо поручены заботам пожилого дворецкого или кастелянши, чьим неверным шагом суждено было бы к середине второго тома привести героя или героиню в это разрушенное обиталище. Не кричала ли бы сова и не трещал бы сверчок с самого титульного листа? Разве мог бы я, соблюдая хотя бы в слабой степени приличия, ввести в мою повесть сцену более оживленную, чем паясничанье грубоватого, но верного слуги или бесконечные речи горничной героини, когда она пересказывает своей госпоже все кровавые и страшные истории, которых она наслушалась в людской? Опять же, если бы заголовок гласил «Уэверли, перевод с немецкого», неужели нашлась бы такая тупая голова, которая не представила бы себе распутного аббата, деспотического герцога, тайного и загадочного сообщества розенкрейцеров и иллюминатов^[3] с их реквизитом черных капюшонов, пещер, кинжалов, электрических машин, люков и потайных фонарей? А если бы я предпочел назвать свое произведение «Чувствительной повестью», не было бы это верным признаком, что в ней появится героиня с изобилием каштановых волос и с арфой – усладой часов ее одиночества, которую ей всегда как-то удастся благополучно переправить из замка в хижину, хотя нашей героине приходится порой высказывать из окна, расположенного на высоте двух маршей лестницы, и не раз плутать по дорогам, пешком и в полном одиночестве, руководствуясь в своих странствиях лишь указаниями какой-нибудь краснощекой деревенской девки, чей говор она едва может понять? Или, скажем, если бы мой «Уэверли» был озаглавлен «Современная повесть», не потребовал ли бы ты от меня, любезный читатель, блестящей картины светских нравов, нескольких едва завуалированных анекдотов из жизни частных лиц, – при том чем сочнее выписанных, тем лучше, – героини с Гровнор-сквер^[4], героя из клубов, посвятивших себя кучерскому искусству^[5], и толпы второстепенных персонажей, набранных среди модниц восточного конца улицы Королевы Анны, и отважных героев из полицейского участка на Боу-стрит? Я мог бы умножить доказательства важности титульного листа и показать в то

же время, как глубоко осведомлен я во всех ингредиентах, необходимых для приготовления романов как героических, так и бытовых, самого различного свойства, но довольно: я не позволю себе долгие искушать терпение моего читателя, без сомнения уже горящего желанием узнать, на чем остановился выбор автора, столь глубоко познавшего различные отрасли своего искусства.

Итак, относя начало моего повествования на шестьдесят лет назад, если считать от настоящего первого ноября 1805 года, я этим самым как бы объявляю моим читателям, что в последующих страницах они не найдут ни рыцарского романа, ни хроники современных нравов; что железо не будет покрывать плеч моего героя, как во время оно, ни красоваться в виде подковок на его каблуках, как это принято нынче на Бонд-стрит^[6], что мои девицы не будут облачены «в пурпур и долгие одежды», как леди Алиса из древней баллады, или доведены до первобытной обнаженности современных посетительниц раутов. Из этого выбора эпохи проникательный критик сможет далее заключить, что предметом моего рассказа будут скорее люди, чем нравы. Бытописание становится интересным либо когда оно относится к эпохе, заслуживающей уважения в силу своей древности, либо когда является живым отражением событий, повседневно развертывающихся перед нашими глазами и занимательных своей новизной. Таким образом, кольчуга наших предков и шуба с тройным воротником современных щеголей могут в одинаковой степени, хотя и по различным причинам, служить подходящим костюмом для вымышленного персонажа; но кто, желая произвести впечатление одеянием своего героя, добровольно нарядит его в придворное платье времен Георга II^[7] – без воротничков, с широкими рукавами и низкими прорезями для карманов? То же с одинаковой справедливостью можно сказать и о готическом зале, который своими разноцветными и потемневшими стеклами, высокой и мрачной крышей, наконец, тяжелым дубовым столом, украшенным розмарином и уставленным кабаньими головами, фазанами и павлинами, журавлями и лебедями, производит прекрасное впечатление в литературных описаниях. Немало эффекта можно добиться и от оживленной картины современного празднества из тех, что ежедневно упоминаются в газетах под рубрикой «Зеркало моды», если мы противопоставим их, вместе или в отдельности, чопорному великолепию какого-нибудь приема шестьдесят лет тому назад; и, таким образом, легко будет увидеть, насколько художник, изображающий древность или модные нравы, выигрывает по сравнению с тем, кто рисует быт последнего поколения.

Читатель должен понять, что, учитывая невыгоды, присущие этой части моей темы, я, как это вполне понятно, стремился их избежать, сосредоточивая интерес на характерах и страстях действующих лиц – тех страстях, которые свойственны людям на всех ступенях общества и одинаково волнуют человеческое сердце, бьется ли оно под стальными латами пятнадцатого века, под парчовым кафтаном восемнадцатого или под голубым фракком и белым канифасовым жилетом наших дней¹. Нет сомнения, что нравы и законы придают ту или иную окраску этим страстям, но гербовые знаки, употребляя язык геральдики^[8], остаются одними и теми же, хотя финифть или металл поля и самих знаков могут не только измениться, но и стать совершенно другими. Гнев наших предков был, например, червленым, он проявлялся в открытом кровавом насилии над предметом своей ярости. Наши злобные чувства, ищущие своего удовлетворения более окольными путями и подводящие подкопы под препятствия, которых они не могут открыто опрокинуть, скорее окрашены в черный цвет. Однако скрытая в глубине пружина остается неизменной как в том, так и в другом случае, и гордый пэр, имеющий возможность погубить своего соседа, не нарушая законности, лишь путем долгих тяжб, – прямой потомок барона, который сначала поджигал со всех углов замок своего соперника, а затем оглушал его

¹ Увы! Этот костюм, считавшийся щегольским и подобающим джентльмену восьмисотых годов, теперь столь же устарел, как и автор «Уэверли». Элегантному читателю предоставляется возможность заменить его жилетом с вышивкой по пурпурному атласу или бархату и фракком любого удобного ему цвета. – *Примеч. авт.*

ударом по голове в тот момент, когда несчастный пытался выскочить из огня. Из великой книги Природы, неизменной после тысячи изданий, печаталась ли она древним готическим шрифтом или издавалась на веленовой или атласной бумаге, я попытался прочесть публике всего лишь одну главу.

Нравы общества в северной части острова ко времени описанных мною событий дали мне возможность сделать несколько любопытных противопоставлений. Они смогли внести разнообразие в рассказ и оживить нравственные уроки, которые я склонен считать самой важной частью своего плана. Впрочем, я сознаю, что не достигну цели, если не смогу придать им занимательности, — а в наш критический век эта задача не такая легкая, как это было «шестьдесят лет назад».

Глава II

Уэверли-Онор. Взгляд в прошлое

Итак, шестьдесят лет прошло с тех пор, как герой нашей повести Эдуард Уэверли простился со своей семьей, уезжая в драгунский полк, куда он был недавно назначен. Невеселым был день в замке Уэверли, когда молодой офицер расставался со своим любящим старым дядей сэром Эверардом, титул и имение которого он должен был унаследовать.

Несогласие в политических взглядах рано разлучило баронета с его младшим братом Ричардом Уэверли, отцом нашего героя. Сэр Эверард воспринял от своих предков все бремя консервативных пристрастий и предубеждений, политических и церковных, которыми род Уэверли отличался со времен великой гражданской войны^[9]. Но Ричард был на десять лет моложе, осужден на роль второго брата^[10] и не видел ни чести, ни удовольствия в том, чтобы разыгрывать из себя Уилла Уимбла^[11]. Он рано понял, что для успеха на жизненных скачках он не должен обременять себя лишним грузом. Художники толкуют о трудности изображения игры различных страстей на одном лице. Не легче дается и моралисту анализ тех смешанных побуждений, которые обуславливают наши поступки. Чтение истории и здравые доводы убедили Ричарда Уэверли, что, выражаясь словами старой песни,

Терпеть в бездействии смешно,
И вздор – непротивление.

Однако разум его был бы, вероятно, бессилён вступить в бой с наследственными предрассудками и искоренить их, если бы он мог предвидеть, что его старший брат сэр Эверард, приняв слишком близко к сердцу разочарование, которое постигло его в юности, останется холостяком и в семьдесят два года. Ожидание наследства, даже отдаленного, примирило бы его с постылым прозвищем «мастера^[12] Ричарда из замка, брата баронета»^[13], которое ему предстояло носить большую часть жизни в надежде, что до смерти он все же станет сэром Ричардом Уэверли из Уэверли-Онора, наследником великолепного поместья и значительных политических связей в качестве самого влиятельного представителя интересов графства, где оно находилось. Но это была развязка, на которую Ричард не мог рассчитывать, пока сэр Эверард был в расцвете сил и считался приемлемым женихом почти в любой семье, независимо от того, помогался ли он богатства или красоты, и когда слухи о его предстоящей свадьбе занимали каждый год его соседей. Младший брат считал, что единственная возможная дорога к независимости – это положиться на собственные силы и перейти к политическим убеждениям, более согласным как с разумом, так и с его личными интересами, чем наследственная приверженность сэра Эверарда к Высокой церкви^[14] и к дому Стюартов^[15]. Поэтому он уже в начале карьеры отрекся от семейных традиций и вступил в жизнь как откровенный виг^[16] и сторонник Ганноверской династии^[17].

Министры времен Георга Первого осторожно стремились уменьшить ряды оппозиции. Консервативное титулованное дворянство, которому солнечное сияние двора необходимо было для того, чтобы блистать его отраженным светом, постепенно примирялось с новой династией. Но, жившие на своих землях, богатые помещики Англии, сословие, сохранившее наряду со старыми нравами и первобытной честностью еще значительную долю упрямых и непреодолимых предрассудков, держалось в стороне от двора в высокомерной и угрюмой оппозиции, бросая нередко взгляды сожаления и надежды в сторону Буа ле Дюка, Авиньона и Италии².

² Где шевалье Сен-Жорж, или, как он назывался, старый претендент на престол, держал свой двор изгнанника, по мере

Переход в ряды вигов близкого родственника одного из этих стойких и неуступчивых противников сочли прекрасным средством привлечь новых прозелитов, и поэтому Ричард Уэверли снискал большую степень министерского расположения, нежели заслуживали его способности или политическое значение. Как бы то ни было, у него открыли недюжинные способности к общественным делам, и после первой же аудиенции у министра он быстро пошел в гору. Сэр Эверард узнал из газеты, во-первых, что Ричард Уэверли, эсквайр^[18], избран в парламент от покорного во всем министру местечка Бартерфейта^[19], во-вторых, что Ричард Уэверли, эсквайр, сыграл важную роль в прениях по биллю об акцизе, поддерживая правительство, и, в-третьих, что Ричард Уэверли, эсквайр, удостоился места в одном министерстве, где удовольствие служения отечеству сочеталось с другими, не меньшими радостями^[20], выпадавшими для большей благовидности точно каждые три месяца.

Хотя эти события следовали одно за другим так быстро, что проницательный издатель современной газеты, оповещая о первом, мог бы предсказать и два последующих, дошли они до сэра Эверарда постепенно, как если бы они перегонялись капля за каплей из прохладной и неторопливой реторты «Дайеровского еженедельного вестника»³. Здесь стоит заметить, что вместо почтовых карет, благодаря которым любой мастеровой в своем шестипенсовом клубе может теперь каждый вечер узнать вчерашние столичные новости из двадцати противоречивых источников, почта в эти дни привозила газету в Уэверли-Онор всего раз в неделю. «Еженедельный вестник», удовлетворив любопытство сэра Эверарда, его сестры и пожилого дворецкого, неизменно передавался из замка в пасторский дом, оттуда – сквайру Стаббсу в Грэйндж, от сквайра переходил к управляющему баронета в его чистенький белый домик на пустоши, от управляющего к приказчику, а от него – по обширному кругу почтенных старичков и старушек, в чьих заскорузлых и мозолистых руках он обычно превращался в труху примерно через месяц после получения из Лондона.

Эта задержка в поступлении сведений оказалась очень кстати для Ричарда Уэверли, ибо, дойди все его чудовищные поступки до ушей баронета сразу, вряд ли новоиспеченному чиновнику пришлось бы особенно гордиться успехом своей политики. Сэра Эверарда, человека вообще на редкость мягкого, некоторые вещи способны были вывести из себя. Поведение брата глубоко его уязвило. Поместья Уэверли не были закреплены каким-либо актом за определенным наследником (ибо никому из прежних владельцев не приходило в голову, что какой-нибудь из их потомков окажется повинным в низостях, приписываемых Ричарду «Дайеровским вестником»), но если бы такой акт и существовал, женитьба владельца могла иметь роковые последствия для наследника по боковой линии. Все эти мысли носились в мозгу сэра Эверарда, не приводя его, однако, ни к каким определенным решениям.

Взгляд его блуждал по изукрашенному многими эмблемами благородства и героических подвигов генеалогическому дереву^[21], висевшему на гладко отполированной панели зала в Уэверли-Оноре. Ближайшими потомками сэра Гильдебранда Уэверли, если не считать линии его старшего сына Уилфреда, единственными представителями которой являлись сэр Эверард и его брат, были, как явствовало из этого древнего документа (что он, впрочем, прекрасно знал), Уэверли из Хайли-парка в графстве Гэмпшир, с которыми главная ветвь – или, скорее, ствол – этого рода порвала всякие связи после великой тяжбы 1670 года.

Эта выродившаяся ветвь провинилась перед теми, от кого исходила и проистекала вся ее знатность, еще в том, что один из ее представителей женился на Джудит, наследнице Оливера Брэдшо^[22] из Хайли-парка, чей герб, ничем не отличающийся от герба Брэдшо-цареубийцы,

того как обстоятельства вынуждали его менять свою резиденцию. – *Примеч. авт.*

³ Это был в течение долгого времени оракул деревенских джентльменов из крайних тори. Первоначально «Еженедельный вестник» размножался от руки и высылался в таком виде подписчикам. Составитель его собирал свои сведения по кофейням и часто домогался дополнительного пособия, ссылаясь на чрезвычайные расходы, связанные с посещением этих фешенебельных заведений. – *Примеч. авт.*

они присоединили к древнему гербу Уэверли. Сэр Эверард, однако, в пылу своего гнева забыл обо всех этих оскорблениях, и, если бы только стряпчий Клипперс, за которым отправили нарочным конюха, прибыл на час раньше, ему, возможно, пришлось бы составить акт о порядке наследования титула и замка Уэверли со всеми его угодьями. Но один час хладнокровного размышления – великое дело, если потратить это время на то, чтобы взвесить в уме относительные недостатки двух решений, когда ни к одному из них у вас не лежит душа. Клипперс застал своего патрона погруженным в глубокое раздумье и из почтительности не решился помешать ему иначе, как выложив на стол свою бумагу и кожаную чернильницу, что свидетельствовало о его готовности записывать все приказания его милости. Но и этот скромный маневр смутил сэра Эверарда, который воспринял его как упрек своей нерешительности. Он посмотрел на стряпчего со смутным желанием изречь свой приговор, как вдруг солнце, показавшееся из-за тучи, бросило пестрый сноп лучей сквозь разноцветное окно мрачного кабинета, в котором они сидели. Глаза баронета, обращенные к этому сиянию, остановились прямо на центральном гербе, украшенном той же эмблемой, которую в битве при Гастингсе^[23], по преданию, носил его предок – тремя серебряными горностаями на лазурном поле с подобающим девизом: «Sans tache»⁴. «Пусть лучше погибнет наше имя, – воскликнул сэр Эверард, – чем связывать этот древний символ верности с обесчещенным гербом какого-нибудь изменника-круглоголового!»^[24]

Все это было действием солнечного луча, блеснувшего ровно настолько, чтобы дать возможность стряпчему очинить свое перо. Но чинил он его напрасно. Клипперса отправили восвояси с наказом быть готовым явиться по первому зову.

Появление стряпчего в замке вызвало множество догадок в той части вселенной, центром которой являлся Уэверли-Онор. Но самые дальновидные политики этого мирка предсказывали еще худшие последствия для Ричарда Уэверли от события, происшедшего вскоре после его отступничества. Дело шло не более и не менее как о поездке баронета в запряженной шестеркой карете со свитой из четырех лакеев в богатых ливреях для довольно длительного визита благородному пэру, жившему на границе графства. Пэр этот отличался незапятнанным происхождением, твердыми консервативными принципами и был, кроме того, счастливым отцом шести незамужних и прекрасно воспитанных дочек.

Прием, оказанный сэру Эверарду в этом доме, был, как нетрудно себе представить, достаточно радушным; но из шести молодых девиц выбор его, к сожалению, остановился на леди Эмили, самой младшей. Она принимала его ухаживания со смущением, ясно говорившим о том, что она не решается их отклонить, хотя они отнюдь не приводят ее в восторг.

Сэр Эверард не мог не заметить что-то необычное в сдержанном волнении, с которым молодая девица встречала все попытки добиться ее благосклонности; но так как осторожная графиня заверила его, что это естественные последствия уединенного воспитания, жертва могла быть предана закланию, как, без сомнения, это бывало во многих подобных случаях, если бы не отважность старшей сестры, объявившей богатому жениху, что сердце леди Эмили отдано одному молодому офицеру из наемных войск, близкому их родственнику. Сэр Эверард с глубоким волнением выслушал это сообщение, которое было подтверждено ему с глазу на глаз самой молодой девицей, впрочем ужасно трепетавшей при мысли о родительском гнев.

Благородство и великодушие были наследственными чертами в роду Уэверли. С таким и деликатностью, достойными героя рыцарского романа, сэр Эверард отказался от своих притязаний на руку леди Эмили. Перед отъездом из замка Блэндвилл он даже ловко выманил у отца согласие на ее союз с избранником. Какими доводами он при этом пользовался, нельзя в точности установить, так как сэр Эверард никогда не славился способностью убеждать; но сразу же после этих переговоров молодой офицер стал повышаться в чинах с быстротой, зна-

⁴ Без пятна (*фр.*).

чительно превосходящей все то, чего добиваются одними заслугами, не подкрепленными протекцией, хотя со стороны казалось, что больше ему не на что рассчитывать.

Потрясение, испытанное сэром Эверардом при этом случае, хотя и смягченное сознанием, что он поступил добродетельно и великодушно, сказалось на всей его последующей жизни. На брак он решился в приступе негодования; заботы, которых требовало ухаживание, мало вязались с величавой леностью его привычек; он едва избегнул опасности связать себя с женщиной, не способной никогда его полюбить; кроме того, самолюбию его не очень-то льстила развязка его сватовства, даже если бы сердце его и не пострадало. В результате всего этого он вернулся в Уэверли-Онор, не перенеся ни на кого своих чувств, несмотря на вздохи и томления прекрасной своей посредницы, которая, разумеется, только из родственных побуждений выдала тайну привязанности леди Эмили. Не помогли и кивки, подмигивания и намеки услужливой мамыши и степенные похвалы, которые граф воздавал благоразумию, здравому смыслу и прекрасному характеру первой, второй, третьей, четвертой и пятой дочери. Воспоминание об этой неудачной любви было для сэра Эверарда, как и для многих людей подобного склада, одновременно застенчивых, гордых, чувствительных и ленивых, маяком, предостерегающим от повторения подобных обид, огорчений и бесполезной траты сил. Он продолжал жить в Уэверли-Оноре так, как подобает пожилому английскому дворянину знатного происхождения и с большим состоянием; его сестра мисс Рэчел Уэверли взяла на себя ведение домашнего хозяйства; и так-то они оба, неприметно превращаясь: он – в старого холостяка, а она – в почтенную старую деву, стали примером добрейших и кротчайших приверженцев безбрачия.

Вспышка негодования на брата длилась у сэра Эверарда недолго; однако его неприязнь к вигу и должностному лицу, хотя и не могла побудить его к новым мерам в отношении родового наследства, все же была достаточной, чтобы поддерживать между братьями прежнюю холодность. Ричард, в свою очередь, был слишком знаком со светом и с характером баронета, чтобы предпринимать какие-либо необдуманные или поспешные шаги к примирению, рискуя превратить спокойную неприязнь в более деятельное чувство. Чистой случайностью поэтому было вызвано возобновление их отношений после столь долгого перерыва. Ричард женился на молодой особе знатного происхождения в надежде, что ее семейные связи и состояние будут способствовать его карьере. За нею он получил значительное поместье, расположенное в нескольких милях от Уэверли-Онора.

Маленький Эдуард, герой нашей повести, которому шел тогда пятый год, был их единственным ребенком. Случилось так, что мальчик со своей няней отправился в одно прекрасное утро на прогулку на целую милю от аллеи к Брирвуд-лоджу, резиденции его отца. Их внимание привлекла карета, запряженная шестью статными длиннохвостыми вороными конями и покрытая таким количеством резьбы и позолоты, что сделала бы честь и лорд-мэру^[25]. Она дожидалась хозяина, наблюдавшего неподалеку за постройкой новой фермы. Не знаю, была ли няня юного Эдуарда из Уэльса или из Шотландии и каким образом эмблема трех горностаев связалась у него с представлением о личной собственности, но едва он увидел фамильный герб, как твердо решил отстаивать свои права на пышный экипаж, на котором он красовался. Баронет подошел как раз, когда няня тщетно пыталась отговорить ребенка от намерения присвоить себе золоченую карету с шестью конями. Встреча пришлась на счастливую для Эдуарда минуту. Дядя только что с грустью и не без оттенка зависти разглядывал румяных сынишек коренастого фермера, которому он строил дом. А тут перед ним стоял розовый круглолицый херувим с такими же глазами и таким же именем, как у него, и заявлял о своих правах на наследственный титул, ласку и покровительство во имя уз, которые для сэра Эверарда были столь же священными, как орден Подвязки^[26] или Голубая мантия^[27]. Казалось, Провидение явило ему в лице его племянника существо, способное наилучшим образом восполнить всю пустоту неосуществленных надежд и неутоленной любви. Сэр Эверард вернулся домой на запасной лошади, которую всегда держали для него наготове, а малыш и его няня были

отправлены в Бривуд-лодж с письмом, открывавшим Ричарду Уэверли пути к примирению со старшим братом.

Хотя отношения и возобновились, они продолжали носить скорее церемонный и учтивый, нежели братский, сердечный характер, но и этого было достаточно для обеих сторон. Сэр Эверард часто виделся с маленьким племянником и имел возможность отдаваться гордым мечтам о продолжении своего рода и вместе с тем изливать на ребенка всю нежность доброй и ласковой души. Что касается Ричарда Уэверли, то в растущей привязанности дяди к племяннику он видел средство закрепить если не за собой, то, по крайней мере, за сыном права на родовое имение, ибо всякая попытка с его стороны сблизиться с человеком таких определенных привычек и убеждений, как сэр Эверард, могла, как ему казалось, не увеличить, а скорее уменьшить его шансы.

Таким образом, по своего рода молчаливому соглашению маленькому Эдуарду было разрешено проводить большую часть года в замке; к обеим семьям он был, по-видимому, одинаково привязан, хотя сношения между домами сводились к официальной переписке и к еще более официальным визитам. Воспитанием мальчика руководили поочередно вкусы и убеждения его дяди и отца. Но об этом в следующей главе.

Глава III

Воспитание

Воспитание нашего героя Эдуарда Уэверли носило довольно беспорядочный характер. Когда он был еще совсем ребенком, принято было считать – другой вопрос, основательно или не основательно, хоть практически это и сводилось к одному, – что лондонский воздух неблагоприятно отзывается на его здоровье. Поэтому, как только служба, парламент или осуществление каких-либо честолюбивых замыслов отзывало его отца в Лондон, где он обычно проводил восемь месяцев в году, Эдуарда переселяли в Уэверли-Онор, а там менялось все – и учителя, и уроки, и обстановка. Этому горю еще можно было бы пособить, если бы отец поручил его надзору постоянного воспитателя. Но он считал, что человек, которого назначит он сам, вероятно, окажется неприемлемым для Уэверли-Онора, а тот, на котором мог остановиться выбор сэра Эверарда, если бы это зависело от него, оказался бы неприятным домочадцем в его семье, а может быть, даже и политическим шпионом. Поэтому он уговорил своего личного секретаря, молодого человека, образованного и со вкусом, уделять час-другой в день воспитанию Эдуарда, пока он будет жить в Бривуд-лодже; а в Уэверли-Оноре следить за успехами мальчика в словесности предоставлялось его дяде.

Занятия этим предметом были довольно хорошо обеспечены. Капеллан сэра Эверарда, окончивший Оксфордский университет, лишился звания члена колледжа^[28] после того, как отказался присягнуть Георгу I при его вступлении на престол. Он был не только отличным знатоком древних языков и владел большинством новых, но достаточно разбирался и в точных науках. Беда была в том, что он был уже стар и слишком снисходителен, а периодические междоусобицы, во время которых Эдуард совершенно выходил из-под его надзора, настолько ослабляли дисциплину, что мальчику разрешали заниматься как угодно, чем угодно и когда угодно. Эта свобода могла бы погубить юношу непонятливого, который, зная, что учение без труда не дается, стал бы увиваться от него всякий раз, когда за ним не присматривал учитель. Столь же опасной она могла оказаться и для мальчика резвого, у которого потребность в движении преобладала бы над силой воображения или чувства и который под непреодолимым влиянием благодатной матери-земли предавался бы охоте и тому подобным занятиям с утра до вечера. Но по характеру своему Эдуард не походил ни на одного из них. Его способность схватывать все на лету была так велика, что почти становилась интуицией, и главной заботой его наставников было помешать ему, как выразился бы охотник, обогнать свою дичь, то есть приобрести познания поверхностные и непрочные. И тут учителю приходилось бороться еще с другой склонностью, слишком часто сопутствующей блеску фантазии и живости ума, а именно – с известной леностью мысли, которую может расшевелить лишь предвкушение какого-нибудь большого удовольствия, леностью, которая заставляет бросить учение, как только любопытство удовлетворено, радость преодоления первых трудностей исчерпана и новизна приелась. Эдуард с жаром принимался за каждого античного писателя, которого ему предлагал прочесть учитель, овладевал его слогом настолько, чтобы понять содержание, и, если оно доставляло ему удовольствие или вызывало интерес, доходил до конца книги. Но совершенно бесполезно было обращать его внимание на филологические тонкости, особенности строя языка, красоты какого-нибудь удачного выражения и хитрого построения фразы. «Я могу читать и понимать латинский текст, – заявлял молодой Эдуард с опрометчивой самоуверенностью пятнадцатилетнего, – и Скалигер^[29] и Бентли^[30] недалеко от этого ушли». Увы! Он не сознавал, что, читая для забавы, он навеки теряет возможность усвоить навыки усидчивости и искусство сосредоточивать свой ум на серьезном исследовании – искусство несравненно

более важное, чем даже близкое знакомство с классической премудростью, которое составляет первейшую цель учения.

Разумеется, здесь мне скажут, что наука должна быть приятной для юношества, и сошлутся на Тассо^[31], который советовал в лекарство, даваемое ребенку, добавлять мед. Но в наше время, когда детям преподают самые сухие предметы в виде занимательных игр, не следует опасаться последствий слишком серьезного и сурового учения. История Англии сведена к карточной игре, вопросы математики – к загадкам и головоломкам, и всю премудрость арифметики, уверяют нас, можно превзойти, если проводить несколько часов в неделю за новым и усложненным изданием королевской игры в гусек^[32]. Еще один шаг – и тем же манером будут преподноситься и символ веры, и десять заповедей. Не нужно будет ни серьезных лиц, ни торжественности в голосе, ни благоговейного внимания, которых до сих пор требовали от детей в нашем королевстве. Между тем уместно задать себе вопрос: не станут ли те, кто привык приобретать знания посредством забавы, отвергать науку, постигаемую с некоторым усилием, а те, кто изучает историю, играя в карты, предпочитать средства цели; наконец, если и религии будут учить шутя, не обратят ли понемногу наши ученики и религию в шутку.

Нашему герою, которому разрешали черпать знания, сообразуясь исключительно с собственными наклонностями, и который поэтому черпал их, только пока они доставляли ему удовольствие, снисходительность наставников принесла только вред, который долго сказывался на его характере, судьбе и общественном положении.

Ни сила воображения Эдуарда, ни его любовь к литературе, хотя первое отличалось чрезвычайной яркостью, а последняя страстностью, не только не служили лекарством от этого зла, а, напротив, скорее, обостряли и усугубляли его. Библиотека в замке Уэверли – большой готический зал в два света с галереей – вмещала огромную коллекцию разнообразнейших книг, собранных в течение двух столетий семьей, которая всегда отличалась богатством и была склонна проявлять свое великопение, заполняя книжные полки текущей литературой, не вдаваясь притом особенно в оценку достоинств приобретенного. В этом книжном царстве Эдуарду было разрешено хозяйничать. У его воспитателя были свои интересы. Церковная политика и богословские споры вместе с любовью к некоторым ученым занятиям, хотя и не отвлекали его в определенные часы от наблюдения за успехами предполагаемого наследника его патрона, все же служили ему постоянным оправданием в том, что он не занимался строгой и методической проверкой хода общего развития своего питомца. Сэр Эверард сам никогда систематически не учился и, подобно своей сестре, мисс Рэчел Уэверли, придерживался распространенного взгляда, что чтение несовместимо с праздностью и что сам этот процесс – полезное и похвальное дело, а над тем, какие идеи и учения несет с собой печатное слово, он никогда не задумывался. С одним только стремлением к развлечению, которое при более правильном руководстве легко можно было превратить в жажду знаний, юный Уэверли пустился в это море книг, как судно без руля и без кормчего. Ничто, пожалуй, не развивается так от терпимого отношения, как привычка к беспорядочному чтению, особенно при таких возможностях. Одной из причин, почему в низших слоях так распространены случаи учености, является, по моему мнению, то, что при равных умственных способностях бедняку представляется меньше возможностей удовлетворять свою страсть к книгам, и он вынужден основательно изучать те немногие, которые у него есть, прежде чем покупать другие. Эдуард же, подобно утонченному эпикурейцу, снисходительно откусывающему только румяный бочок каждого персика, бросал книгу, как только она переставала возбуждать его любопытство или интерес. Привычка к такому виду наслаждений неизбежно делала их с каждым днем более недоступными, пока страсть к чтению, подобно всем властным страстям, не привела от частого упражнения к своего рода пресыщению.

Но, прежде чем он дошел до этого безразличия, он приобрел множество любопытных сведений, пусть хаотических и разношерстных, и успел закрепить их в своей необычайно цепкой памяти. В области английской литературы он стал знатоком Шекспира и Мильтона^[33], наших

ранних драматургов, помнил многие красочные и интересные отрывки из древних английских хроник и был особенно хорошо знаком со Спенсером^[34], Дрейтоном^[35] и другими поэтами, упражнявшимися в романтическом вымысле, из всех жанров наиболее привлекательном для юношеского воображения, когда страсти еще не пробудились и не потребовали поэзии более чувствительного склада. В этом отношении еще более широкие горизонты раскрыло перед ним знание итальянского языка. Он прочел многочисленные романтические поэмы, которые со дней Пульчи^[36] служили любимым упражнением для блестящих умов, и наслаждался многочисленными сборниками итальянских новелл, созданных в подражание «Декамерону»^[37] гением этого изящного, хотя и чувственного народа. По части античной литературы Эдуард шел обычной дорогой и прочел всех обычно читаемых авторов, в то время как французы дали ему почти неисчерпаемую коллекцию мемуаров, едва ли более достоверных, чем романы, и романов, так хорошо написанных, что они почти ничем не отличались от мемуаров. Одним из его любимейших авторов был великолепный Фруассар^[38] с его потрясающими и ослепительными описаниями битв и турниров, а по Брантому^[39] и де ла Ну^[40] он научился сравнивать дикий и распущенный, но суеверный характер сторонников Лиги с суровым, непреклонным и порой беспокойным нравом гугенотов^[41]. Испанцы внесли свой вклад по части рыцарской и романтической словесности. Древняя литература северных народов – и та не ускользнула от того, кто читал, скорее, для возбуждения воображения, нежели с пользой для ума. И все же, зная многое, известное лишь небольшому кругу, Эдуард мог справедливо считаться недоучкой, так как прошел мимо знаний, придающих человеку достоинство и сообщающих ему качества, необходимые для высокого положения в обществе, украшением которого он должен был служить.

Если бы родители хоть изредка обращали внимание на мальчика и не давали ему увлекаться беспорядочным чтением, это, без сомнения, принесло бы ему большую пользу. Но мать его умерла на седьмом году после примирения братьев, а сам Ричард Уэверли, который после этого события жил по большей части в Лондоне и был слишком поглощен расчетами честолюбия и корысти, видел в Эдуарде лишь заядлого книжника, которому, вероятно, предстояло стать епископом. Если бы он мог узнать и разобрать то, что грезилось мальчику наяву, он пришел бы к совершенно иным выводам.

Глава IV

Воздушные замки

Я уже бегло упоминал о том, что разборчивый, привередливый и капризный вкус, развившийся у нашего героя, пресыщенного праздным чтением, не только лишил его способности к трезвой и сосредоточенной работе ума, но даже в какой-то мере отвратил его от того, чем он прежде увлекался.

Ему шел уже шестнадцатый год, когда его мечтательность и страсть к уединению стали настолько бросаться в глаза, что возбудили у сэра Эверарда серьезнейшие опасения. Стараясь что-то противопоставить этим наклонностям, он стал соблазнять племянника охотой и другими подобными занятиями на открытом воздухе, которые баронет в юные годы очень любил. Но хотя Эдуард добросовестно протаскался с ружьем целую осень, все же, как только он научился порядочно стрелять, это развлечение перестало доставлять ему удовольствие.

Следующей весной чтение увлекательной книги Исаака Уолтона^[42] побудило Эдуарда примкнуть к братству рыбаков. Но из всех развлечений, созданных изобретательными людьми для утех праздности, рыбная ловля наименее подходит человеку одновременно ленивому и нетерпеливому, и удочка нашего героя была вскоре заброшена. На юного мечтателя, как и на прочих людей, могли бы оказать воздействие общество и пример других, они больше, чем все прочие стимулы, способны овладеть и управлять естественным развитием наших страстей. Но соседей было мало, а воспитанные в своем семейном кругу молодые помещики были не из таких, чтобы Эдуард пожелал выбрать их себе в товарищи, а тем более соревноваться с ними в развлечениях, представлявших для них самое серьезное дело в жизни.

Было там, правда, еще несколько молодых людей и лучше воспитанных, и с более широкими взглядами, но из их общества наш герой был также до известной степени исключен. Дело в том, что сэр Эверард после смерти королевы Анны отказался от своего места в парламенте^[43] и, по мере того как он старел и число его ровесников уменьшалось, понемногу отстранился от общества. Когда Эдуарду по тому или иному поводу приходилось встречаться с воспитанными и образованными молодыми людьми, принадлежавшими к его кругу и готовившимися занять то же положение в обществе, что и он, он испытывал среди них ощущение неполноценности, вызванное не столько отсутствием знаний, сколько неспособностью упорядочить и применить те, которые он усвоил. Его неприязнь к обществу усугубляла глубокая и все усиливающаяся впечатлительность. Малейшее действительное или воображаемое нарушение им этикета приводило его в отчаяние. Даже преступление не вызывает, пожалуй, у некоторых людей такого жгучего стыда и раскаянья, которые испытывает скромный, чувствительный и неопытный юноша при мысли, что он в чем-либо нарушил приличия или оказался в смешном положении. Там, где нам не по себе, мы не можем быть счастливы, а потому неудивительно, что Эдуард Уэверли считал, что он не любит общества и не годится для него, только из-за того, что он не приобрел еще умения жить в нем свободно и привольно, одновременно и получая от него удовольствие, и доставляя его другим.

Он проводил с дядей и теткой много часов, слушая бесконечные рассказы, на которые так щедры старики. Но даже и тогда его пылкое воображение часто разгоралось. Семейные предания и генеалогия, к которым больше всего обращался в своих рассказах сэр Эверард, представляют собой прямую противоположность янтаря: последний, будучи сам ценным веществом, часто заключает в себе мух, соломинки и подобные пустяки, между тем как первые, будучи сами по себе пустыми и вздорными, спасают от забвения много редкого и ценного в древних нравах и увековечивают множество мелких и любопытных фактов, которые бы иначе не сохранились и не дошли до потомства. Эдуарду Уэверли не раз приходилось зевать над

сухим перечнем своих предков и их различных браков между собой и внутренне восставать против безжалостно обстоятельного педантизма, с которым сэр Эверард напоминал ему о степенях свойства, связывавшего дом Уэверли со всякими отважными баронами, рыцарями и сквайрами. Не раз в глубине своего сердца он с горечью Хотспера^[44] проклинал тарабарщину геральдики со всеми ее грифонами, кротоми и драконами двуногими и четвероногими, – и это несмотря на то, что он был многим обязан трем горностаям своего герба. Но все же были и такие мгновения, когда эти рассказы увлекали его воображение и вознаграждали за внимание.

Подвиги Уилиберта Уэверли во Святой земле^[45]; его долгое отсутствие и опасные приключения; его мнимая смерть и возвращение в тот самый вечер, когда избранница его сердца обвенчалась с героем, защищавшим ее от оскорблений и притеснений во время его странствий; великодушие, с которым крестоносец отказался от своих притязаний и пошел искать в соседнем монастыре мир, еже не преjde, – все это и подобные рассказы он готов был слушать, пока сердце его не загоралось огнем и глаза не начинали лихорадочно блестеть. Не менее потрясенный, слушал он, как его тетка мисс Рэчел повествовала о страданиях и мужестве леди Алисы Уэверли во время великой гражданской войны. Добродушное лицо почтенной старой девы принимало величавое выражение, когда она рассказывала, как после битвы при Вустере^[46] король Карл целый день скрывался в Уэверли-Оноре и как в тот момент, когда отряд кавалерии приближался к замку, чтобы произвести обыск, леди Алиса послала своего младшего сына с горсткой слуг задержать неприятеля хотя бы ценою жизни, пока король не успеет спастись бегством.

– Царство ей небесное, – продолжала обычно мисс Рэчел, устремляя свой взгляд на портрет героини, – дорого заплатила она за спасение государя – жизнью своего любимого детища. Его принесли в замок пленного, смертельно раненного. Ты можешь проследить капли его крови от парадной, вдоль малой галереи, вплоть до гостиной, где они положили его на пол и оставили умирать у ног матери. И все же они утешали друг друга, так как по глазам матери он понял, что цель его отчаянной защиты достигнута. Да, помню я, – продолжала она, – одну девушку, которая знала и любила его. Мисс Люси Сент-Обен прожила и умерла в девицах, хотя и была одной из самых красивых и богатых невест в округе; весь свет бегал за ней, но она так и проносила вдовье платье всю свою жизнь в память бедного Уильяма – ведь они не успели обвенчаться, но были помолвлены, – и умерла она... точно не припомню когда. Знаю только, что в ноябре того самого года, когда она почувствовала, что ей недолго остается жить, она пожелала еще раз побывать в Уэверли-Оноре. Она посетила все те места, где бывала с братом моего деда, и просила приподнять ковры, чтобы проследить кровавые следы, и если бы слезы могли смыть их, ты бы их больше не увидел, так как, говорю тебе, во всем доме не было сухого глаза. Тебе бы показалось, Эдуард, что сами деревья печалются о ней, – листья с них так и падали, а не было ни ветерка, и действительно, выглядела она так, как будто ей их больше зелеными не увидеть.

Под впечатлением таких легенд наш герой старался уйти куда-нибудь подальше, чтобы погрузиться в мир фантазий, который они вызывали. В углу обширной сумрачной библиотеки, освещенной лишь догорающими головнями в огромном массивном камине, он часами предавался тому внутреннему чародейству, благодаря которому прошлые или воображаемые события представляются в действии, происходящем перед глазами мечтателя. Тогда-то возникало перед ним в длинном и пышном шествии все великолепие брачного пира в замке Уэверли; высокая изможденная фигура его настоящего хозяина, в то время как он стоял в одежде пилигрима, никому не приметный зритель торжества своего предполагаемого наследника и своей нареченной невесты; громовой удар внезапной развязки; вассалы, бросающиеся к оружию; изумление жениха; ужас и смятение невесты; терзания Уилиберта, понявшего, что сердце и рука невесты отданы добровольно; выражение достоинства и глубокого чувства, с которым он бросает наземь уже наполовину выхваченный из ножен меч и навеки удаляется из дома своих отцов. Затем Эдуард менял место действия, и фантазия по его велению представляла ему тра-

гедию, рассказанную тетушкой Рэчел. Он видел, как леди Уэверли сидит в своем покое, напрягая слух при малейшем шорохе, и сердце у нее бьется от двойной муки: она прислушивается к замирающему эху копыт королевского коня, а когда оно умолкло, слышит в каждом ветерке, шелестящем в деревьях парка, отзвук отдаленной схватки. Вот издали доносится шум, похожий на рокот вздувающегося потока; он все ближе, и Эдуард уже ясно различает конский топот, крики и возгласы людей попеременно с пистолетными выстрелами – и все это несется к замку. Леди вскакивает, вбегает испуганный слуга... Но к чему продолжать подобное описание?

Чем глубже вживался наш герой в этот идеальный мир, тем досаднее становились ему всяческие помехи. Замок окружали обширные земли, значительно превосходившие размерами обычный парк и носившие название Уэверли-Чейс. Когда-то здесь был сплошной лес, и хотя сейчас в нем попадались обширные прогалины, на которых резвились молодые олени, он сохранял свою первоначальную дикость. Лес пересекали широкие просеки, во многих местах наполовину заросшие кустарником, за которым красавицы былых времен любили смотреть, как борзые травят оленей, а то и сами стреляли в них из арбалета. В одном месте, отмеченном замшелым готическим памятником, сохранявшим название «Королевской стоянки», по преданию, сама Елизавета^[47] пронзила своими стрелами семь диких оленей. Это было любимое место Уэверли. Иногда, захватив с собой ружье и спаниеля, чтобы оправдаться перед другими, и засунув в карман книгу, чтобы оправдаться в собственных глазах, он бродил по этим длинным аллеям, которые после подъема мили в четыре постепенно сужались в каменистую тропу, проходившую между скал по покрытому лесом ущелью Мерквуд-дингл, внезапно выходявшему на глубокое и мрачное озерцо, названное по той же причине Мерквуд-мир^[48]. Там в былые годы на скале, окруженная почти со всех сторон водой, стояла одинокая башня, получившая название «Твердыни Уэверли», так как в тревожные времена она часто служила убежищем этому роду. Оттуда во время распрей Йоркского и Ланкастерского домов^[49] последние приверженцы Алой розы, державшие поддерживать ее, совершали изнурительные для противника набег, пока крепость не была захвачена знаменитым Ричардом Глостером^[50]. Здесь же долго держался отряд кавалеров под предводительством Найджела Уэверли, старшего брата того Уильяма, судьбу которого поминала тетушка Рэчел. На фоне этих же пейзажей Эдуард любил «пережевывать жвачку сладостно-горьких грез»^[51] и, как дитя среди игрушек, выбирал и строил из блестящих, но бесполезных образов и эмблем, которыми было населено его воображение, видения такие же блестящие и недолговечные, как краски вечернего неба. Как сказалось такое занятие на его характере и нравственном облике, будет явствовать из следующей главы.

Глава V

Выбор карьеры

Времяпрепровождение Уэверли и то влияние, которое оно неизбежно должно было оказать на его воображение, я расписал с такой обстоятельностью, что читатель, пожалуй, сочтет эту повесть подражанием роману Сервантеса. Но такое предположение не делало бы чести моему благоразумию. Я не собираюсь следовать по стопам этого неподражаемого писателя, изображая такое полное помрачение ума, при котором он превратно истолковывает воспринимаемые предметы, а покажу то более распространенное отклонение от здравого рассудка, которое хоть и правильно воспринимает окружающие явления, но придает им окраску собственных романтических настроений. Эдуард Уэверли был очень далек от того, чтобы ждать всеобщего сочувствия собственным переживаниям или считать, что современная обстановка способна доказать реальность тех видений, которым он любил предаваться. Больше всего он опасался выдать чувства, которые вызывали в нем собственные мечтания. У него не было никого, кому бы он хотел их поверить, и он не желал иметь наперсника. Он прекрасно понимал, какими смешными могут показаться его чувства другим, и если бы ему был предоставлен выбор – или дать холодный и связный отчет об идеальном мире, в котором он проводил большую часть своей жизни, или подвергнуться любому непозорящему наказанию, думаю, он без колебаний выбрал бы последнее. Эта скрытность с годами стала для него вдвое ценнее, поскольку он начал чувствовать влияние пробуждающихся страстей. В приключения его воображаемой жизни стали вплетаться женские образы утонченной грации и красоты; и ему не понадобилось много времени, чтобы начать сравнивать создания собственной фантазии с женщинами, встречавшимися ему в жизни.

Перечень красавиц, еженедельно выставлявших напоказ свои наряды в приходской церкви Уэверли, был невелик и не отличался изысканностью. Наиболее сноской из них, без сомнения, была мисс Сиссли, или, как ей более нравилось именоваться, мисс Сесилия Стаббс, дочь сквайра Стаббса из поместья Грэйндж. Не знаю, было ли это результатом «чистейшей случайности» – выражение, которое в женских устах не всегда исключает преднамеренность, – или сходства вкусов, но мисс Сесилия не раз встречалась Эдуарду во время его обычных прогулок по Уэверли-Чейсу. До сих пор ему в этих случаях не хватало мужества подойти к ней, но встречи все же оказывали свое действие. Романтический влюбленный – это странный идолопоклонник, которому иногда безразлично, из какого чурбана создает он предмет своего обожания; во всяком случае, если природа дала этому предмету достаточную долю привлекательности, он легко может разыграть роль ювелира и дервиша^[52] в восточной сказке⁵ и щедро наделить ее из сокровищницы собственного воображения сверхъестественной красотой и всеми свойствами умственного богатства.

Но прежде чем прелести мисс Сесилии Стаббс возвели ее на пьедестал богини или, по крайней мере, той святой, имя которой она носила^[53], до мисс Рэчел Уэверли дошли кое-какие сведения, побудившие ее предупредить надвигающийся апофеоз. Даже самые простодушные и бесхитростные женщины (да благословит их Бог!) обладают врожденной прозорливостью в этих делах, доходящей, правда, порой до того, что иная заподозривает нежные чувства там, где их отродясь не бывало, но редко уж пропускает происходящее на глазах. Мисс Рэчел весьма осторожно задалась целью не побороть угрожавшую опасность, а уклониться от нее, и указала брату на то, что наследнику его имени не мешало бы узнать свет лучше, чем это было совместимо с постоянным пребыванием в Уэверли-Оноре.

⁵ См. повесть Хоппнера «Семь влюбленных». – Примеч. авт.

Сэр Эверард сначала и слышать не хотел о плане, который грозил разлучить его с племянником. Он готов был допустить, что Эдуард слишком зарылся в книги, но в юности, как он слышал, только и учиться, а когда страсть племянника к чтению немножко уляжется и его голова будет начинена науками, он, без сомнения, примется за сельские занятия и за охоту. Он сам часто сожалел, что в дни своей юности не отдал больше времени чтению: от этого он не стал бы хуже охотиться или стрелять, а эхо сводов Святого Стефана вторило бы более пространством речам^[54], чем ревностные «Нет, нет», которыми он встречал все предложения правительства в то время, когда заседал в парламенте при Годолфине^[55].

Но страхи тетюшки Рэчел внушили ей ловкость, необходимую для достижения цели. Все представители их дома побывали в чужих краях или служили отечеству в армии, прежде чем окончательно осесть в Уэверли-Оноре. Она взывала в подтверждение справедливости своих слов к генеалогическому древу – авторитету, которому сэр Эверард никогда не перечил. Короче говоря, Ричарду Уэверли было сделано предложение направить своего сына попутешествовать под руководством его наставника мистера Пемброка. Путешествие должен был щедро оплатить баронет. Отец не возражал против такого плана, но когда он случайно упомянул о нем за столом у министра, великий человек нахмурился. Далее все выяснилось в разговоре наедине. Было бы весьма нежелательным, заметил министр, чтобы молодой человек, подающий такие надежды, во время путешествия по континенту следовал во всем указаниям воспитателя, выбранного, без сомнения, его дядей, прискорбные политические воззрения которого были общеизвестны. В каком обществе окажется мистер Эдуард Уэверли в Париже, каково оно будет в Риме, где претендент и его сыновья всюду расставили свои ловушки, – вот о чем надлежало подумать мистеру Уэверли. Со своей стороны, он мог только сказать, что его величество настолько ценит заслуги мистера Ричарда Уэверли, что если бы его сын собрался поступить на несколько лет в армию, он мог бы рассчитывать на эскадрон в одном из драгунских полков, недавно возвратившихся из Фландрии^[56].

Намеком, выраженным и подкрепленным в такой форме, нельзя было пренебречь безнаказанно, и Ричард Уэверли, хоть и с превеликим опасением оскорбить предрассудки своего брата, счел невозможным отказаться от предложенного сыну назначения. Дело было в том, что он весьма надеялся (и не без основания) на привязанность сэра Эверарда к Эдуарду и считал, что, если последний предпримет какой-либо шаг, повинувшись отцовской воле, дядя не будет на него сердиться. Два письма оповестили баронета и его племянника об этом решении. Сыну своему Ричард сообщал исключительно фактическую сторону дела и указывал, какие приготовления нужно сделать для поступления в полк. Брату он писал более многословно и не столь прямолинейно. В самых лестных выражениях Ричард соглашался с ним в том, что сыну необходимо лучше узнать свет, и даже смиренно благодарил за предложенную помощь; выражал, однако, глубочайшее сожаление, что в настоящее время Эдуард не в состоянии следовать плану, начертанному его лучшим другом и благодетелем. Ему самому было больно думать о праздности юноши в том возрасте, когда все его предки уже носили оружие; его величество сам изволил осведомиться, не находится ли во Фландрии молодой Эдуард, когда в такие годы его дед уже проливал свою кровь за короля во время великой гражданской войны. Юноше готовы были поручить командование эскадроном. Что ему оставалось делать? У него не было времени спросить мнение старшего брата даже в том случае, если бы с его стороны возникли какие-либо возражения против того, чтобы его племянник пошел по славным стопам своих предков. Короче говоря, Эдуард стал теперь (с величайшей легкостью перескочив чины корнета и лейтенанта) капитаном драгунского полка, находившегося под командой Гардинера^[57]. К месту службы в Данди в Шотландии он должен был явиться в течение месяца.

Сэр Эверард воспринял это известие со смешанными чувствами. При вступлении на престол Ганноверской династии он отказался от парламента, и поведение его в памятном 1715 году возбудило некоторые подозрения. Ходили слухи о том, что при лунном свете в Уэверли-

Чейс собираются фермеры и приводят туда коней; поговаривали также о ящиках с карабинами и пистолетами, купленными в Голландии и адресованными баронету, но перехваченными благодаря бдительности одного верхового таможенника (за эту услужливость с ним в безлунную ночь расправилась компания дюжих крестьян: его подбрасывали и вываливали из одеяла, за которое тянули с четырех концов). Говорилось даже, что при аресте сэра Уильяма Уиндэма^[58], лидера партии тори, в кармане его шлафрока было обнаружено письмо сэра Эверарда. Но явных действий, свидетельствующих о государственной измене, не было, и правительство, удовлетворившись подавлением восстания 1715 года, сочло неблагоприятным и небезопасным преследовать мщением иных лиц, кроме несчастных дворян, поднявших против него оружие.

Для себя сэр Эверард не ожидал тех последствий, о которых распускали слухи его соседи-виги. Было прекрасно известно, что он давал деньги нескольким нортумберлендцам и шотландцам, взятым в плен под Престоном в Ланкашире^[59] и заключенным в Ньюгете и Маршалси^[60]. На суде некоторых этих несчастных джентльменов защищал не кто иной, как его поверенный и постоянный стряпчий. Впрочем, общее мнение было таково, что, если бы у министров были реальные доказательства причастности сэра Эверарда к мятежу, он не дерзнул бы держать себя так вызывающе при существующем правительстве или, во всяком случае, не смог бы это делать безнаказанно. Чувства, которые руководили им тогда, были проявлениями юношеской горячности в смутную пору истории. С этого времени якобитизм сэра Эверарда стал понемногу спадать, как пламя, гаснущее от недостатка топлива. Его преданность торийской партии и Высокой церкви поддерживалась еще некоторой деятельностью на выборах и на съездах мировых судей, происходивших раз в три месяца, но его воззрения в области престолонаследия впали в своего рода спячку. Тем не менее его сильно покорило то, что племяннику придется служить при Брауншвейгской династии^[61], тем более что, не говоря уже о его строгой и возвышенной точке зрения на родительский авторитет, ему было невозможно или, во всяком случае, чрезвычайно опасно воспротивиться этому своею властью. Подавленная досада излилась в многочисленных междометиях, выражающих раздражение и негодование, которые были приписаны в данном случае начинающемуся якобы приступу подагры. Наконец достойный баронет велел принести себе «Военный ежегодник» и утешился, обнаружив, сколько потомков подлинно лояльных фамилий, сколько всяких Мордентов, Грэнвилей и Стэнли служило в настоящее время в армии. Тогда, призвав на помощь все чувства семейного достоинства и воинской славы, он с несколько фальстафовой логикой решил, что раз страна воюет, хоть и постыдно сражаться не на стороне единственно правых защитников отечества, но лучше сражаться даже с теми, кто очернил себя чем-либо похуже узурпации, только бы не сидеть сложа руки. Тетушке Рэчел было, конечно, не слишком приятно, что ее замысел привел не совсем к тому, о чем она мечтала, но ей пришлось подчиниться обстоятельствам. От своего разочарования она отвлеклась заботами о снаряжении племянника в поход и утешилась предвкушением радости увидеть его во всем блеске военной формы.

Самого Эдуарда Уэверли это в высшей степени неожиданное известие глубоко взволновало и повергло в какое-то неопределенное удивление. Это был, выражаясь словами прекрасного старинного стихотворения, «в вереск брошенный огонь», окутавший холм дымом и озаривший его в то же время тусклым пламенем. Его наставник, или, следовало бы сказать, мистер Пемброк, так как он редко принимал на себя этот титул, подобрал в комнате Эдуарда отрывки не очень правильно написанных стихотворений, которые он, по-видимому, сочинил под влиянием чувств, вызванных этой новой страницей, открывшейся в его жизненной книге. Доктор Пемброк, свято веривший в высокие достоинства стихов, сочиненных его друзьями, лишь бы они были написаны аккуратными строчками с прописной буквой в начале каждой, показал это сокровище тетушке Рэчел, которая с затуманенными от слез очками переписала их в свою общую тетрадь, между избранными рецептами по части кулинарии и медицины, любимыми текстами, отрывками из проповедей представителей Высокой церкви и несколькими песнями

любовного и якобитского содержания, которые она пела в молодые годы. Из этого источника и были извлечены поэтические опыты ее племянника, когда упомянутая тетрадь вместе с другими подлинными документами, относящимися к роду Уэверли, была передана для рассмотрения недостойному издателю этой достопамятной истории. Если они не доставят читателю особого наслаждения, то, по крайней мере, познакомят его лучше, чем какое-либо повествование, с мятущимся и порывистым духом нашего героя:

Осенний вечер с гор сошел,
Окутал дымкой тихий дол,
И в глади озера стальной
Луч отразился золотой,
И красных облаков полет,
И башня, вставшая у вод.
Деревья, травы и цветы
В зеркальных водах так чисты,
Как будто в ясной глубине
Они растут на самом дне.
Казалось, это мир другой –
Прекраснее, чем наш, земной.
Но ветер в рощах заиграл;
Дух озера от сна восстал,
Дубов услышал тяжкий стон,
И черный плащ набросил он.
Так рыцарь, выходящий в бой,
Спешит одеть себя броней.
А ветер выл, и луч погас.
И пенным гребнем Дух потряс
И завертел валы кругом;
В ответ ему ударил гром;
Среди грохочущих громад
Во мгле исчез подводный сад,
И буйство вихрей водяных
Закрыло рай от глаз моих.
Грозе внезапной был я рад
И, странным трепетом объят,
С вершины башни наблюдал,
Как с волнами сражался шквал.
А грохот грома все сильнее
Рождал ответ в груди моей,
И в восхищенье я забыл
Тот мир, что прежде был мне мил.
Так, грезы юности смутив,
Вдруг будит нас трубы призыв
И нас уводит в мир тревог,
Разбив мечты златой чертог,
Как вмиг развеял грозный шквал
Спокойный сон воды и скал,
И мы идем в смертельный бой,
Забыв про отдых и покой,

А жар любви и жажду встреч
Нам заменяют честь и меч.

Переводя на язык трезвой прозы то, что в стихах выражено с меньшей определенностью, я вынужден заметить, что мимолетный образ мисс Сесилии Стаббс исчез из сердца капитана Уэверли в вихре чувств, вызванных новым поворотом его судьбы. Правда, в тот день, когда он в последний раз слушал обедню в старой приходской церкви, мисс Сесилия появилась на семейной скамье во всем блеске своих нарядов. Но в этот день Эдуард, вняв просьбам дяди и тетушки Рэчел, явился в церковь (не так уж неохотно, если говорить правду) в полной официцерской форме.

Превосходное мнение о себе – лучшее противоядие против преувеличенного мнения о других. Мисс Стаббс призвала на помощь своей красоты все доступные средства искусства. Но увы! Ни фижмы, ни мушки, ни завитые локоны, ни новая мантилья из настоящего французского шелка не подействовали на молодого драгунского офицера, который в первый раз надел свою шляпу с золотыми галунами, ботфорты и палаш. Не знаю, случилось ли с ним то же, что с героем старинной баллады, о котором поется:

Себя он чести посвятил,
От чар любви далек;
Лед растопить в душе его
Никто из дев не мог, –

Или броня из блестящих нашивок, защищавшая его грудь, отразила артиллерию очей прекрасной Сесилии, но все стрелы были пущены в него понапрасну:

Но я заметил, кто стрелой Амура
Был ранен в грудь: не западный цветок,
А Джонас Калбертфилд, цвет всей округи,
Сын управляющего, гордый йомен.

Прося извинить меня за мои пятистопные ямбы (от которых я в некоторых случаях не в силах бываю удержаться), я должен с прискорбием заявить, что моя повесть на этой странице навеки расстается с прекрасной Сесилией. После отъезда Эдуарда, рассеявшего некоторые праздные мечтания, которыми питалось ее воображение, она, подобно многим дочерям Евы, спокойно удовлетворилась менее блестящей партией и через шесть месяцев отдала свою руку вышеупомянутому Джонасу, сыну управляющего в имении баронета и – что было чревато весьма приятными последствиями – наследнику не только его имущества, но, с обнадёживающей степенью вероятности, и его положения. Все эти преимущества побудили сквайра Стаббса (а цветущий и мужественный вид жениха – его дочь) поубавить своей дворянской спеси – и свадьба была сыграна. Никто, казалось, не был так доволен, как тетушка Рэчел, которая до этого искося (насколько это вязалось с ее добродушной натурой) поглядывала на самонадеянную девицу. При первой же встрече с новобрачными в церкви она в присутствии пастора, его помощника, дьячка и объединенных паств приходов Уэверли и Беверли удостоила молодую улыбки и низкого реверанса.

Раз и навсегда я должен извиниться перед читателями, ищущими в романах одной забавы, в том, что мучаю их так долго утратившей всякий интерес политикой, вигами и тори, ганноверцами и якобитами. Но иначе я не могу обещать им, что мой рассказ будет удобопонятен, не говоря уже о его правдоподобности. Для обоснования своего действия мой роман требует изложения побуждений, а последние обязательно рождались из чувств, предрассуд-

ков и партий того времени. Я не приглашаю тех моих прелестных читательниц, принадлежность которых к слабому полу и нетерпеливость дают им наибольшее право предъявлять ко мне претензии, в какую-нибудь крылатую колесницу, запряженную драконами или движимую волшебством. Передвигаюсь я в скромной английской почтовой карете на четырех колесах, держащейся больших дорог. Те, кому она не нравится, могут сойти на следующей станции и ждать там ковра-самолета принца Гуссейна или летающей будки Малека-ткача. А тому, кто останется со мной, придется порой пережить неприятности, связанные с тяжелой дорогой, крутыми горками, грязью и другими земными препятствиями, но с приличными лошадьми и учтивым кучером (как говорится в объявлениях) я обещаюсь возможно скорее доехать до более живописной и романтической местности, если у пассажиров хватит терпения на первые перегоны⁶.

⁶ Эти вводные главы порядочно бранили за то, что они скучны и не нужны. Однако в них упоминаются такие обстоятельства, которые автор не мог убедить себя выбросить. — *Примеч. авт.*

Глава VI

Прощание Уэверли

Вечером этого памятного воскресенья сэр Эверард вошел в библиотеку и чуть не застал нашего юного героя фехтующего старинным мечом сэра Гильдебранда, который в качестве семейной реликвии обычно висел в библиотеке над камином, под портретом рыцаря на боевом коне. Лицо рыцаря было почти невидимо под изобилием завитых волос, а буцефал^[62], на котором он сидел, был скрыт под обширной мантией ордена Бани^[63]. Сэр Эверард вошел и, бросив беглый взгляд на портрет, а затем на племянника, произнес небольшую речь, которая, однако, вскоре перешла на обычный для него простой и естественный тон, только в данном случае сверх обычного взволнованный.

– Племянник, – начал он, а потом, как бы поправляясь:

– Мой дорогой Эдуард, по воле Божьей, а также по воле твоего отца, которому после Бога ты должен во всем повиноваться, тебе придется оставить нас и поступить на военную службу, на которой отличилось так много наших предков. Я принял меры, которые дадут тебе возможность вступить на это поприще так, как подобает потомку этих славных воинов и наследнику дома Уэверли. Не забывайте, сэр, на поле брани, какое имя вы носите. Но, Эдуард, мой милый мальчик, помни, что ты последний в роде и единственная надежда на его возрождение. Поэтому, насколько это совместимо с долгом и честью, избегай опасностей, – я хочу сказать, ненужного риска – и не водись с распутниками, игроками и вигами, которых, боюсь, слишком много развелось на той службе, на которую ты поступаешь. Твой полковник, как мне сказали, прекрасный человек... для пресвитерианина^[64]; но ты не забывай своего долга по отношению к Богу, к англиканской церкви и... – Тут следовало бы ему по всем правилам вставить «и к королю», но так как – увы! – с этим словом было весьма щекотливым образом связано двойственное представление – король *de facto*⁷ и король *de jure*^{8[65]} – баронет восполнил пробел по-иному: –...К англиканской церкви и ко всем властям предержащим.

Затем, не доверяя более своим ораторским способностям, он отвел племянника в конюшню, чтобы показать ему лошадей, предназначавшихся для похода. Две были великолепные вороные (полковая масть) кавалерийские лошади, а остальные три – крепкие и сильные полукровки, годные для дороги или для прислуги. Из замка с Эдуардом должны были выехать двое слуг, а конюха в случае надобности можно было дополнительно нанять в Шотландии.

– У тебя будет лишь скромная свита, – сказал баронет, – по сравнению с сэром Гильдебрандом, который выстроил у ворот замка больше всадников, чем солдат в твоём полку. Я сначала хотел, чтобы двадцать молодцов из моих поместий, поступивших в твой полк, выступили в Шотландию вместе с тобой. Это было бы на что-нибудь похоже, но мне сказали, что нынче это не принято. Теперь всякая новая и дурацкая мода только и вводится для того, чтобы подорвать естественную зависимость народа от помещиков.

Сэр Эверард сделал все возможное, чтобы исправить эту противоестественную тенденцию эпохи: он оживил узы, связующие рекрутов с их молодым капитаном, не только обильно угостив их на прощание говядиной и элем, но и вручив каждому из них в отдельности такие денежные дары, которые несравненно более способствовали веселости, нежели дисциплине в походе. Осмотрев коней, сэр Эверард снова отвел своего племянника в библиотеку, где передал ему письмо, тщательно сложенное, обвязанное по-старинному шелковой ленточкой и запечатанное аккуратным оттиском герба Уэверли. Было оно адресовано весьма торжественно:

⁷ Фактический (лат.).

⁸ По закону (лат.).

«Козмо Комину Брэдуордину, эсквайру, из Брэдуордина, в его замок Тулли-Веолан в Пертшире, Северная Британия. Через посредство капитана Эдуарда Уэверли, племянника сэра Эверарда Уэверли из Уэверли-Онора, баронета».

Джентльмен, которому было адресовано это велеречивое обращение и о котором нам придется больше сказать впоследствии, выступил в 1715 году с оружием в руках за изгнанную династию Стюартов и был взят в плен под Престоном в Ланкашире. Он принадлежал к очень старинной фамилии и находился в несколько расстроенных денежных обстоятельствах; он был учен так, как бывают шотландцы, то есть со знаниями более обширными, нежели точными, и интересовался, скорее, содержанием книг, нежели тонкостями грамматики. Своему пристрастию к античным авторам он дал однажды, по рассказам, совершенно необычайное подтверждение. На дороге между Престоном и Лондоном ему удалось бежать из-под конвоя, но затем он был замечен около того места, где накануне останавливались для ночевки, и вновь арестован. Товарищи и даже конвоиры никак не могли понять такой беззаботности и все спрашивали, почему, оказавшись на свободе, он не поспешил укрыться в безопасном месте. На это он ответил, что так и собирался сделать, но, по правде говоря, вернулся, чтобы отыскать забытый впопыхах том Тита Ливия^[66]. Простодушие, проявленное в этом случае, глубоко поразило джентльмена, который на средства сэра Эверарда и, возможно, еще некоторых лиц из его партии вел, как мы уже говорили, защиту некоторых из этих несчастных приверженцев Стюартов. Вдобавок и сам адвокат был ярым поклонником древнего палавинца, и хотя его любовь не довела бы его до такого безрассудства, даже если бы дело шло о спасении издания Свейнгейма и Паннарта^[67] (которое считается *editio princeps*⁹), энтузиазм шотландца произвел на него достаточно сильное впечатление. В результате он так хлопотал, чтобы где устранить, а где смягчить свидетельские показания, и так придирался ко всяким юридическим погрешностям, что добился полного оправдания Козмо Комины Брэдуордина и избавления его от весьма неприятных последствий обвинения, возбужденного против него перед королевским судом в Вестминстере.

Барон Брэдуордин (так его обычно звали в Шотландии, хотя близкие именовали его, по поместью, Тулли-Веолан или попросту Тулли) не успел оказаться *rectus in curia*¹⁰, как устремился в Уэверли-Онор, дабы выразить свое почтение и признательность его хозяину. Общая страсть к охоте, а также единомыслие в политических вопросах укрепили его дружбу с сэром Эверардом, несмотря на различие в привычках и в образовании. Проведя несколько недель в Уэверли-Оноре, барон удалился восвояси со всяческими выражениями уважения, горячо убеждая баронета посетить его, в свою очередь, осенью и принять участие в тетеревиной охоте на его пустошах в Пертшире. Вскоре после этого мистер Брэдуордин переслал из Шотландии некоторую сумму на погашение издержек, понесенных в королевском суде в Вестминстере, которая в переводе на английскую валюту хоть и не выглядела столь чудовищной, как ее первоначальное выражение в шотландских фунтах, шиллингах и пенсах^[68], все же произвела столь потрясающее впечатление на брентную плоть Дункана Мак-Уибла, конфиденциального агента, приказчика и дельца барона, что он пять дней страдал кишечными коликами. Произошло это исключительно оттого, что ему пришлось быть несчастным орудием передачи такой значительной суммы из своей родной страны в руки этих коварных англичан. Но патриотизм, будучи самой прекрасной, является в то же время и самой подозрительной личиной других чувств. Многие, знавшие приказчика Мак-Уибла, решили, что его жалобы не вполне бескорыстны и что он не так бы трясся над деньгами, выплаченными этим вестминстерским негодяям, если бы они шли из другого источника, а не из брэдуординских поместий, доходы с которых он

⁹ Первопечатным (*лат.*).

¹⁰ Оправданным перед законом (*лат.*).

считал в какой-то мере своими собственными. Но приказчик клялся, что он совершенно чужд сребролюбия. Беда, беда Шотландии, не мне!

Барон только радовался, что его достойному другу сэру Эверарду Уэверли из Уэверли-Онора возместили убытки, которые он понес ради дома Брэдуординов. Не только доброе имя его семьи, но и всего королевства Шотландии требовало, говорил он, чтобы эти издержки были немедленно оплачены, так как промедление в этом деле могло бросить тень на все государство. Сэр Эверард, привыкший равнодушно обращаться с гораздо большими суммами, принял двести девяносто четыре фунта тринадцать шиллингов и шесть пенсов, совершенно не подозревая, что их уплата представляет собою дело международной важности, и даже, вероятно, начисто позабыл бы о них, если бы приказчику Мак-Уиблу пришлось в голову излечить свои колики, перехватив эти деньги. С тех пор между двумя домами установился ежегодный обмен короткими записками, корзинами и бочонками, причем английский экспорт состоял из могучих сыров, еще более могучего эля, фазанов и оленины, а шотландский облекался в форму тетеревов, зайцев-беляков, маринованной лососяны и виски под названием асквибо. Все это отправлялось, получалось и воспринималось как знак нерушимой дружбы и приязни между двумя видными родами. Вывод напрашивался сам собою: законный наследник рода Уэверли не мог, не нарушая элементарных приличий, посетить Шотландию, не получив верительных грамот к барону Брэдуордину.

После того как этот пункт был разъяснен и по нему было достигнуто соглашение, проститься со своим милым питомцем, и притом приватно, с глазу на глаз, выразил желание мистер Пемброк. Все обращенные к Эдуарду увещания этого доброго мужа блюсти чистоту жизни и нравственность, твердо держаться принципов христианской религии и избегать нечестивого общества насмешников и вольнодумцев, слишком часто встречающихся в армии, были в известной мере окрашены его политическими предубеждениями. Небу было угодно, говорил он, погрузить шотландцев в еще более плачевный мрак (вероятно, за грехи их предков^[69] в тысяча шестьсот сорок втором году), чем даже обитателей несчастного королевства Англии. Здесь, по крайней мере, хотя светильник англиканской церкви до известной степени смещен со своего места, он все же продолжает хоть и тускло, но светить. Существует какая-то иерархия, пусть схизматическая и отпавшая от принципов великих отцов церкви Сэнкрофта^[70] и его братьев; существует литургия, хотя и плачевно извращенная в некоторых из главных молитв. Но в Шотландии царит сплошной мрак; за исключением некоторых жалких, разбросанных и гонимых остатков, все пасторские кафедры предоставлены пресвитерианам и, как он опасался, сектантам всевозможных толков. Его долг – предостеречь своего доброго питомца от грешных и пагубных учений в отношении церкви и государства, которые его уши вынуждены будут порой выслушивать.

Тут он вытащил две огромные связки, содержавшие, по-видимому, по целой стопе мелко исписанной бумаги. Это были плоды трудов целой жизни этого достойного человека; никогда еще труд и рвение не были потрачены так безрассудно. Как-то он отправился в Лондон с мыслью выпустить их в свет при содействии одного книгопродавца из Литтл-Бритена^[71], занимавшегося подобным товаром, к которому его научили обратиться с определенной фразой и условным знаком, бывшим тогда, по-видимому, в ходу среди якобитов. Не успел мистер Пемброк произнести пароль, сопровождая его надлежащим жестом, как книгопродавец стал величать Пемброка, несмотря на все его протесты, доктором и, отведя в заднюю комнату, где он проверил все мыслимые и немыслимые места укрытия, начал:

– Ну, доктор! Вот смотрите: все тайно, укромно. У меня не найдется и щелки для ганноверских крыс. Что, есть какие-нибудь отрадные вести от наших заморских друзей? А как поживает достойный король Франции? Или, возможно, вы прямо из Рима? Я уверен, что все начнется оттуда. Церковь должна зажечь свой светильник от старой лампы. Что это? Вы осторожны? За это я вас еще более уважаю, но не бойтесь.

Тут мистеру Пемброку насилу удалось остановить поток вопросов, подкрепленных знаками, кивками и подмигиваниями, и, убедив наконец книгопродавца, что он оказывает ему слишком много чести, принимая его за эмиссара изгнанной династии, изложить ему цель своего посещения.

Рукописи книжник стал рассматривать с гораздо более спокойным видом. Заглавие первой было: «Несогласие с несогласными, или Опровержение соглашений, показывающее невозможность каких бы то ни было компромиссов между церковью и пуританами, пресвитерианами и сектантами любого толка; с примерами из Священного Писания, отцов церкви и наиболее здравых полемических сочинений по богословию». Против этого сочинения книгопродавец положительно восстал.

– Написано с наилучшими намерениями, – сказал он, – и, без сомнения, ученая книга. Но время для таких прошло. Если даже ее напечатать петитом, она займет восемьсот страниц и никогда не оправдает издержек. А поэтому уж не взыщите. Всегда от всей души любил и уважал истинную церковь, и если бы это была проповедь о мученичестве или какая-нибудь вещь пенсов на двенадцать, ну что же, можно было бы пойти на риск из уважения к вашему сану, но лучше посмотреть, что представляет собой другая. «Правое в наследственном праве»! А, в этом что-то есть. Гм-гм-гм! Страниц столько-то, бумаги столько-то; набора... Знаете, доктор, вам нужно повикинуть кое-что из латыни и греческого; тяжело, доктор, дьявольски тяжело (прошу прощения), и если бы вы подсыпали малость перца... Впрочем, я авторам наставлений не читаю... я издавал и Дрейка^[72], и Чарлвуда Лотона^[73], и бедного Эмхерста...^[74] Эх, Калев, Калев, ну разве не преступление было дать умереть бедному Калеву с голоду, когда у нас столько жирных священников и сквайров! Я раз в неделю кормил его обедом, но, боже мой, что значит есть раз в неделю, когда человек не знает, куда ему идти остальные шесть дней? Ну, надо показать вашу рукопись маленькому Тому Алиби, юристу, который заправляет моими делами... Осторожность никогда не мешает... Толпа была очень невежлива, когда меня в последний раз привлекали к суду... Сплошь виги и круглоголовые, уильямиты^[75] и ганноверские крысы.

На следующий день мистер Пемброк опять зашел к издателю, но оказалось, что Том Алиби посоветовал воздержаться от издания.

– Ради церкви я с наслаждением бы отправился к... что бишь я хотел сказать?... Ах да, за океан, на плантации...^[76] Но, любезный друг, у меня жена и ребятишки... Впрочем, чтобы доказать вам мое усердие, я порекомендую книгу моему соседу Триммелу – он холостяк и скоро оставит торговлю, так что путешествие в барже на запад не будет ему в тягость.

Но мистер Триммел также проявил упорство, и мистеру Пемброку, возможно к его счастью, пришлось вернуться в Уэверли-Онор со своими трактатами в защиту истинных основ церкви и государства, надежно уложенными в переметные сумы.

Поскольку из-за трусливого эгоизма торговцев публика, по всей вероятности, должна была навеки лишиться радости прочесть его творения, мистер Пемброк решил переписать два экземпляра этих необъятных рукописей в назидание своему питомцу. Он чувствовал, что не был слишком усердным воспитателем, а кроме того, совесть мучила его за то, что он согласился по просьбе мистера Ричарда Уэверли не внушать Эдуарду чувств, несовместных с настоящим состоянием церкви и государства. «Но теперь, – думал он, – я могу, не нарушая своего слова, представить юноше, раз он уже не находится у меня под опекой, возможность прийти к собственным выводам. Мне остается только опасаться его упреков в том, что я так долго скрывал от него тот свет, который озарит его ум при чтении этих страниц». Пока он предавался этим мечтам автора и политического деятеля, его возлюбленный прозелит, не видя ничего заманчивого в заглавии трактатов и уstraшеннyм объемом и убористым почерком рукописи, преспокойно сложил их в угол своего дорожного чемодана.

Прощание тетушки Рэчел было коротко и нежно. Она только предостерегла своего милого Эдуарда, которого, по-видимому, считала несколько влюбчивым, против чар шотландских красавиц. Она готова была признать, что в северной части острова живет несколько старинных семей, но все это были виги и пресвитериане, за исключением хайлендеров; а у них, она вынуждена заметить, дамы не могут обладать особенной щепетильностью, ибо в горах, как ее уверяли, обычная одежда мужчин отличается, по меньшей мере, чрезвычайной странностью, чтобы не сказать непристойностью^[77]. Она заключила свое прощание нежным и проникновенным благословением и подарила на память молодому офицеру драгоценное бриллиантовое кольцо (в то время их часто носили и мужчины) и кошелек с крупными золотыми монетами, которые также много чаще встречались шестьдесят лет назад, чем это случается теперь.

Глава VII

Кавалерийский полк на квартирах в Шотландии

На следующее утро Эдуард выехал из замка, волнуемый самыми различными чувствами, из которых основным было тревожное и несколько торжественное сознание, что теперь он в значительной степени предоставлен самому себе. Провожали его благословения и слезы всех старых слуг и обитателей деревни, иной раз хитро ввертывавших в свои добрые пожелания просьбы о производстве в капралы или сержанты какого-нибудь Джейкоба, Джайлса или Джонатана, «которых они никогда бы не подумали отдавать в солдаты, если бы не потребовалось сопровождать его милость, как это им повелевал их долг». Эдуард, как ему повелевал его собственный долг, отделялся от просителей, связав себя несравненно меньшим количеством обещаний, чем можно было ожидать от столь неопытного молодого человека. Заехав ненадолго в Лондон, он направился верхом, как это было принято в те дни, в Эдинбург, чтобы оттуда проследовать в Данди^[78], морской порт на восточном побережье Ангюшира, где в это время был расквартирован его полк.

Он вступал в неизведанный мир, где какое-то время все было прекрасно, потому что было внове. Уже сам командир полка полковник Гардинер представлял интересный предмет для наблюдений романтически настроенного и в то же время пытливого юноши. Это был высокий, благообразный и энергичный мужчина, хотя уже и в годах. В молодости он вел, выражаясь описательно, веселую жизнь, и странные слухи ходили о его внезапном обращении – если не от неверия, то от сомнений – к серьезному и даже восторженно-религиозному образу мыслей. Шепотом передавали, что эта удивительная перемена произошла с ним после сверхъестественного откровения, принявшего даже ощутимую для внешних чувств форму. И хотя некоторые говорили о новообращенном как о мечтателе, никто не считал его за лицемера. Это странное и таинственное обстоятельство придавало полковнику Гардинеру совершенно особый и глубокий интерес в глазах юного воина. Нетрудно понять, что офицеры полка, которым командовал такой почтенный человек, представляли собой общество более степенное и благонравное, чем обычно встречается в кругу офицерства, и что Уэверли избежал благодаря этому некоторых соблазнов, которые при иных обстоятельствах, весьма вероятно, встретились бы у него на пути.

Между тем его военное воспитание шло своим чередом. Он и раньше был изрядным наездником, а теперь его стали посвящать в тайны манежной езды, которая, будучи доведена до совершенства, превращает человека в существо, подобное мифическому кентавру. Кажется, что всадник управляет конем одним усилием воли, без какого-либо внешнего и видимого побуждения. Обучали нашего героя и полевой службе. Но я должен признать, что, когда его первое увлечение поостыло, успехи его в этой области оказались много скромнее того, чего он желал и ожидал. Надо сказать, что обязанности офицера, производящие такое огромное впечатление на неопытные умы благодаря внешнему блеску и различным ритуалам, в сущности, очень сухое и отвлеченное занятие, основанное главным образом на арифметических комбинациях, которые требуют огромного внимания и спокойной и рассудительной головы для своего успешного выполнения. На нашего героя находили приступы рассеянности, и оплошности его вызывали некоторую веселость, а то и выговоры. От этого он мучительно сознавал свою неполноценность в тех качествах, которые, как ему казалось, были наиболее необходимы и выше всего ценились в его новой профессии. Он тщетно спрашивал себя, почему у него не такой хороший глазомер, как у товарищей; почему его голова не разбирается в последовательности различных элементов какой-нибудь эволюции, а его память, обычно такая восприимчивая, не может в точности удержать различные технические выражения и тонкости этикета и воинской дисциплины. Уэверли был от природы скромн, а потому он не впал в вульгарную

ошибку и не считал такие мелочи военной службы недостойными своего внимания, он не думал, что рожден быть генералом, так как не годится в офицеры. Дело в том, что бессистемное и беспорядочное чтение оказало свое действие на его от природы замкнутый и мечтательный характер и придало его уму нерешительность и непостоянство, которым особенно претит упорный труд и сосредоточенное внимание. Время между тем тянулось для него бесконечно. Соседние помещики не сочувствовали правительству и проявляли мало гостеприимства по отношению к военным, а горожане, занимавшиеся главным образом торговыми делами, не принадлежали к тому кругу, с которым стал бы общаться Уэверли. Приближение лета и желание познакомиться с Шотландией более основательно, чем это можно было сделать во время непродолжительной верховой поездки, побудили его просить об отпуске на несколько недель. Первым долгом он решил посетить старого друга и корреспондента своего дядюшки, с тем чтобы, в зависимости от обстоятельств, продолжить или сократить то время, которое рассчитывал пробыть у него. Поехал он, разумеется, верхом, в сопровождении одного слуги, и провел свою первую ночь в убогой гостинице, хозяйка которой не имела ни башмаков, ни чулок, а хозяин, величавший себя джентльменом, обошелся с ним достаточно грубо, так как постоялец не пригласил его разделить с ним ужин. На следующий день, пересекши открытую и ничем не перегороженную местность, Эдуард приблизился к Пертшитским возвышенностям, которые вначале показались на горизонте в виде голубой гряды, но теперь уже вздымались гигантскими массами, хмуро глядевшими на расположенную под ними более ровную местность. Тут-то, у подошвы этого мощного вала, но еще на равнине, обитал Козмо Комин Брэдуорд и, если верить седой старине, обитали и все его предки с чадами и домочадцами со времен блаженной памяти короля Дункана^[79].

Глава VIII

Шотландский замок шестьдесят лет назад

Было около полудня, когда капитан Уэверли въехал в разбросанное селение, или, скорее, деревушку Тулли-Веолан, близ которой располагался замок самого владельца. Дома казались в высшей степени жалкими лачугами, особенно для глаза, привыкшего к веселой опрятности английских крестьянских жилищ. Они стояли то тут, то там по обе стороны извилистой немощеной улицы, на которой барахтались почти в первобытной наготе ребятишки, как будто нарочно, чтобы попасть под копыта первой попавшейся лошади. Иной раз, когда такая развязка казалась неминуемой, из какой-нибудь жалкой клетушки выскакивала, подобно обезумевшей сивилле^[80], какая-нибудь бдительная старуха в плотно сидящем чепце, с гребнем и веретенем в руке, устремлялась на середину дороги и, вырвав своего питомца из кучи загорелых бездельников, награждала его здоровой затрещиной, а затем увлекала обратно в темницу, причем маленький белоголовый негодяй безостановочно орал во всю силу своих легких, визгливым дискантом вторя ворчливой брани разъяренной старухи. Этот концерт поддерживался с другой стороны непрерывным тьяканьем штук двадцати праздных и бесполезных собак, которые с рычаньем, лаем и воем набрасывались на копыта лошадей. Эта язва была в ту пору настолько распространена в Шотландии, что один французский турист, желавший, подобно другим путешественникам, найти разумное оправдание всему тому, что он видел, отметил как одну из достопримечательностей Каледонии^[81], что государство содержит в каждой деревне смену собак под названием колли, на обязанности которых лежит подгонять почтовых лошадей (слишком заморенных и изнуренных, чтобы бежать без этого внешнего стимула) от одной деревушки до другой, пока докучливый конвой не доведет их до следующей станции. И само зло и лекарство от него (какое бы оно ни было) существует и поныне. Но все это далеко от нашей темы и упоминается здесь мимоходом, с единственной целью обратить на этот вопрос внимание сборщиков налога на собак согласно биллю мистера Дента.

По мере того как Уэверли ехал дальше, там и сям какой-нибудь старик, согбенный трудом и годами, с глазами, помутневшими от старости и дыма, дрожащей походкой выходил на порог своей хижины, вглядывался в одежду и лошадей незнакомца, а затем присоединялся к небольшой кучке соседей у кузницы, чтобы перебрать все предположения относительно того, откуда мог взяться этот проезжий и куда он направляется. Три или четыре деревенские девушки, наполнявшие в колодце или в ручье кувшины и ведра, которые они несли на голове, представляли более приятное зрелище и в своих коротких платьях с одной только нижней юбкой, с голыми руками и ногами, непокрытой головой и косами как-то напоминали Италию. Любитель живописного обязательно оценил бы изящество их одежды и гармоничность форм, хотя, по правде сказать, обыкновенный англичанин, создавший слово «комфорт» и всюду ищущий его, несомненно, пожелал бы, чтобы одежда их была не так скудна, ноги защищены от непогоды, а голова и лицо – от солнца, и, пожалуй, подумал бы даже, что как сама девушка, так и туалет ее значительно бы выиграли от энергичной обработки ключевой водой с *quantum sufficit*¹¹ мыла. Вся картина в целом производила удручающее впечатление, ибо с первого взгляда говорила о застое в деятельности, а возможно, и о застое в умственном развитии. Даже любопытство, самая беспокойная страсть праздных людей, носило в Тулли-Веолане известный отпечаток равнодушия и только у помянутых собак проявлялось в какой-то мере активно, у сельчан же оставалось совершенно бездеятельным. Они стояли и смотрели на красивого молодого офицера и его слугу, но у них не было заметно ни быстрых движений, ни жадных взглядов, которые гово-

¹¹ Достаточным количеством (лат.).

рят о страстном желании человека, живущего в однообразии домашнего довольства, найти себе развлечение вне привычного круга. Однако лица этих людей, если в них взглядеться повнимательнее, были далеки от безразличия и глупости. Черты их были грубы, но в них сквозила замечательная смышленость: выражения суровы, но представляли собой прямую противоположность тупости, а среди молодых женщин художник мог бы выбрать не одну, лицом и сложением напоминающую Минерву^[82]. Ребятишки с кожей, почерневшей от загара, и волосами, побелевшими от солнца, тоже отличались живыми и пытливыми физиономиями. В общем, казалось, что бедность и слишком частый ее спутник – безделье – соединились для того, чтобы заглушить природную одаренность и благоприобретенные знания выносливого, умного и мыслящего крестьянства.

Подобного рода мысли бродили в голове Уэверли, когда он медленно проезжал по неровной и кремнистой улице Тулли-Веолана. Его отвлекал порою лишь конь, шарахавшийся от казачьих наскоков вышеупомянутых колли. Деревня растянулась больше чем на полмили. Хижины были отделены друг от друга различной величины огородами, или, по-местному, дворами, где ставший теперь повсеместным картофель (не забудьте, что это было шестьдесят лет назад) был еще неизвестен^[83], но которые были засажены гигантскими кочанами капусты. Вокруг подымались целые рощи крапивы, среди которой здесь и там возвышался роскошный болиголов, а то и национальный чертополох, покрывавший тенью четверть крошечного участка. Пересеченная местность, на которой была выстроена деревня, никогда не выравнивалась, так что огороды располагались на самых различных уровнях и с самыми разнообразными уклонами, то вздымаясь подобно террасам, то исчезая под землей, словно дубильные ямы. Каменные стенки сухой кладки, которые защищали – впрочем, не слишком успешно, столько было в них брешей – эти висячие сады Тулли-Веолана, пересекала узкая дорога, ведущая к общественному полю, где соединенными усилиями селян возделывались клочки земли, засеянные попеременно то рожью, то овсом, то ячменем, то горохом, клочки столь мизерных размеров, что на некотором расстоянии все это бесполезное разнообразие напоминало страницу образчиков материи из альбома портного. В виде счастливого исключения за хижинами иной раз виднелся род жалкого вигвама, сложенного из земли, камней и дерна, куда наиболее зажиточные могли при случае поставить какую-нибудь заморенную коровенку или лошадь с жестоким нагнетом. Но зато спереди почти каждая хижина была отгорожена огромной черной кучей торфа, с размерами которой по другую сторону ворот состязалась в благородном соревновании фамильная навозная куча.

На расстоянии выстрела из лука, если считать от края деревни, начинались участки, носившие гордое название тулли-веоланских парков. Это были квадратные поляны, обнесенные и перегороженные каменными стенами высотой в пять футов. В середине внешней ограды находились наружные ворота главной аллеи, выведенные в виде свода и увенчанные зубцами и двумя выветренными и изуродованными глыбами камня, поставленными стоймя. Если верить преданиям деревушки, они когда-то представляли, или должны были представлять, двух стоячих медведей – эмблему дома Брэдуординов. От ворот шла не особенно длинная прямая аллея, окаймленная двойным рядом каштанов попеременно с яворами. Деревья были настолько высоки и так широко разрослись, что ветви их нависали сводом над широкой дорогой. По ту сторону этих почтенных ветеранов тянулись параллельно дороге две высокие стены, по видимому такой же древности, заросшие плющом, жимолостью и другими ползучими растениями. Эта аллея почти запустела, проходили по ней только изредка пешеходы. Она была постоянно в тени и заросла во всю ширь густой и сочной травой, за исключением узкой тропинки, вытопанной редкими путниками, которая непринужденно извивалась от наружных ворот к внутренним. Этот внутренний портал, как и внешний, примыкал к стене, украшенной наверху грубыми изваяниями и зубцами, а за нею виднелись наполовину закрытые деревьями крутые высокие крыши и узкие фронтоны замка, края которых были выведены ступенями, а углы были

украшены небольшими башенками. Одна из створок нижних ворот была открыта, и солнце, заливавшее расположенный за ними двор, длинной блестящей полосой врывалось в темную и сумрачную аллею. Это был один из эффектов, особенно любимых живописцами, и он прекрасно сочетался со светом, который пробивался сквозь листву тенистого свода, перекрывшего широкую зеленую дорогу.

Уединенность и тишина всей этой картины были почти монастырскими, и Уэверли, передавший при входе в первые ворота свою лошадь слуге, медленно брел по аллее, наслаждаясь прохладной тенью. Ему так были приятны мысли об отрешенности и покое, навеянные этой ничем не возмущаемой, далекой от всякой суеты картиной, что он уже забыл нищету и грязь деревушки, которую только что оставил позади. Выход на мощный двор был в полном соответствии с остальной картиной. Дом, состоявший на вид из двух или трех высоких и узких строений с крутыми крышами, примыкавших друг к другу под прямыми углами, образовывал одну сторону двора. Он был построен в ту эпоху, когда замки уже изжили себя, а шотландские зодчие еще не овладели искусством создавать покойные дома для семейного жилья. Окон было бесчисленное множество, но они были очень малы; на крыше виднелись какие-то невразумительные зубчатые выступы, известные под названием бартизанов^[84], а на каждом из многочисленных углов красовалась башенка, скорее похожая на перечницу, чем на готическую сторожевую башню. Фасад жилища также говорил о том, что его обитатели не были абсолютно гарантированы от нападений. В нем виднелись амбразуры для мушкетов и железные прутья на нижних окнах, вероятно, для того, чтобы отвести бродячих цыган или дать отпор грабительским налетам скотокрадов с соседних гор. Противоположную сторону квадратного двора занимали конюшни и прочие службы. Первые представляли собою низкие сводчатые строения с узкими щелями вместо окон, напоминавшие, по выражению слуги Уэверли, «скорее тюрьму для душегубцев, грабителей и прочих таких, которых судят да вешают, чем жилье для христианской скотины». Над этими конюшнями, смахивавшими на темницы, размещались амбары и другие службы, к которым вели снаружи массивные каменные лестницы. Двор замыкали две зубчатые стены: одна приходилась против аллеи, а другая отделяла его от сада.

Двор также имел свои украшения. В одном углу стояла пузатая, как бочка, голубятня значительных размеров и с ярко выраженной округлостью, пропорциями своими и очертаниями напоминавшая любопытное здание, известное под названием Артуровой Печи, которое свело бы с ума всех английских любителей древности, если бы почтенный владелец не снес его для починки соседней плотины. Эта голубятня, или колумбарий, как величал ее хозяин, была немалым подспорьем для шотландского лэрда^[85] того времени и пополняла его скудные доходы контрибуциями, взимававшимися с ферм крылатыми фуражирами, между тем как принудительный набор среди этих последних служил для обогащения его стола.

В другом углу двора красовался фонтан в виде огромного, высеченного из камня медведя, склонившегося над большим каменным бассейном, в который он изрыгал воду. Это произведение почиталось чудом искусства на десять миль в округе. Не следует забывать, что всевозможные медведи – поменьше и побольше, во весь рост и по пояс – были изображены над окнами, по углам фронтонов, на концах водосточных труб, наконец, подпирали башенку, причем под каждой гиперборейской фигурой^[86] был начертан родовой девиз: «Берегись медведя!» Двор был просторный, хорошо вымощенный и безупречно чистый; надо полагать, из него существовал еще и другой выход для уборки мусора и навоза. Кругом царили тишина и безмолвие, фонтан непрерывно плескал; все в этой картине поддерживало вызванный в воображении Уэверли образ монашеского уединения – но здесь я попрошу разрешения закончить это описание неживой природы¹².

¹² Описание Тулли-Веолана не соответствует какому-либо определенному замку, но отдельные черты его встречаются в различных старинных шотландских усадьбах. Так, замок Уоррендера на брантсфилдских дюнах, равно как и старый Рэвел-

стонский замок, принадлежащие: первый – сэру Джорджу Уоррендеру, а второй – сэру Александру Кийту, дали кое-какие свои черты описанию в романе. Замок Дина под Эдинбургом имеет также кое-что общее с Тулли-Веоланом. Впрочем, автору сообщили, что больше всего на него похож замок Грэндтулли. – *Примеч. авт.*

Глава IX

Еще о замке и его окрестностях

Уэверли в продолжение нескольких минут оглядывался по сторонам и, удовлетворив свое любопытство, взялся за увесистый молоток парадной двери, на архитраве^[87] которой была начертана дата 1594. Но ответа на стук не последовало, хотя отголосок его и прокатился по анфиладе покоев и, вызвав эхо дворовой ограды, спугнул голубей с древней ротонды, которую они занимали, и даже заново встревожил деревенских собак, удалившихся поспать каждая на свою навозную кучу. Вскоре, однако, ему надоело грохотать и вызывать бесполезные отзвуки; наш герой начал думать, что он попал в замок Оргольо, в который вступил победоносный принц Артур^[88]:

Он в дом вошел и громко закричал,
Но тишина вокруг царила грозно,
Был пуст весь сад, был пуст огромный зал,
И на его призыв никто не отвечал.

Он уже готовился увидеть перед собой «седого старца с бородой как снег», которого он мог бы расспросить об этом опустевшем жилище, и направился к дубовой калитке убитой железными гвоздями, которая открывалась во двор в том месте, где дворовая стена примыкала к углу дома. Несмотря на свой грозный вид, она была заперта только на щеколду. Через нее он прошел в сад самого приятного вида¹³. Южная сторона дома, покрытая шпалерами из фруктовых деревьев и различными вечнозелеными растениями, простирала свой неправильный, но почтенный фасад вдоль террасы, частью мощеной, частью посыпанной гравием, частью окаймленной цветами и декоративным кустарником. С этой возвышенности к саду в собственном смысле вели три лестницы, расположенные посередине и по бокам. Сама терраса была окружена парапетом с массивной балюстрадой, в которую на определенных расстояниях были вделаны вместо столбов огромные уродливые фигуры зверей, сидящих на задних лапах, среди которых несколько раз повторялся любимый медведь. Посреди террасы, между застекленной дверью дома и центральной лестницей, стоял огромный зверь той же породы, подпиравший головой и передними лапами широкие солнечные часы, покрытые таким хитросплетением геометрических линий и фигур, что их не могли истолковать скромные математические способности Уэверли.

В саду, который содержали, видимо, очень тщательно, было великое множество фруктовых деревьев и цветов, там изобиловали и вечнозеленые растения, подстриженные самым диковинным образом. Он был расположен террасами, спускавшимися уступ за уступом от западной стены к большому ручью. Там, где он окаймлял сад, поверхность его была спокойная и зеркальная, но дальше он бурно переливался через прочную плотину, умиротворявшую его лишь на время. В месте, где он низвергался каскадом, возвышалась восьмиугольная беседка с позолоченным медведем наверху в качестве флюгера. Совершив свой эффектный прыжок, ручей снова обретал стремительный и неистовый бег и исчезал из вида в глубокой лесистой ложине, в чаще которой возвышалась полуразрушенная массивная башня – прежнее жилище баронов Брэдуординов. На том берегу ручья, прямо против сада, была узкая поемная лужайка, на которой стирали белье, а за нею весь берег зарос старыми деревьями.

¹³ Такой сад можно видеть в Рэвелстоне. Он сохранился благодаря просвещенному вкусу его владельца, сэра Александра Кийта, управляющего королевскими уделами. Впрочем, этот сад, равно, как и дом, меньше по своим размерам, нежели сад и замок барона Брэдуордина, как он изображен в романе. – *Примеч. авт.*

Эта картина, хоть и приятная на вид, все же не сравнилась бы с садами Альчины^[89]; однако и здесь были *due donzeillette garrule*¹⁴ этого волшебного рая: на вышеупомянутой лужайке две босоногие девицы, стоя каждая в поместительной лохани, выполняли своими стопами работу патентованной стиральной машины. Впрочем, они не остались, подобно прислужницам Армиды^[90], приветствовать своим пением приближавшегося гостя, но в страхе перед прекрасным незнакомцем, появившимся на противоположном берегу, совлекли свои одежды (для точности следовало бы сказать: одежду) на ноги, которые их занятие выставляло уж слишком напоказ, и, взвизгнув: «Ах, мужчины!» – не то из скромности, не то из кокетства разбежались в разные стороны, как серны.

Уэверли уже отчаивался проникнуть в этот уединенный и, видимо, зачарованный замок, как вдруг в конце аллеи, на которой он все еще в нерешимости стоял, появился какой-то человек. Полагая, что это садовник или кто-либо из домашней прислуги, Эдуард стал спускаться по ступенькам к нему навстречу. Человек был еще далеко, и Уэверли не мог рассмотреть его лицо, но его сразу поразила странная наружность и движения незнакомца. Иногда это существо подымало над головой сплетенные руки наподобие индийского йога, иногда опускало их и раскачивало, как маятник, до горизонтального положения, а то похлопывало себя ими по плечам, как заправский извозчик, заменяющий этим упражнением привычное похлестывание лошадей, когда в ясный морозный день животного его стоит без дела на стоянке.

Его походка была столь же необычайна, как и жесты: по временам он с большим усердием прыгал на одной правой ноге, потом переходил в этом способе передвижения на левую и, наконец, составив ноги вместе, начинал прыгать на обеих сразу. Платье его было также старомодное и причудливое. Оно состояло из серой куртки с алыми обшлагами и прорезными рукавами на алой подкладке; прочие части его одежды были выдержаны в тех же цветах, в том числе пара алых чулок и алая шапочка, гордо украшенная пером индейского петуха. Эдуард, которого он, по-видимому, не заметил, нашел в чертах его лица подтверждение догадки, которая возникла у него при виде его фигуры и движений. Не идиотизм и не безумие, а, скорее, нечто похожее на смесь того и другого придавало этому лицу, от природы даже довольно красивому, дикое, изменчивое и тревожное выражение. Простота дурачка соединялась в нем с сумасбродством расстроенного воображения. Он пел пресерьезно и не без некоторого вкуса отрывок из старинной шотландской песни:

Ужель ты обманул меня
В то лето золотое?
Тебе я тем же отплачу
Дождливою зимою.
И коль тебе я изменю –
Ты сам тому причина.
Смеешься с девушками ты –
Я улыбнусь мужчинам¹⁵.

Тут, подняв глаза, следившие до тех пор за тем, чтобы ноги не отставали от такта песни, он заметил Уэверли и, немедленно сняв шапку, стал расточать перед ним нелепые знаки удивления, почтения и приветствия. Эдуард, хоть и мало надеялся добиться от него членораздельного ответа на прямой вопрос, все же пожелал узнать, дома ли мистер Брэдуорд и где он может найти кого-либо из его слуг. Спрошенный не замедлил с ответом; как волшебник из «Талабы»^[91], он «песнью говорил»:

¹⁴ Две болтливые девицы (*ит.*).

¹⁵ Это отрывок из подлинной старинной песни с некоторыми изменениями в последних двух строчках. – *Примеч. авт.*

Ушел рыцарь в горы,
Трубит он в свой рог,
А в роще миледи
Сплетает венок...
И мохом в беседке
Застелен весь пол,
Чтоб к леди лорд Уильям
Неслышно вошел.

Из этого трудно было что-либо понять, и Эдуард повторил свой вопрос. На этот раз ему ответили так быстро и на таком непонятном диалекте, что из всей речи можно было разобрать одно только слово: «дворецкий». Уэверли тогда выразил желание увидеть дворецкого, после чего помешанный, многозначительно взглянув на Эдуарда, утвердительно кивнул и подал ему знак идти за ним, а сам заскакал и заплясал вниз по аллее, на которой он впервые появился.

«Странный вожатый, – подумал Эдуард, – и порядком смахивающий на одного из жалких шутов у Шекспира. Я поступаю не слишком благоразумно, доверяясь его руководству, но и людей поумнее меня водили дураки».

Между тем он спустился до конца аллеи, где, повернув к небольшому цветнику, защищенному с востока и с севера густой изгородью тиса, увидел старика, работавшего без верхней одежды. По внешности это был не то слуга высшего разряда, не то садовник. Красный нос и плоеная рубашка изобличали в нем представителя первой профессии, между тем как здоровое и загорелое лицо и зеленый фартук, видимо, говорили за то, что он, как Адам, возделывал свой сад.

Мажордом – ибо он оказался таковым, иначе говоря, вторым по значению лицом в баронских владениях (более того – в качестве главного министра внутренних дел в исключительно подведомственных ему областях кухни и погреба он превосходил даже по важности приказчика Мак-Уибла) – мажордом отложил лопату, поспешно надел ливрею и, бросив негодующий взгляд на вожатого Эдуарда, вероятно, за то, что он привел незнакомца тогда, когда он был занят тяжелой и, на его взгляд, унижительной работой, пожелал узнать, каковы будут приказания молодого джентльмена. Услышав, что Эдуард хотел бы засвидетельствовать свое почтение хозяину, что зовут его Уэверли и т. д., старик выразил на своем лице почтительную важность.

– Беру на себя смелость заверить вас, – значительно произнес он, – что его милость будет чрезвычайно доволен вас видеть. Не угодно ли будет мистеру Уэверли закусить с дороги? Его милость отправился смотреть, как рубят черную ведьму, и обоим садовникам (обоим было произнесено с особым ударением) приказал идти туда же. А я вот балуюсь перекапыванием цветника мисс Розы, чтобы быть под рукой на случай приказаний его милости. Мне очень нравится садовничать, да все нет времени для таких развлечений.

– Не может справиться с цветником за два дня в неделю, – заметил диковинный проводник Уэверли.

Дворецкий наградил его мрачным взглядом и, назвав его Дэвидом Геллатли, приказал тоном, не терпящим возражений, идти к черной ведьме за его милостью и доложить, что в замок прибыл молодой джентльмен с юга.

– Может этот бедняга передать письмо? – спросил Эдуард.

– Будьте покойны, сэр, передаст всякому, кого уважает. Но за что-нибудь длинное на словах я не поручусь – хоть он больше плут, чем дурак.

Уэверли передал свои верительные грамоты мистеру Геллатли, который, как будто в подтверждение последних слов дворецкого, воспользовался мгновением, когда тот отвернулся,

чтобы соорудить ему рожу в духе уродливых головок на немецких трубках, после чего, отвесив Уэверли причудливый поклон, пустился, приплясывая, выполнять поручение.

– Он – юродивый, сэр, – сказал дворецкий, – почти в каждом городе у нас по такому, только наш в особой чести. В свое время он мог и поработать не хуже других, но как-то раз спас мисс Розу от нового английского быка лэрда Килланкьюрейта, и с тех пор мы зовем его Дэви-лоботряс; впрочем, можно было бы назвать его и Дэви-дармод: с тех пор как он надел эти пестрые тряпки в угоду его милости и молодой госпоже (у больших людей бывают такие причуды), он только и знает, что пляшет по всему городу и ничего путного не делает, разве иногда справит удочку лэрду или наловит ему мух, а то еще как-нибудь наудит блюдо форели. Но вот идет мисс Роза, которая, ручаясь, будет особенно довольна принять члена дома Уэверли в замке своего отца в Тулли-Веолане.

Но Роза Брэдуордн стоит того, чтобы ее недостойный летописец отвел ей нечто большее, чем конец главы. А пока заметим, что Уэверли узнал из этой беседы две вещи: что в Шотландии отдельный дом называется городом, а природный шут – юродивым.

Глава X

Роза Брэдуордин и ее отец

Мисс Брэдуордин было всего семнадцать лет; однако на последних скачках в городке ***, когда наряду с другими красавицами было предложено выпить и за ее здоровье, лэрд Бамперкуэйг, неперменный оратор и заместитель председателя Бодеруиллерийского клуба, не только потребовал, чтобы ему еще раз налили бордо в бокал, вмещавший целую пинту, но, прежде чем произвести возлияние, произнес имя богини, в честь которой оно совершалось: «За Розу из Тулли-Веолана!» Троекратное «ура» прогремело по этому поводу из уст всех постоянных членов достопочтенного общества, глотки которых еще не лишились способности к подобному усилию. Впрочем, меня заверили, что погрузившиеся в сон участники пиршества выразили свой восторг храпом, и хотя крепкие напитки и некрепкие головы повергли двух или трех наземь, даже и эти, павшие, так сказать, со своего возвышенного положения и валявшиеся во прахе – я не буду продолжать пародию, – произносили различные нечленораздельные звуки, выражавшие согласие с тостом.

Такое единодушное одобрение могло быть вызвано лишь общепризнанными заслугами, а Роза Брэдуордин заслуживала не только его, но и одобрения гораздо более разумных лиц, нежели те, которыми мог похвастаться Бодеруиллерийский клуб, даже до испития первой галлоновой бутылки. Это была действительно очень хорошенькая девушка чисто шотландского типа красоты, то есть с изобилием волос светло-золотистого оттенка и кожей, которая по белизне была подобна снегам ее родных гор. Однако она не отличалась ни бледностью, ни задумчивостью; в ее чертах, как и в характере, было много живости; цвет ее лица, хоть и не блистал яркими красками, был настолько чист, что казался прозрачным, и от малейшего волнения кровь у нее прилиwała к лицу и шее. Вся ее фигура, хоть ростом она была ниже среднего, отличалась изяществом, а движения – легкостью, свободой и непринужденностью. Она пришла с другого конца сада, чтобы встретить капитана Уэверли, и во всей ее манере чувствовалась смесь застенчивости с учтивостью.

После первых приветствий Эдуард узнал от нее, что черная ведьма, несколько озадачившая его в рассказе дворецкого о времяпрепровождении хозяина, не имела ничего общего ни с черной кошкой, ни с помелом, а была попросту частью дубовой рощи, назначенной в этот день на сруб. Со скромной нерешительностью Роза предложила проводить незнакомца к роще, находившейся, видимо, неподалеку, но этому помешало появление вызванного Дэвидом Геллатли барона Брэдуордина собственной персоной, который, «гостеприимных мыслей преисполнен», устремился к нему столь быстрыми и широкими шагами, что Уэверли невольно вспомнил о семимильных сапогах-сороходах детских сказок. Это был высокий, худощавый и сильный человек, старый, конечно, и седой, но с мышцами, которые от постоянных упражнений были туги, как хлыст. Одет он был небрежно, скорее на французский, чем на английский лад того времени, между тем как по резким чертам и негибающейся, как палка, фигуре он напоминал офицера швейцарской гвардии, прожившего в Париже и перенявшего у его жителей костюм, но не свободу в обхождении. По правде говоря, как в речи его, так и в привычках была та же разношерстность, что и в его одежде.

Своей естественной склонности к учению, а может быть, и распространенному в Шотландии обычаю давать молодым людям знатного происхождения юридическое образование он был обязан тем, что его предназначили к адвокатуре. Но так как политические взгляды семьи мешали ему достигнуть видного положения в этой профессии, мистер Брэдуордин в течение нескольких лет путешествовал знатным иностранцем за границей, а затем совершил некоторое количество походов на иностранной службе. После своего столкновения в 1715 году с зако-

ном о государственной измене он стал вести уединенный образ жизни, общаясь почти исключительно с соседями, разделявшими его образ мыслей. Педантизм законника, соединенный с воинской гордостью солдата, мог бы напомнить человеку наших дней о ревностных волонтерах, накидывавших адвокатскую мантию на блестящую военную форму. К этому следует добавить предрассудки, связанные с древним происхождением и якобитскими убеждениями, еще усугубленные привычкой к безраздельному властвованию, которое, хотя и проявлялось лишь в пределах его полувозделанных владений, было там неоспоримо и никем не оспаривалось. Ибо, как он имел обыкновение говорить, «земли Брэдуорд, Тулли-Веолан и другие были объявлены независимой баронской вотчиной грамотой короля Дэвида I^[92] cum liberali potest habendi curias et justitias, cum fossa et furca (понимай – ямой для утопления и виселицей), et saka et soka, et thol et theam, et infangthief et ontrang-thief, sive hand-habend sive bak-barand».

Точное значение этих каббалистических слов вряд ли кто мог бы объяснить, но, в общем, они означали, что барон Брэдуорд имеет право в случае совершения кем-либо из его вассалов преступления посадить его в тюрьму, судить и казнить по своему усмотрению. Однако современный обладатель этой власти предпочитал, подобно Иакову I, скорее распространяться о своих правах, нежели пользоваться ими. За все время он только раз посадил двух браконьеров в подземелье старой башни Тулли-Веолана, где они натерпелись страху от привидений и чуть не были загрызены крысами, да еще присудил к позорному столбу, к которому преступник прикреплялся при помощи железного ошейника, одну старуху, сказавшую, что «в замке лэрда найдутся и другие дураки, кроме Дэви Геллатли». Я не слышал, чтобы он когда-либо злоупотреблял своей высокой властью. Но гордое сознание, что он ею обладает, придавало дополнительную важность его речам и осанке.

Судя по первому обращению к Уэверли, можно было подумать, что искренняя радость, испытанная бароном при виде племянника своего друга, несколько нарушила сухое и жесткое достоинство его обхождения. Слезы навернулись старику на глаза, когда после первого рукопожатия на английский лад он обнял его *a la mode françoise*¹⁶ и расцеловал в обе щеки, причем соответственные капли влаги выступили на глазах и его гостя, вызванные крепостью хватки бароновой десницы, а также значительным количеством шотландского нюхательного табака, приставшего к нему во время процедуры *accolade*.

– Клянусь честью джентльмена, – воскликнул барон, – видя вас, мистер Уэверли, я просто сам молодею! Достойный побег древнего ствола Уэверли-Онора – *spes altera*¹⁷, – как выразился Марон!^[93] И вышли вы не из рода, а в род, капитан Уэверли! Правда, вы не такой еще статный, как мой старый друг сэр Эверард, *mais sela viendra avec le temps*¹⁸, как выразился мой голландский знакомый барон Киккитбрук о *sagesse de madame son épouse*¹⁹. Так, значит, вы нацепили кокарду? Так, так. Хотя я предпочел бы увидеть на ней другие цвета, и, думаю, таково было бы желание и сэра Эверарда. Но ни слова больше об этом. Я уже стар, а времена меняются. А как поживает достойный баронет и прекрасная миссис Рэчел? А, вы смеетесь, молодой человек! А между тем в лето господне тысяча семьсот шестнадцатое миссис Рэчел иначе как прекрасной нельзя было и назвать. Но время идет, *et singula praeduntur anni*²⁰ – ничего не может быть вернее... Но еще раз – от души – добро пожаловать в мой бедный дом Тулли-Веолан! Беги, Роза, и распорядись, чтобы Александр Сондерсон достал старого шато-марго, которое я прислал из Бордо в Данди еще в тысяча семьсот тринадцатом году.

¹⁶ По французской моде (фр.).

¹⁷ Другая (новая) надежда (лат.).

¹⁸ Но со временем это придет (фр.).

¹⁹ Нравственности своей супруги (фр.).

²⁰ И годы берут свое (лат.).

Роза шла сначала довольно чинно, но за первым углом с легкостью феи пустилась бежать со всех ног – ей надо было выиграть время, чтобы, выполнив поручение отца, успеть еще привести в должный вид свой туалет и нацепить свои скромные драгоценности, для чего приближающийся обеденный час оставлял лишь ограниченный срок.

– Мы не можем соперничать с роскошью английского стола, капитан Уэверли, или предложить вам *epulae lautiores*²¹, как в Уэверли-Оноре – я говорю *epulae*, а не *prandium*²², потому что последнее выражение заимствовано из просторечия; *epulae ad senatum, prandium vero ad populum attinet*²³, говорит Светоний Транквилл^[94]. Но я надеюсь, что вы оцените мое бордо; *c'est des deux oreilles*²⁴, как говаривал капитан Венсоф, *vinum primae notae*²⁵ – так называл его ректор колледжа в Сент-Эндрусе. И еще раз, капитан Уэверли, душевно рад, что здесь, за моим столом, вы сможете выпить самое лучшее, что может дать мой погреб.

Эта речь, прерываемая со стороны гостя приличествующими случаю междометиями, продолжалась от места их встречи на нижней аллее до двери дома, где четверо или пятеро слуг в старомодных ливреях, возглавляемые дворецким Александром Сондерсоном, на котором, после того как он облачился в свой парадный костюм, уже не было видно ни малейших следов его садоводческих занятий, провели их

В древний зал, где щиты красовались и латы,
Что от грозных ударов спасали когда-то.

С большими церемониями и с еще большей сердечностью барон, не останавливаясь ни в одной из промежуточных комнат, прошел со своим гостем по целой анфиладе покоев до большого обеденного зала, отделанного мореным дубом и увешанного портретами его предков. Здесь был стол, парадно накрытый на шесть приборов, и старомодный буфет, уставленный массивным фамильным серебром рода Брэдуординов. В этот момент у ворот аллеи раздался звон колокола; дело в том, что старик, исполнявший по торжественным дням роль привратника, уловил перемену в обстановке, вызванную прибытием Уэверли, и, заняв свой пост, возвещал о прибытии новых гостей.

Последние, по словам барона, были все люди, достойные всяческого уважения.

– У нас будет, во-первых, молодой лэрд Балмауопл из рода Гленфаркуар, по прозвищу Фолконер, или Сокольник, молодой человек, весьма преданный охоте – *gaud et equis et canibus*²⁶, впрочем очень скромный. Во-вторых, лэрд Килланкьюрейт, досуги которого направлены до хлебопашества и сельского хозяйства и который хвастается быком несравненных достоинств, вывезенным из графства Девоншир (Дамнония римлян, если верить Роберту Сайренсестерскому^[95]). Он, как вы легко можете себе представить по его вкусам, крестьянского происхождения. *Servabit odorem testa diu*^{27[96]}, и я полагаю, между нами, что его дед – некто Буллзэгг, прибывший сюда в качестве управляющего, или приказчика, или сборщика податей, или чего-то в этом роде к последнему Джерниго из Килланкьюрейта, умершему от изнурения, происходил не с этой стороны границы. Так вот, после смерти своего патрона этот самый Буллзэгг, мужчина осанистый и красивый собой – вы представить себе не можете, что это был за скандал! – женился на его молодой и влюбчивой вдове и завладел имением, полученным

²¹ Роскошный пир (*лат.*).

²² Еда (*лат.*).

²³ Сенату приличествуют пиры, а простая еда – народу (*лат.*).

²⁴ Собственно, должно было бы быть «*C'est d'une oreille*» – выражение, употребляемое для того, чтобы похвалить хорошее вино (*фр.*).

²⁵ Вино высшего качества (*лат.*).

²⁶ Получает удовольствие от лошадей и собак (*лат.*).

²⁷ Сосуд будет долго хранить запах (*лат.*).

этой несчастной женщиной от ее покойного мужа по свадебному контракту, и тем прямым образом нарушил неписаную *taillie*^[97] и нанес великий ущерб плоти и крови завещателя в лице законного его наследника, хотя и в седьмой степени родства, Джерниго из Тепперхьюита, семья которого настолько разорилась от последовавшей тяжбы, что один из ее представителей служит теперь простым часовым в хайлендерской черной страже. Но у теперешнего Буллзэгга из Килланкьюрейта, как его величают, в жилах все же течет голубая кровь от матери и от прабабки, которые обе были из рода Пиклтиллим, и его все любят и уважают, и место свое он знает. И боже упаси, Уэверли, чтобы мы, люди с безупречной родословной, позволили себе смеяться над человеком, потомство которого в девятом или десятом поколении до известной степени сравнивается со старым дворянством страны. Нам, сэр, людям безукоризненного происхождения, следует реже всего упоминать о знатности и предках. *Vix ea nostra voco*²⁸, как говорит Назон^[98]. В-третьих, мы ожидаем духовное лицо – пастора истинной (хоть и гонимой) епископальной шотландской церкви. Он был ревностным ее защитником и после тысяча семьсот пятнадцатого года и пострадал за нее: как-то раз к нему ворвался сброд вигов, разрушил его молитвенный дом, изорвал его рясу и похитил из его жилища четыре серебряные ложки, посягнув также на провизию, мучной ящик и две бочки, одну простого, а другую двойного эля, не говоря уже о трех бутылках водки. Мой приказчик и агент мистер Дункан Мак-Уибл – четвертый в нашем списке. Но в связи с неопределенностью древнего правописания нельзя с уверенностью сказать, к какому клану он принадлежит – Уидл или Куиббл^[99]; впрочем, оба они дали людей, прославившихся в юриспруденции.

И как поименно он всех перечел,
Тут гости явились и сели за стол.

²⁸ Я едва могу назвать эти вещи своими (*лат.*).

Глава XI

Пир

Обед был обильный и, по шотландским понятиям того времени, роскошно подан. Гости его вполне оценили. Барон ел как изголодавшийся солдат; лэрд Балмауоппл – как охотник; Буллзэгг из Килланкьюрейта – как фермер; сам Уэверли – как путешественник, а приказчик Мак-Уибл – как все четверо, вместе взятые. Однако, из сугубой ли почтительности или для того, чтобы сохранить приличную согбенность, выражающую сознание, что он находится в присутствии своего патрона, он сидел на краю стула в трех футах от стола и вступал в непосредственное общение с тарелкой, склоняя свою персону под углом, начинавшимся в нижней части его позвоночника, так что сидевший против него мог видеть только верхушку его парика.

Такое склоненное положение другому человеку было бы трудно выдержать, но наш достойный приказчик, в силу долговременной привычки, с ним совершенно сжился. Правда, когда он ходил, фигура его представляла для идущих за ним достаточно неприглядный выступ, но, поскольку это были люди ниже его по положению (ибо мистер Мак-Уибл весьма старательно пропускал всех прочих вперед), ему было совершенно безразлично, принимают ли они или нет его позу за выражение невеликого к ним почтения и уважения. Поэтому, когда он ковылял через двор от своего серого пони до дверей замка и обратно, он изрядно напоминал вставшую на задние лапы собаку той породы, которую используют, чтобы вращать вертел.

Диссидентский^[100] священник был задумчивый старик, вызывавший к себе невольный интерес. У него был вид человека, пострадавшего за свои убеждения. Он был одним из тех, кто отказался сам от благ мирских.

За это чудачество приказчик подтрунивал над мистером Рубриком, когда был уверен, что барон не может его услышать, и корил его за чрезмерную щепетильность. Надо признаться, что сам он, хотя в глубине души и был убежденным сторонником изгнанной династии, сумел прожить в ладу со всеми правительствами своего времени, что заставило Дэви Геллатли как-то назвать его особенно хорошим человеком с удивительно чистой и спокойной совестью, которая никогда его не мучит.

Когда убрали со стола, барон провозгласил тост за здоровье короля, учтиво предоставляя совести своих гостей в зависимости от их политических воззрений пить за государя *de facto* или государя *de jure*. Разговор принял теперь общий характер, и вскоре после этого мисс Брэдуорддин, с грацией и простотой исполнявшая роль хозяйки, удалилась к себе. Вслед за ней вышел и священник. Вино, которое вполне заслуживало похвал хозяина, продолжало литься в круговую среди оставшихся, хотя Уэверли не без труда выговорил себе право не каждый раз осушать свой стакан. Наконец, когда уже стемнело, барон подал условный знак мистеру Сондерсу Сондерсону, или, как он его шутливо именовал, Alexander ab Alexandro²⁹. Тот кивнул, вышел из комнаты и вскоре вернулся, торжественно и загадочно улыбаясь, с небольшой дубовой шкатулкой, отделанной причудливыми бронзовыми украшениями, которую он поставил перед своим хозяином. Барон отпер ее особым ключиком, приподнял крышку и вынул золотой кубок странного и древнего вида, отлитый в виде стоящего на задних лапах медведя. Старик глядел на него с выражением, сочетавшим благоговение, гордость и наслаждение, и невольно вызвал в памяти Уэверли бен-джонсоновского Тома Оттера^[101] с его Быком, Конем и Псом, как этот шутник игриво называл свои главные заздравные чаши. Но мистер Брэдуорддин не без самодовольства предложил ему разглядеть эту любопытную реликвию древности.

²⁹ Александр, сын Александра (*лат.*).

– Этот кубок, – сказал он, – представляет эмблему на гребне шлема нашего герба – медведя, как вы видите, и притом *gampant* – стоячего; потому что хороший гербовед выбирает для каждого животного наиболее благородную осанку; так, коня он изображает *salient* – вздыбленного; борзую – *currant*, в бегу, и, как нетрудно из этого вывести, всякое хищное животное – *in actu ferociori*³⁰, или в свирепой, терзающей и пожирающей позе. Так вот, сэр, эту в высшей степени почетную эмблему мы получили по *Wappen-Brief*, или гербовой грамоте, от германского императора Фридриха Барбароссы. Пожалована была она моему предку Годмунду Брэдуордину. Это был гребень шлема гигантского датчанина, которого он убил во время поединка на Святой земле, происшедшего из-за ссоры по поводу целомудрия супруги или дочери императора – предание точно об этом не упоминает, и таким образом, как говорит Вергилий, *Mutemus clypeos. Danaumque insignia nobis Aptemus*³¹.

Что же до самого кубка, то он был изготовлен по приказанию святого Дутака, настоятеля Абербротокского монастыря, в дар другому барону из дома Брэдуординов, доблестно защищавшему земли этого монастыря от посягательств некоторых дворян. Он по праву называется Благословенным Медведем Брэдуординов (хотя старый доктор Даблит и имел обыкновение шутливо называть его *Ursa Major*³², и в древние католические времена ему приписывались мистические и сверхъестественные свойства. И хотя я не верю подобным *anilia*³³, но знаю, что он всегда считался драгоценным и священным наследием нашего дома и пользуются им лишь в дни величайших торжеств, каковым почитаю я прибытие под мою кровлю наследника сэра Эверарда. И эту мою чашу я посвящаю здоровью и процветанию древнего и достопочтенного дома Уэверли.

В течение этой длинной речи он осторожно переливал содержимое покрытой паутиной бутылки бордоского в кубок, вмещавший почти целую английскую пинту, и в заключение, передав бутылку дворецкому, который должен был держать ее точно под тем же углом к горизонту, благоговейно осушил Благословенного Медведя Брэдуординов.

Эдуард с тревогой и ужасом увидел, что Медведь пошел вкруговую. С замиранием сердца вспомнил он как нельзя более подходящий девиз: «Берегись медведя!» В то же время он отчетливо сознавал, что, поскольку никто из гостей не преминул оказать ему эту исключительную честь, было бы грубой неучтивостью с его стороны не поддержать их. Решившись поэтому подвергнуться и этому последнему насилию, а потом уж, если представится возможность, выйти из-за стола, и, полагаясь на свою крепкую натуру, он оказал уважение присутствующим, осушив до дна Благословенного Медведя, причем испытал не такое неприятное ощущение, какого мог, естественно, ожидать. Другие, более деятельно использовавшие свое время, начинали проявлять себя с новых сторон – «доброе вино оказывало доброе действие»^[102]. Под влиянием этого милостивого созвездия таял лед этикета и сдавалась родовая спесь. Церемонные обращения, применявшиеся до этих пор тремя сановниками, были заменены фамильярными уменьшительными Тулли, Балли и Килли. Когда Медведь прошел еще несколько раз по кругу, двое последних, пошептавшись между собой, испросили разрешения (радостная для Эдуарда весть) произнести заключительную здравицу. Последняя с некоторой задержкой была наконец возглашена, и Уэверли решил, что Вакховы оргии на этот вечер окончены. За всю свою жизнь он никогда так жестоко не ошибался.

Ввиду того что гости оставили своих коней на небольшом постоялом дворе, или в «домике для перекладных», расположенном в соседней деревне, барон не мог отказать им в любезности проводить их пешком по аллее, и Уэверли по тем же соображениям, а также для

³⁰ В наиболее свирепом его действии (*лат.*).

³¹ Обменяемся щитами и присвоим себе эмблемы данайцев (*лат.*).

³² Большой Медведицей (*лат.*).

³³ Старушечьим сказкам (*лат.*).

того, чтобы подышать прохладой летнего вечера после этой лихорадочной попойки, решил пойти вместе с ними. Но когда они добрались до домика тетушки Мак-Лири, лэрды Балмауоппл и Килланкьюрейт заявили, что намерены отплатить за гостеприимство в Тулли-Веолане, испив в обществе своего хозяина и его гостя капитана Уэверли так называемый *deoch an doruis*, то есть прощальный кубок, в честь матицы баронова дома.

Следует заметить, что приказчик, зная по опыту, что угощение, происходившее до сих пор за счет его патрона, может закончиться частично и за его счет, взобрался на своего страдающего шпатом серого пони и под влиянием как веселья духа, так и страха быть втянутым в расплату по счетам, пустил его спотыкающимся галопом (о рыси не могло быть и речи) и уже исчез из деревни. Остальные вошли в «домик для перекладных», увлекая за собой Уэверли. Он уже смирился со своей судьбой, так как барон шепнул ему, что отказ от такого приглашения будет истолкован как жестокое нарушение *leges conviviales*, или правил совместных возлияний. Вдова Мак-Лири, по-видимому, ожидала подобного посещения, да это и неудивительно, так как подобным образом кончались шестьдесят лет назад все веселые пирушки не только в Тулли-Веолане, но и почти во всех шотландских поместьях. Гости одновременно отплачивали хозяину за его гостеприимство, поддерживали торговлю домика, оказывали честь месту, служившему приютом для их коней, и вознаграждали себя за стеснения, испытанные в положении гостей, проводя, по выражению Фальстафа, «сладость ночи» в веселом разгуле таверны.

Итак, вдова Мак-Лири была уже вполне готова принять знатных посетителей, а именно подмела свой дом в первый раз за две недели, развела в камине огонь, необходимый в ее сырой лачуге даже в разгар лета, вынесла в зал свежевывмытый сосновый стол, подперев его хромую ножку комком торфа, разместила четыре-пять огромных, неуклюжих табуретов там, где в глинобитном полу оказалось меньше выбоин, и, надев в довершение всего чистую повязку, пелерину и алый плед, стала важно дожидаться прибытия компании, твердо уверенная в клиентуре и барышах. Когда все разместились под закопченными балками ее единственного апартаменты, густо затканного паутиной, хозяйка, подхватив на лету намек, брошенный лэрдом Брэдуордином, появилась с «хохлатой курочкой», как в просторечье назывался огромный оловянный кувшин, вмещавший, по крайней мере, три английские кварты и в данный момент до краев наполненный прекрасным, по словам хозяйки, бордоским, только что налитым из бочки.

Вскоре стало очевидным, что все те крохи рассудка, которые не успел пожрать медведь, будут склеваны курочкой; но царившая сумятица, казалось, помогала Эдуарду в его решении пропускать мимо себя весело ходившую по кругу чашу. У других уже начинали заплетаться языки, все говорили разом, каждый свое, нимало не считаясь с соседом. Барон Брэдуордин пел французские застольные песенки и извергал латынь; Килланкьюрейт нудным, однотонным голосом толковал об удобрении почвы сверху и снизу³⁴, о ягнятах одногодках и двухлетках, барашках между первой и второй стрижкой, бычках, яловых коровах, хайлендерской породе скота и предполагаемом сборе на заставах, между тем как Балмауоппл перекрывал всех, восхваляя своего коня и своих соколов, а также гончую по имени Свисток. Среди всего этого гама барон неоднократно умолял своих гостей быть потише, и когда наконец чувства приличия возобладали в такой степени, что он на мгновение добился своего, он поспешил испросить у присутствующих внимание «в отношении военной песенки, которую особенно любил *le Marechal due de Berwick*»³⁵. Затем, подражая по силе возможности манере и интонациям французского мушкетера, он немедленно запел:

Mon coeur volage, dit-elle,

³⁴ Это вызвало критику как анахронизм, и следует признать, что сельское хозяйство такого рода было незнакомо шотландцам шестьдесят лет назад. — *Примеч. авт.*

³⁵ Маршал герцог Берикский (*фр.*).

N'est pas pour vous, garçon;
Est pour un homme de guerre,
Qui a barbe au menton.
Lon, Lon, Laridon.
Qui porte chapeau à plume,
Soulier à rouge talon,
Qui joue de la flûte,
Aussi du violon.
Lon, Lon, Laridon³⁶.

Тут Балмауоппл не выдержал и втесался с какой-то дьявольски хорошей, по его мнению, песней, сочиненной Гибби Гетруитом, волынщиком из Купара, и, не теряя времени, затянул:

Я уходил за дичью вслед
За Гленбаркан и Киллебред;
Клянусь я, для меня там нет
Местечек незнакомых.

Барон, голос которого потонул в более шумных вокальных упражнениях Балмауоппла, отказался от состязания, но продолжал напевать себе под нос «лон, лон, ларидон», пренебрежительно взирая на соперника, отвлекшего внимание общества, между тем как Балмауоппл не унимался:

В листе тетерку уследить
Да мигом дробью прошибить
И до краев ягдташ набить –
Вот в этом я не промах³⁷.

После безуспешной попытки восстановить в памяти следующий куплет он принялся опять за первый и, в довершение своей победы, объявил, что «в нем одном больше смысла, чем во всех балладах Франции, да и Файфшира в придачу»^[103]. Барон ответил лишь взглядом бесконечного презрения и долгой понюшкой табаку. Но двое благородных союзников – Медведь и Курочка – сбросили с молодого лэрда оковы почтительности, которую он обычно проявлял по отношению к барону. Он объявил бордо бурдой и оглушительно требовал водки. Ее принесли; и тут-то Демон Политики позавидовал гармонии даже этого своеобразного концерта, где каждый пел то, что ему заблагорассудится, так как в странном сочетании его звуков не слышно было ни одной злобной ноты. Под наитием этого духа лэрд Балмауоппл, решивший уже более не считаться ни с какими покачиваниями головы и подмигиваниями, которыми барон Брэдуорд из уважения к Эдуарду удерживал его до сих пор от политических споров, потребовал бокал и громовым голосом провозгласил: «За маленького джентльмена в черном бархате^[104], оказавшего столь важную услугу в тысяча семьсот втором году, и пусть белый конь сломает себе шею, споткнувшись о кочку его изделия!»

Голова Эдуарда в этот момент была не слишком ясна, и он не вспомнил, что смерть короля Вильгельма Оранского была вызвана падением с лошади, споткнувшейся о кротовину.

³⁶ Она сказала: «Мальчик, Напрасно ты влюблен. Лишь воин с бороною Судьбою мне сужден. Лон, лон, ларидон. Чтоб мог играть на флейте Да и на скрипке он, Носил перо на шляпе, Был ловок и силен. Лон, лон, ларидон» (фр.).

³⁷ *Suum cuique* (отдадим каждому то, что ему причитается). Этот отрывок баллады был сочинен Эндрю Мак-Доналдом*, остроумным и несчастным автором «Вимонды». – *Примеч. авт.* Мак-Доналд* Эндрю (1755–1790) – английский драматург, автор комедии «Вимонда» (1787).

Как бы то ни было, он готов был обидеться на тост, заключавший, судя по взгляду Балмауоппла, какой-то особый и оскорбительный смысл для правительства, которому он служил. Но прежде чем он успел что-либо предпринять, в их ссору вмешался барон Брэдуорд.

– Сэр, – сказал он, – каковы бы ни были мои чувства в этих делах *tanquam privatus*³⁸, я не потерплю, чтобы речи ваши задевали благородные чувства джентльмена, гостящего под моим кровом. Сэр, если вы не считаетесь с законами благопристойности, неужели вы не уважаете присяги – *sacramentum militare*, – приковывающей каждого солдата к знамени, которому он служит? Загляните-ка в Тита Ливия. Что он говорит о тех римских воинах, которые имели несчастье *exuere sacramentum* – отречься от своей легионерской присяги? Но вы, сэр, столь же малосведущи в древней истории, как и в современных приличиях.

– Не такой уж я неуч в этих делах, как вы заявляете, – взревел Балмауоппл, – я прекрасно понимаю, что вы имеете в виду Священную лигу и Ковенант^[105], но если бы все чертовы виги приняли...

Тут барон и Уэверли заговорили оба сразу, причем первый кричал: «Замолчите, сэр, вы не только выставляете напоказ свое невежество, но еще и позорите свое отечество перед чужестранцем, да еще англичанином», а Уэверли в то же время умолял барона позволить ему ответить на оскорбление, которое, видимо, относилось только к нему. Но барон был возбужден вином, гневом и презрением превыше всяких житейских соображений.

– Прошу вас помолчать, капитан Уэверли; в ином месте, допускаю, вы можете держаться и *suī juris*³⁹, вне покровительства рода, так сказать, и, возможно, имеете право постоять за себя; но в моих владениях, на этой бедной баронской земле Брэдуординов и под этой кровлей, которая *quasi*⁴⁰ моя, поелику арендуется по взаимному соглашению у меня в бессрочное пользование, я по отношению к вам *in loco parentis*⁴¹ и ответствен за то, чтобы никто не смел вас задеть. А что касается вас, мистер Фолконер Балмауоппл, предупреждаю вас, что не потерплю дальнейших уклонений со стези благоприличия.

– А я вам заявляю, мистер Козмо Комин Брэдуорд из Брэдуордина и Тулли-Веолана, – ответил охотник с превеликим презрением, – что я пристрелю, как тетерева, всякого, кто не выпьет со мной моей здравицы, будь то корноухий английский виг с черной лентой на ухе или тот, кто бросает своих друзей, чтобы подмазаться к ганноверским крысам.

В одно мгновение обе рапиры были выхвачены из ножен, и противники обменялись несколькими яростными ударами. Балмауоппл был человек молодой, крепкого сложения и подвижный, но барон, несравненно лучше владевший оружием, подобно сэру Тоби Белчу, похлеще бы отделал своего противника^[106], если бы не находился под влиянием Большой Медведицы.

Эдуард ринулся разнимать сражающихся, но преградой ему послужила рухнувшая туша лэрда Килланкьюрейта, о которую он споткнулся. Каким образом этот джентльмен оказался в горизонтальном положении в столь интересный момент, так и не удалось в точности установить. Одни считали, что он намеревался укрыться под стол, сам он утверждал, что споткнулся, поднимая табурет, которым, в предупреждение кровопролития, собирался сокрушить Балмауоппла. Как бы то ни было, если бы в это дело не вмешались люди попроворнее Уэверли или Килланкьюрейта, кровь несомненно бы пролилась. Но знакомый лязг мечей, не слишком необычный в ее жилище, взбудоражил тетушку Мак-Лири; сидя за глиняной перегородкой, она углубилась в книгу Бостона^[107] «Поворот судьбы», между тем как в мыслях подбивала итог счета. С пронзительным восклицанием: «Неужто ваши милости хотят зарезать друг друга здесь

³⁸ Как частного лица (лат.).

³⁹ Своего права (лат.).

⁴⁰ Как бы (лат.).

⁴¹ Вместо родителя (лат.).

и осрамить дом честной вдовы, когда на дворе сколько угодно пустырей!» – ворвалась она в комнату и с большой ловкостью набросила свой плед на оружие дуэлянтов. К этому времени подросли и слуги, и они, будучи по счастливой случайности достаточно трезвыми, с помощью Эдуарда и Килланкьюрейта разняли взбешенных противников. Килланкьюрейт увел Балмау-оппла, который расточал ругань и проклятия и божился отомстить всем вигам, пресвитерианам и фанатикам в Англии и Шотландии от Джон О'Гротса^[108] до Лэндс-энда^[109], и с трудом усадил его на коня. Бароном Брэдуордином занялся Уэверли и с помощью Сондерса Сондерсона отвел своего хозяина в его покои, причем барона никак нельзя было убедить лечь спать, пока он не принес обстоятельных и ученых извинений за все, что произошло в этот вечер, в которых, однако, ничего нельзя было разобрать, за исключением каких-то намеков на кентавров и лапифов^[110].

Глава XII

Раскаяние и примирение

Уэверли не привык пить вино в таких количествах. Поэтому он крепко проспал всю ночь и, проснувшись поздно утром, стал с очень неприятным чувством восстанавливать в памяти то, что случилось накануне. Итак, ему было нанесено личное оскорбление – ему, дворянину, офицеру и члену семейства Уэверли! Правда, оскорбитель был лишен в тот момент даже той скромной доли рассудка, которой наделила его природа; правда, мстя за обиду, он нарушил бы как божеские законы, так и законы своей страны; правда, спасая свою честь, он мог бы лишиться жизни молодого человека, который, возможно, достойным образом выполнял свои общественные обязанности, и повергнуть семью его в отчаяние; наконец, он мог и сам поплатиться жизнью – перспектива не слишком приятная даже для самого смелого, если ее оценить хладнокровно наедине с самим собой.

Все эти соображения теснились в его голове, но первоначальное положение возвращалось все с той же неумолимой силой. Ему было нанесено личное оскорбление; он принадлежал к роду Уэверли, и он был офицером. Выбора не оставалось; он спустился в столовую к утреннему завтраку с намерением распроситься с хозяевами и написать одному из своих товарищей по полку с просьбой встретить его в трактире на полпути от Тулли-Веолана к городу, где они были расквартированы. Оттуда он мог отправить лэрду Балмауопплу вызов, как того, видимо, требовали обстоятельства. Он нашел мисс Брэдуордн перед чашками, чайником и кофейником за столом, уставленным теплыми хлебами, пирогами, сухарями и прочим печеньем из пшеничной, овсяной и ячменной муки; тут же были яйца, олений окорок, баранина, говядина, копченая лососина, варенье и всяческие деликатесы, заставившие даже самого доктора Джонсона^[111] признать шотландский завтрак самым роскошным в мире. Перед прибором барона стояло, однако, лишь блюдо овсянки и серебряный кувшинчик со сливками пополам с обратом, но сам барон еще не завтракал: он, объяснила Роза, вышел из дому еще рано утром, отдав распоряжение не тревожить своего гостя.

Уэверли сел за стол, не произнеся почти ни слова, и все время сохранял отсутствующий и рассеянный вид, вряд ли способный внушить мисс Розе высокое мнение о его способности поддерживать разговор. На одно или два замечания, которые она отважилась сделать по поводу самых обыкновенных вещей, он ответил невпопад; так что, видя, что все ее попытки занять гостя встречают с его стороны почти отпор, и втайне удивляясь, что красный мундир может прикрывать такую невоспитанность, она предоставила ему возможность мысленно развлекаться, осыпая проклятиями любимое созвездие доктора Даблита Большую Медведицу – источник всех бед, уже случившихся и, по всем видимостям, предстоящих. Но вдруг он вздрогнул, и краска залила его лицо; взглянув в окно, он увидел барона и молодого Балмауоппла; они шли под руку и были заняты, насколько он мог понять, очень серьезным разговором.

– Разве мистер Балмауоппл ночевал здесь? – спросил он поспешно.

Роза, которой не слишком понравилась внезапность, с какой молодой незнакомец задал ей первый вопрос, сухо ответила: «Нет», и разговор снова замер.

В этот момент появился мистер Сондерсон и передал, что его хозяин хочет поговорить с капитаном Уэверли в другой комнате. Сердце у Эдуарда учащенно забилося, но не от страха, а от неизвестности и тревоги; он повиновался. В соседней комнате оба джентльмена ожидали его стоя. На лице барона было написано благодушное достоинство, между тем как самоуверенный Балмауоппл выглядел не то угрюмым, не то пристыженным, а может быть, и тем и другим одновременно. Барон взял его под руку и, делая вид, что идет с ним вместе, между тем как

на самом деле он вел его, вышел навстречу Уэверли и, остановившись посреди комнаты, торжественно произнес:

– Капитан Уэверли, мой молодой и уважаемый друг мистер Фолконер из Балмауоппла обратился ко мне, как к человеку пожилому, опытному и несколько искушенному во всем, что относится к щепетильным вопросам дуэлей или единоборств, с просьбой быть его посредником и выразить вам сожаление по поводу возникших в его памяти воспоминаний о некоторых событиях нашего вчерашнего пиршества, которые не могли не вызвать у вас иных, кроме самых неприятных, чувств, как у офицера, находящегося на службе у существующего ныне правительства. Он умоляет вас, сэр, утопить в забвении память о прегрешениях его против законов учтивости, от каковых прегрешений отрекается его более здравый рассудок, и принять руку, протянутую им в знак дружбы; я же должен заверить вас, что лишь сознание *d'être dans son tort*⁴², как сказал мне однажды по такому же поводу храбрый французский офицер, *monsieur Le Breuilleur*⁴³, и уверенность в ваших высоких достоинствах смогли исторгнуть у него такие уступки; ибо как он, так и вся его семья были и являются с незапамятных времен *mauvortia rectora*⁴⁴, как выразился Бьюкенен^[112], смелым и воинственным кланом или племенем.

Эдуард немедленно с присущей ему учтивостью принял руку, протянутую Балмауопплом или, скорее, бароном в качестве посредника.

– Я не в состоянии, – сказал Уэверли, – хранить память о речах, которые благородный человек пожелал взять обратно. Все, что произошло, я готов приписать вчерашним обильным возлияниям.

– Прекрасно сказано, – отвечал барон, – ибо, без сомнения, если человек *ebrius*, то есть в опьянении, состоянии, которое в торжественные и праздничные дни возможно и даже привычно у всех порядочных людей, и если этот джентльмен, освежившись и протрезвев, отрекается от поношений, произнесенных им в состоянии винного пресыщения, следует считать, что *vinum locutum est*⁴⁵, слова эти уже нельзя расценивать как принадлежащие ему. Однако я не счел бы это извинение достаточным в случае человека *ebriosus*, или привычного пьяницы, потому что, если этот последний по собственной воле проводит большую часть своего времени в нетрезвом состоянии, никаких послаблений в кодексе приличий ему сделать нельзя, и он прежде всего должен научиться вести себя мирно и учтиво, когда находится под винными парами. А теперь пойдем завтракать и не будем больше думать об этой дурацкой истории.

Я должен признаться, каковы бы ни были выводы, которые можно сделать из этого обстоятельства, что Эдуард после столь удовлетворительного объяснения оказал несравненно больше внимания яствам, уставлявшим стол мисс Брэдуордин, чем обещало начало завтрака. Балмауоппл, напротив, казался смущенным и подавленным, и Эдуард только теперь заметил, что у него рука на перевязи, чем, видимо, и объяснялось, почему молодой лэрд так неловко и смущенно подал ему руку. На вопрос мисс Брэдуордин он что-то пробормотал о падении с лошади и, желая, очевидно, поскорее избежать разговора на эту тему и нежелательного ему общества, встал из-за стола сразу же по окончании завтрака и, отклонив предложение барона остаться обедать, распрощался, сел на коня и отправился домой.

В свою очередь, и Уэверли объявил о своем намерении уехать из Тулли-Веолана сразу после обеда, чтобы засветло добраться до предполагаемого ночлега, но неподдельное и глубокое огорчение, с которым добродушный и приветливый старик принял это известие, совершенно отбили у него охоту упорствовать в своем решении. Не успел барон добиться от Уэверли

⁴² Своей вины (*фр.*).

⁴³ Господин ле Бретер (фамилия значит «забияка», «дуэлянт») (*фр.*).

⁴⁴ Воинственными сердцами (*лат.*).

⁴⁵ Говорило вино (*лат.*).

согласия погостить у него еще несколько дней, как постарался устранить все причины, побудившие его гостя сократить, как ему казалось, продолжительность своего визита.

– Капитан Уэверли, – сказал он, – я не хотел бы, чтобы вы сочли меня, на деле или по взглядам своим, сторонником пьянства, хотя, возможно, во время нашего вчерашнего пиршества некоторые из наших гостей были если и не совсем *ebrii*, пьяны, то *ebrioli*, одурманены, по выражению древних, или *half-seas-over*, вполпьяна, как выражаются у вас в Англии. Не думайте, чтобы я говорил это на ваш счет, капитан Уэверли, ибо, как благоразумный молодой человек, вы, скорее, воздерживались от возлияний; и вряд ли это можно по справедливости сказать обо мне, который, побывав на торжественных пирах у многих славных генералов и маршалов, научился искусству изрядно пить без неприятных последствий и в течение всего вечера, как вы, без сомнения, имели случай заметить, не выходил из границ скромной веселости.

Невозможно было не согласиться с утверждением, столь определенно высказанным, и притом человеком, который, несомненно, был лучшим судьей в этом деле; хотя, если бы Эдуард основывал свое мнение на собственных воспоминаниях, он счел бы барона не только *ebriolus*, но на грани того, чтобы стать *ebrius*, или, выражаясь без обиняков, несомненно, самым пьяным из всей компании, за исключением, быть может, его противника – лэрда Балмауоппла. Однако, получив ожидаемую или, вернее, требуемую похвалу своей трезвости, барон продолжал:

– Нет, сэр, хотя я сам человек и крепкий, пьянство я ненавижу и видеть не могу тех, кто упивается вином *gulae causa*, ради услаждения своей глотки, хотя и не сочувствую закону Питтака Митиленского^[113], который вдвойне наказывал преступления, совершенные под влиянием *Liber Pater*^[114], и в равной мере я не вполне склонен согласиться с упреками Плиния Младшего^[115] в четырнадцатой книге «*Historia Naturalis*»^[47]. Нет, сэр, я эти вещи различаю и отношусь к ним по-разному. Я сочувствую вину лишь постольку, поскольку оно веселит лицо и его пьют, выражаясь языком Флакка^[116], *recepto amico*^[48].

Таковыми словами закончились извинения, которые барон счел нужным принести за избыточность своего гостеприимства; и легко можно поверить, что его не прерывали ни возражениями, ни какими-либо выражениями недоверия.

После этого он пригласил своего гостя на утреннюю прогулку верхом и приказал Дэви Геллатли встретить их у так называемой темной тропинки с Бэном и Баскаром.

– Пока не начался настоящий сезон, я с удовольствием познакомил бы вас хотя бы с некоторыми видами охоты. С божьей помощью нам может попасться косуля, а на косулю, капитан Уэверли, можно охотиться круглый год, ибо, не нагуливая никогда много жира, она также никогда не бывает особенно тощей, хоть и верно, что мясо ее не сравнится по вкусу с мясом лани или благородного оленя^[49]. Но она пригодится нам для того, чтобы показать, насколько прытки мои собаки; поэтому-то я приказал Дэвиду Геллатли привести их.

Уэверли выразил некоторое удивление по поводу того, что его приятелю Дэви можно доверять такие дела, но барон объяснил ему, что этот бедный простачок не был ни глупец, *pes naturaliter idiota*^[50], как сказано в законах о буйнопомешанных, но попросту несколько придурковатый плут, способный великолепно выполнить любое поручение, если только оно ему по вкусу, а слабоумием своим пользовался для того, чтобы не делать ничего для себя неприятного.

– Мы ему очень обязаны, – продолжал барон, – за то, что он однажды, рискуя собственной жизнью, спас Розу от большой опасности; поэтому мы разрешаем этому хитрому бездельнику

⁴⁶ Отца Либера (*лат.*).

⁴⁷ «Естественной истории» (*лат.*).

⁴⁸ Принимая друга (*лат.*).

⁴⁹ Сведущие в кулинарном деле не согласны с бароном Брэдуордином и считают мясо косули жестким и невкусным, если только из него не делать супа или мяса по-шотландски. – *Примеч. авт.*

⁵⁰ Ни идиот от рождения (*лат.*).

есть наш хлеб, пить из нашей чаши и делать все, что он может или хочет; а это, если подозрения Сондерсона и приказчика справедливы, возможно, для него вещи равнозначные.

Тут мисс Брэдуордин рассказала Уэверли, что этот бедный дурачок страстно любит музыку и что особенно глубокое впечатление на него производит грустная, а от легкой и веселой он приходит в неистовую радость. Памятью в этом отношении он одарен изумительной, и голова его набита кусками и отрывками всяких мелодий и песен, которые он при случае весьма уместно применяет, если хочет укорить кого-нибудь, объясниться или посмеяться над кем-нибудь. Дэви очень привязан к тем немногим, кто с ним ласково обходится, прекрасно улавливая пренебрежительное или дурное отношение, за которое он способен мстить. Простой народ, зачастую столь же строго судящий о своем брате, как и о стоящих выше его, хотя и выражал большое сочувствие юродивому, пока тот бегал по деревне в лохмотьях, как только увидел его приодетым, обеспеченным и ставшим своего рода любимцем, вспомнил все случаи хитрости и остроумия в словах или на деле, которые за ним числились, и в доброте сердечной построил на них гипотезу, что Дэвид Геллатли дурак ровно настолько, насколько это ему нужно, чтобы уклоняться от тяжелой работы. Это мнение было не более обоснованно, чем взгляд негров, которые считают по ловким проказам обезьян, что они обладают даром речи и скрывают свои способности для того лишь, чтобы их не заставили работать. Но гипотеза эта была лишь плодом воображения; Дэвид Геллатли был действительно полусумасшедшим дурачком, каким он и выглядел, и не был способен ни к какому постоянному и продолжительному труду. Умственной устойчивости у него хватало ровно настолько, чтобы удержаться по сю сторону безумия; сметливости – чтобы не быть причисленным к идиотам; а кроме того, он был достаточно ловким охотником (впрочем, недурными охотниками бывали и не меньшие дураки), ласков и человечен к животным, за которыми ему поручали ухаживать, привязчив к людям, наделен феноменальной памятью и музыкальным слухом.

Но вот во дворе послышался стук копыт и голос Дэви, который пел, обращаясь к двум большим серым гончим:

Эй, за мной, эй, за мной,
В перелески за рекой,
Где блестит ручей студений,
Лес шумит зеленой кроной,
Папоротник расцветает
И роса не высыхает,
Где дышать всего вольнее,
Где в лесу летают феи,
Где для сердца все отрада:
Тишина, покой, прохлада, –
В перелески за рекой,
Эй, за мной, эй, за мной!

– Скажите, мисс Брэдуордин, – спросил Уэверли, – принадлежат ли стихи, которые он поет, к старинной шотландской поэзии?

– Не думаю, – ответила она. – У этого несчастного был брат, и Небо, как бы для того, чтобы вознаградить семью за умственную недостаточность Дэви, одарило этого брата способностями, которые у него в деревушке считались необычайными. Его дядя нашел средства, чтобы подготовить его к принятию сана священника шотландской церкви, но он не мог нигде добиться места, так как происходил из наших поместий. Вернулся он из колледжа отчаявшийся и с разбитым сердцем и стал понемногу хиреть. Мой отец поддерживал его до дня его смерти, а умер он, не дожив и до девятнадцати лет. Он чудесно играл на флейте, и говорили, что у

него прекрасные способности к поэзии. Он любил и жалел своего брата, который всюду следовал за ним, как тень, и от него-то Дэви, наверно, и почерпнул много отрывков как песен, так и музыки, не похожих на здешние. Но если спросить его, от кого он перенял тот или иной отрывок, он либо дико и продолжительно хохочет, либо начинает плакать и жаловаться; но я никогда не слышала, чтобы он давал кому-либо какие-либо объяснения или упомянул имя брата, с тех пор как тот умер.

– Однако ж, – сказал Уэверли, которого легко было заинтересовать любым рассказом, лишь бы в нем был привкус романтики, – если его хорошенько расспросить, возможно, удалось бы узнать от него и побольше?

– Очень может быть, – ответила Роза, – но отец не разрешает никому тревожить его чувства по этому поводу.

К этому времени барон с помощью Сондерсона надел на себя пару ботфорт весьма значительных размеров и пригласил нашего героя последовать за ним, а сам зашагал по обширной лестнице, постукивая ручкой своего массивного хлыста по каждой балясине и напевая с видом охотника времен Людовика XIV:

Pour la chasse ordonnée il faut préparer tout.
Holà ho! Vite! Vite debout⁵¹.

⁵¹ Собирайтесь на охоту, садитесь на коней! Рога трубят призывно! Помчимся в путь скорей! (фр.)

Глава XIII

День, проведенный более разумно, чем предыдущий

Барон Брэдуордин, верхом на резвой и хорошо выезженной лошади в боевом седле с низко свисавшими чехлами под цвет его одежды, был недурным представителем старины. Его костюм составляли светлый расшитый кафтан, великолепный камзол с галунами и бригадирский парик, увенчанный небольшой треуголкой с золотым аграмантом. За ним на хороших лошадях следовали двое слуг, вооруженных пистолетами в кобурах.

Так ехал он на своем иноходце по холмам и долинам, вызывая восхищение всех крестьянских дворов, мимо которых лежал их путь, пока «внизу, в зеленой долине», кавалькада не встретила Дэвида Геллатли с двумя очень высокими гончими, натасканными на оленью охоту. Дэви предводительствовал еще доброй полдюжиной дворняжек и примерно таким же количеством босоногих вихрастых мальчишек, которые, чтобы добиться несказанной чести присутствовать на охоте, подмазались к нему лстивым обращением «мистер Геллатли» (они произносили мэйстер), хотя все они, вероятно, завидев его, улюлюкали, когда он был еще дурачком Дэви. Но это ухаживание за лицом, занимающим известное положение, — вещь достаточно обычная, и она не ограничивается босоногими жителями Тулли-Веолана. Так было шестьдесят лет назад, так обстоит теперь и так будет через шестьдесят лет, если это великолепное сочетание безумия и подлости, именуемое миром, будет еще существовать.

Эти мокроножки⁵², как их называли, предназначались для того, чтобы поднять дичь, причем они выполняли эту задачу с таким успехом, что после получасовых поисков косуля была выслежена, загнана и убита. Барон, следовавший сзади на своем белом коне, подобно графу Перси былых времен, собственноручно изволил ободрать и выпотрошить животное своим *couteau de chasse*⁵³ (что, как он заметил, французские *chasseurs*⁵⁴ называют *faire la curée*⁵⁵). Домой после этой церемонии они возвращались уже кружным путем, по дороге, открывавшей замечательный вид на далекие дома и селения, причем мистер Брэдуордин с каждым из них связывал какой-нибудь исторический или генеалогический анекдот. Эти рассказы, из-за отпечатка предрассудков и педантизма, свойственного всем речам барона, получались очень странными, но часто заслуживали уважения, поскольку в них проявлялись и благородство, и здравый смысл, и были если не ценны, то, во всяком случае, любопытны с фактической стороны.

Собственно говоря, прогулка потому так понравилась обоим джентльменам, что они находили удовольствие во взаимном общении, хотя характеры их и образ мыслей были во многих отношениях совершенно непохожи. Эдуард, как мы уже сообщали читателям, отличался горячим сердцем, был необуздан и романтичен в мыслях и литературных вкусах и питал большую склонность к поэзии. Мистер Брэдуордин представлял собой в этом отношении прямую противоположность и мечтал пройти по жизни той же твердой, негибкой и стоически суровой поступью, которой отличались его вечерние прогулки по террасе Тулли-Веолана, где в течение долгих часов, точно древний Хардиканут^[117],

Он величаво шагал на восток
И величаво — на запад.

⁵² Босоногий хайлендерский парень называется *gillie-wet-foot*. *Gillie* — вообще значит слуга или служитель. — *Примеч. авт.*

⁵³ Охотничий ножом (*фр.*).

⁵⁴ Охотники (*фр.*).

⁵⁵ Отдавать кожу и внутренности убитого животного собакам (*фр.*).

Что касается литературы, то он, разумеется, знал классических поэтов, читал «Эпита-ламу» Джорджа Бьюкенена и – по воскресеньям – «Псалмы» Артура Джонстона^[118], далее *Deliciae Poetarum Scotorum*⁵⁶, произведения сэра Дэвида Линдсея^[119], «Брюса» Барбура^[120], «Уоллеса» Слепого Гарри^[121], «Благородного пастуха» и «Вишню и сливу». Но, уделяя часть своего времени музам, он, несомненно, предпочел бы, если говорить правду, чтобы заключающиеся в этих сочинениях набожные или мудрые изречения, равно как и исторические рассказы, были изложены обыкновенной прозой. И он иногда не мог удержаться и не выразить презрения к «пустому и бесполезному занятию стихоплетством», в котором, по его словам, единственным в свое время отличившимся был парикмахер Аллан Рэмзи^{57[122]}.

Но хотя мнения барона и Эдуарда отличались по этому вопросу *toto coelo*⁵⁸, как выразился бы первый, однако в нейтральной области истории, которой каждый из них интересовался, они находили общий язык. Барон, правда, загромаждал свою память лишь фактами – холодными, сухими и твердыми контурами, начертанными историей. Эдуард, напротив того, любил заполнять и округлять этот эскиз красками горячего и живого воображения, которое освещало и оживляло действующих лиц драмы прошлых веков. Однако, несмотря на столь противоположные вкусы, они доставляли друг другу немало удовольствия. Педантически подробные рассказы и могучая память мистера Брэдуордина давали Уэверли все новую канву, на которой его фантазия вышивала свои узоры и открывала ему все новые сокровища событий и персонажей. И он отплачивал за полученное удовольствие пристальным вниманием, столь ценным рассказчиками, а в особенности бароном, видевшим в этом проявление лестного уважения, а иногда и сам рассказывал что-либо, представляющее интерес для мистера Брэдуордина как подтверждение или иллюстрация его собственных излюбленных анекдотов. Кроме этого, мистер Брэдуордин любил рассказывать о местах, где протекала его молодость, проведенная на войне и в чужих краях, и мог сообщить много интересных подробностей о полководцах, под началом которых он служил, и сражениях, в которых он участвовал.

Оба они вернулись в Тулли-Веолан весьма довольные друг другом. Уэверли желал более внимательно изучить человека, который казался ему своеобразной и интересной личностью и был наделен памятью, заключавшей любопытнейший свод всех анекдотов минувших и настоящих дней; а Брэдуордин был склонен считать Эдуарда за *puer* (или, скорее, *juvenis*) *bonae spei et magnae indolis*⁵⁹, юношу, лишенного нетерпеливого легкомыслия молодежи, не выносящей разговора и советов старших и с пренебрежением относящейся к ним, и предсказывал ему на этом основании великое будущее и преуспевание в жизни. Других гостей, кроме мистера Рубрика, в замке не было, и этот достойный священник тоном своим и ученостью не нарушал гармонии разговоров.

Вскоре после обеда барон, как бы желая показать, что его трезвость не носит исключительно теоретического характера, предложил посетить покои Розы, или, как он называл их, *troisièmè étage*⁶⁰. Уэверли провели через несколько весьма длинных и неудобных коридоров, которыми старинные архитекторы как будто нарочно стремились поставить в тупик обитателей построенных ими домов. В конце одного из таких коридоров мистер Брэдуордин стал взбираться, перескакивая через ступеньку, по очень крутой и узкой винтовой лестнице, предоставив мистеру Рубрику и Уэверли следовать за ним более размеренным шагом, пока он уведомит свою дочь об их приближении.

⁵⁶ «Услады шотландских поэтов» (лат.).

⁵⁷ Барону следовало бы, конечно, помнить, что веселый Аллан был кровно – не в силу профессионального кровопускания – связан с домом благородного графа, о котором он говорит: Он древнего происхождения, Он – честь моя и украшение! –Примеч. авт.

⁵⁸ Как небо от земли (лат.).

⁵⁹ Отрока (юношу), подающего большие надежды и высокой нравственности (лат.).

⁶⁰ Третий этаж (фр.), соответствующий нашему четвертому.

Налазавшись по этому вертикальному штопору до тех пор, пока у них не пошла кругом голова, они вступили наконец в небольшие, устланные циновками сени, служившие передней к *sanctum sanctorum*⁶¹ Розы, и прошли в ее гостиную. Это была небольшая, но приятная комната с окнами на юг, обитая шпалерами и украшенная портретом ее матери в виде пастушки в платье с фижмами и портретом барона на десятом году жизни, в парике с кошельком, голубом кафтане, расшитом камзоле, шляпе с кружевами и с луком в руке. Эдуард не мог удержаться от улыбки при виде этого костюма и странного сходства между круглым, гладким, краснощеким и немного удивленным лицом на портрете и нынешним видом оригинала – худым, с ввалившимися глазами, загорелым и обросшим бородой, когда странствия, военные труды и возраст наложили на него свою печать. Барон тоже засмеялся.

– Право, – сказал он, – этот портрет был женской прихотью моей дорогой матери (дочери лэрда Туллиэллума, капитан Уэверли; я показал вам их дом, когда мы были на вершине Шиннихьюха; он был сожжен союзниками правительства – голландцами, которых призвали на помощь в тысяча семьсот пятнадцатом году). С этих пор я лишь раз позировал художнику, и то это было по особой и неоднократно повторенной просьбе маршала герцога Берикского.

Благородный старик умолчал о том, что стало известно его гостю лишь впоследствии, и то от мистера Рубрика, а именно, что герцог оказал ему эту честь, после того как он первый взобрался на брешь одной савойской крепости во время памятной кампании 1709 года^[123] и почти десять минут отбивался там полупикой от неприятеля, пока к нему не пришли на подмогу. Нужно отдать барону справедливость, что, хотя он проявлял достаточную склонность останавливаться на достоинствах и значении своего рода и даже преувеличивал их, он был слишком храбрым человеком, чтобы когда-либо упоминать о собственных подвигах.

Но вот мисс Роза появилась из внутренней комнаты своих покоев, чтобы приветствовать отца и его друзей. Все ее скромные занятия свидетельствовали о несомненном природном вкусе, который следовало только развивать. Отец обучил ее французскому и итальянскому, и ее полки украшали лучшие авторы, писавшие на этих языках. Он пытался даже быть ее учителем музыки, но, так как он начал с наиболее отвлеченных разделов этой науки и, возможно, не очень-то разбирался в них сам, она научилась только аккомпанировать себе на клавесине, но и это было в те времена не очень обычным для Шотландии. Зато пела она с большим вкусом и чувством и с таким пониманием, что ее можно было бы поставить в пример дамам с гораздо большими музыкальными способностями. Природный здравый смысл подсказал ей, что, если, согласно величайшим авторитетам, музыка «обручена с бессмертными стихами»^[124], этот союз весьма часто безобразнейшим образом расторгается исполнителями. Быть может, именно эта восприимчивость к поэзии и способность сочетать ее выразительность с выразительностью мелодии и доставляла всем неискушенным и даже многим из искушенных то удовольствие, которого они не находили, слушая несравненно более блестящее исполнение виртуоза, не руководимого таким тонким вкусом.

Перед окнами ее гостиной тянулась выступающая наружу галерея, или бартизан: он также свидетельствовал о другой склонности Розы, ибо весь был уставлен различными цветами, которые она взяла под свое особое покровительство. На этот готический балкон выходили через выступавшую из стены башенку, с высоты которой открывался великолепный вид. Внизу простирался окруженный высокими стенами геометрически правильный парадный сад, казавшийся с этой высоты простой куртиной; дальше, в узкой лесной долине, то появлялась, то исчезала за кустами небольшая речка. Взгляд невольно задерживался на скалах, которые местами подымались массивными глыбами, а местами заострялись наподобие церковных шпилей. Порою он останавливался на величественной полуразрушенной башне, которая высилась во всей своей могучей суровости на скале, нависшей над рекой. Налево виднелись две-три

⁶¹ Святая святых (лат.).

хижины, стоявшие на краю деревушки, – остальные закрывала вершина холма. Долина заканчивалась озером, носившим название Лох Веолан, в которое и впадала речка, блестящая теперь в лучах заходящего солнца. Местность вдали казалась открытой и достаточно разнообразной, хотя не была покрыта лесом. Ничто не мешало взгляду проникать вплоть до гряды далеких голубых холмов, замыкавших долину с юга. На этот балкон с таким красивым видом мисс Брэдуорддин приказала подать кофе.

Старая башня, или крепостца, дала барону повод рассказать с большим воодушевлением несколько фамильных анекдотов и преданий о шотландском рыцарстве. Рядом с башней нависал утес с остроконечным выступом, получившим название Кресла святого Суизина^[125]. С этим местом связывалась суеверная легенда, о которой мистер Рубрик сообщил несколько любопытных подробностей. Уэверли вспомнил о стихотворении, которое упоминает Эдгар в «Короле Лире»^[126]. Розу попросили спеть небольшую легенду, сложенную по этому поводу каким-то деревенским поэтом,

Что имена других нам сохранил,
Но сам свой век в неизвестности прожил.

Прелесть ее голоса и непритязательная красота мелодии придавали легенде очарование, о котором мог только мечтать ее автор и которого так недоставало его стихам. Я даже не знаю, хватит ли у читателя терпения прочесть их, поскольку они лишены этих дополнительных преимуществ, хоть и считаю, что прилагаемый список был несколько подправлен Уэверли в угоду тем, кому неприкрашенная древность могла бы прийтись не по вкусу.

Кресло святого Суизина
В канун всех святых, отходя ко сну,
Внимательно вслушайся в тишину,
На ложе своем ты крест начерти,
И «Ave» пропой, и молитву прочти.
В канун всех святых земля задрожит
И черная весьма в ночи прилетит,
Взъярится ли ветер, иль будет он тих –
Она прилетит в канун всех святых.
В ту ночь в кресле Суизина на скале
Сидела леди в полуночной мгле.
Она ощущала, как сжал ее страх,
Но голосом твердым, с огнем в очах
Прочла заклинанья, и Суизин святой
Ступил на скалу обнаженной стопой;
И ведьма, летевшая мимо во тьму,
По его повелению спустилась к нему.
Всякий, кто сесть в это кресло дерзнет
В ту ночь, когда ведьма свершает полет,
Всегда три вопроса ей может задать,
И ведьма на них должна отвечать.
И молвила леди: «Вестей мне не шлет
Мой муж, с королем ушедший в поход.
Три года прошло, как уехал барон,
Скажи мне: он жив? Где находится он?»
Но что это значит? Раздался вокруг

Какой-то свистяще-хохочущий звук.
То филин ли стонет неведомо где,
Иль дьявол хохочет в бурлящей воде?
Вдруг ветер затих, и умолкнул ручей;
Но мертвый покой был бури страшней;
И в тишине средь чернеющих скал
Ужасный призрак пред леди предстал...

– Мне очень неприятно разочаровывать гостей, в особенности капитана Уэверли, который слушает с такой похвальной серьезностью, – сказала мисс Роза, – но это только отрывок, хотя мне кажется, что существует продолжение, описывающее возвращение барона из похода и смерть леди, которую нашли на пороге, где «холодной, как камень, лежала она».

– Это один из тех вымыслов, – заметил мистер Брэдуорд, – которыми во времена суеверий искажались многие истории знатных родов. Подобные чудеса были и у римлян, и у других древних народов; о них вы можете прочесть в сочинениях древних историков или в небольшой компиляции Юлия Обсеквенса^[127], посвященной ее ученым издателем Шеффером своему патрону Бенедикту Скитте, барону Дудерсгоффу.

– Мой отец отличается удивительным неверием во все сверхъестественное, капитан Уэверли, – заметила Роза, – однажды он не сдвинулся с места, когда целый синод пресвитерианских пасторов обратился в бегство от внезапного появления злого духа.

На лице Уэверли отразилось любопытство.

– Тогда мне придется быть не только певцом, но и рассказчиком. Хорошо. Итак, жила была старуха по имени Дженнет Геллатли, которую подозревали в колдовстве на том неоспоримом основании, что она была очень стара, очень безобразна, очень бедна и имела двух сыновей, из которых один был поэт, а другой дурачок. Такая напасть, по мнению всей округи, постигла ее за сношения с нечистой силой. Ее забрали и неделю держали в колокольне приходской церкви, и морили голодом, и не давали спать, пока она сама не поверила, как и ее обвинители, в то, что она ведьма. И в этом ясном и счастливом расположении духа она предстала для чистосердечного признания в своем колдовстве перед целым собранием вигов – разных дворян и священников округи, которые сами не были заклинателями. Отец нарочно пошел туда проследить, чтобы дело между колдуньей и духовенством было решено по-честному, так как ведьма родилась в его вотчине. Сначала все шло гладко. Бормочущим, едва слышным голосом колдунья признавалась, что нечистый являлся ей в виде красивого черного мужчины и любезничал с нею (что, если бы вы только видели несчастную старую Дженнет с ее мутными глазами, заставило бы вас усомниться в хорошем вкусе Аполлиона^[128]), все слушали разинув рты, а секретарь трепетной рукой записывал показания. Вдруг Дженнет как завизжит: «Берегитесь, берегитесь, я вижу среди вас дьявола!» Изумление было всеобщим, произошла паника, и все бросились бежать. Посчастливилось тем, кто сидел у дверей. Много пострадало шляп, лент, манжет и париков, прежде чем толпе удалось вырваться из церкви, где остался один лишь невозмутимый сторонник епископальной церкви в лице моего отца, пожелавший на свой страх и риск выяснить отношения между ведьмой и ее поклонником.

– «*Risu solvuntur tabulae*»⁶², – сказал барон. – Когда они перестали дрожать от страха, им сделалось так стыдно за себя, что они решили больше не поднимать вопроса о суде над бедной Дженнет Геллатли⁶³.

⁶² Смехом изгоняется обвинение (*лат.*).

⁶³ Приведенный выше случай, по рассказам, произошел в Южной Шотландии; но *cedant arma togae* (пусть оружие уступит тоге – «гражданской одежде») – отдадим должное рысе. В данном случае не поддался панике, охватившей его братьев, старый священник, у которого хватило ума и твердости, чтобы спасти несчастную сумасшедшую от жестокой участи, которая ее ожидала. Отчеты о процессах по обвинению в колдовстве представляют собой одну из прискорбнейших страниц истории

По поводу этого анекдота начали припоминать и обсуждать всяческие

Нелепые рассказы и сужденья,
Пророчества, исполненные лжи,
Гадания, виденья, сновиденья
И всякий прочий вздор, достойный осужденья.

Такой беседой и романтическими легендами, которые вызывали в памяти эти разговоры, закончился второй вечер, проведенный нашим героем в Тулли-Веолане.

Глава XIV

Открытие

Уэверли становится своим человеком в Тулли-Веолане. На следующий день Эдуард рано проснулся и решил погулять вокруг дома и по ближайшим окрестностям. Неожиданно он попал на маленький дворик перед псарней, где его приятель Дэви был занят своими четвероногими воспитанниками. Юродивый с первого взгляда узнал Уэверли, но мгновенно повернулся к нему спиной, как будто не заметил его, и начал напевать отрывок из старинной баллады:

Юноши жаркая страсть коротка.
Птичка поет, и на сердце светло.
Глубже, прочнее любовь старика.
Прячет головку дрозд под крыло.
Юноши ярость – как вспыхнувший дрок.
Птичка поет, и на сердце светло.
Гнев старика – раскаленный клинок.
Прячет головку дрозд под крыло.
Юноша к ночи распустит язык.
Птичка поет, и на сердце светло.
Меч обнажит на рассвете старик.
Прячет головку дрозд под крыло.

От Уэверли не ускользнуло, что Дэви придает этим стихам какое-то насмешливое значение. Поэтому он подошел к нему и, задавая ему различные вопросы, пытался выяснить, на что он намекает, но Дэви не расположен был объясняться и достаточно умен, чтобы лукавство свое скрыть под личиной юродства. Эдуард так ничего и не узнал, кроме того, что накануне утром лэрд Балмауоппл уехал к себе домой «в сапогах, полных крови». В саду, однако, он встретил старого дворецкого, который уже не пытался скрыть, что, будучи с малых лет воспитан в Нью-касле, в заведении Сьюмэк и Кё, он иной раз оправляет бордюры клумб, чтобы доставить удовольствие лэрду и мисс Розе. Целым рядом вопросов Уэверли наконец удалось установить с мучительным чувством изумления и стыда, что капитуляция и извинения Балмауоппла были результатом дуэли с бароном, происходившей в то время, пока Уэверли нежился еще на подушках. Поединок закончился тем, что младший дуэлянт был обезоружен и ранен в правую руку.

Эдуард был совершенно убит этим открытием и поспешил отыскать своего любезного хозяина. Полный тревоги за свою честь, он пустился с жаром доказывать ему, что барон поставил его в крайне фальшивое положение, предвосхитив его поединок с Фолконером, – обстоятельство, которое, принимая во внимание его молодость и только что приобретенное офицерское звание, могло быть истолковано далеко не в его пользу. Барон оправдывал себя настолько пространно, что у меня нет охоты приводить все его слова. В качестве доводов он приводил, что оскорбление было нанесено им обоим и что Балмауоппл, согласно кодексу чести, не мог *éviter*⁶⁴ того, чтобы дать удовлетворение и тому и другому; что свои обязательства по отношению к барону он выполнил, приняв его вызов, а по отношению к Эдуарду – путем такой *palinodie*⁶⁵, после которой применение оружия становилось излишним; и что, наконец, поскольку извинения были приняты, они должны уладить все дело, на котором надлежит поставить крест.

⁶⁴ Избежать (*фр.*).

⁶⁵ Отказа от своих слов (*фр.*).

Если Уэверли и не был удовлетворен этим извинением или объяснением, то не нашел, что возразить; но он не мог удержаться, чтобы не выразить некоторого неудовольствия по адресу Благословенного Медведя, послужившего причиной ссоры, и не намекнуть, что этот почти-тельный эпитет ему едва ли подходит. Барон заметил, что, хотя гербоведы и считают медведя весьма почетной эмблемой, однако он не может отрицать, что нрав его несколько свиреп, мрачен и груб (как это можно прочесть в «Hieroglyphica Animalium»⁶⁶ Арчибалда Симсона^[129], пастора в Дэлкейте) и таким образом оказался причиной многих ссор и разногласий, случившихся в роде Брэдуординов.

– Я мог бы припомнить, – продолжал он, – свою несчастную ссору с троюродным братом по матери, сэром Хью Холбертом, который был настолько легкомыслен, что позволял себе шутить над нашей фамилией, говоря, что она звучит почти как *Bearwarden*⁶⁷, – шутка очень неучтивая, поскольку она не только намекала на то, что основатель нашего дома сторожил диких зверей (занятие, которое, как вы должны были заметить, поручается самым что ни на есть низким простолюдином), но еще и на то, что герб наш не был приобретен доблестными действиями на войне, но пожалован как *paronomasia*, или игра слов по поводу нашей фамилии, вроде того, что французы называют *armoiries parlantes*⁶⁸, римляне – *arma cantantia*, а ваши английские авторитеты – *canting heraldry*, потому что эта тарабарщина более приличествует говорящим на тайных языках нищим и попрошайкам, жаргон которых складывается из игры слов, нежели благородной, почтенной и полезной науке геральдики, составляющей гербы в награду за благородные и великодушные деяния, а не для того, чтобы щекотать ухо праздными каламбурами, которые встречаются в пошлых сборниках шуток и анекдотов.

О своей ссоре с сэром Хью он больше ничего не сказал, кроме того, что она была разрешена подобающим образом.

Мы описывали с такими подробностями развлечения в Тулли-Веолане в течение первых дней пребывания Эдуарда для того, чтобы познакомить читателя с его обитателями. Теперь нет необходимости описывать с такой же точностью, как он знакомился с ними ближе. Весьма возможно, что молодой человек, привыкший к более веселому обществу, скоро начал бы скучать, слушая такого яростного защитника «геральдической спеси», как барон, но Эдуард находил приятное развлечение в разговоре с мисс Брэдуординой, которая с жадностью прислушивалась к его замечаниям по поводу книг и проявляла в своих ответах очень тонкий вкус. Мягкость характера побудила ее без всяких возражений согласиться на программу чтения, предписанную ей отцом, хотя она и включала не только ряд увесистых фолиантов по истории, но и несколько гигантских томов, посвященных богословской полемике по вопросу о Высокой церкви. В геральдике он, по счастью, удовлетворился лишь тем беглым знакомством, которое можно почерпнуть из чтения двух томов *in folio*⁶⁹ Низбета^[130]. Роза была действительно сокровищем для отца. Ее неиссякаемая веселость; внимание ко всем его маленьким привычкам, особенно радующее людей, которые никогда не подумали бы требовать уважения к ним от других; ее красота, напоминавшая ему черты любимой жены; ее непритворное благочестие и благородное великодушное характера оправдали бы чувства самого нежного отца.

Но забота барона о дочери не простиралась на ту область, где, по общему мнению, она бывает наиболее действенна. Он нисколько не старался устроить ее жизнь, дав ей либо большое приданое, либо богатого жениха. По старинному акту о наследовании почти все земли барона должны были перейти к одному из его дальних родственников, и считалось, что мисс Брэдуордин получит лишь незначительное имущество, так как финансовые дела доброго джентль-

⁶⁶ «Символике животных» (лат.).

⁶⁷ Сторож медведей (англ.).

⁶⁸ Гласный герб (фр.).

⁶⁹ В пол-листа (лат.).

мена слишком долго находились в исключительном ведении приказчика Мак-Уибла, и питать надежды, что барон оставит в наследство сколько-нибудь крупную сумму, не приходилось.

Правда, приказчик после самого себя (хотя и на бесконечно далеком расстоянии) больше всего на свете любил своего патрона и его дочь. Он считал, что отвести от мужской линии наследство возможно, и даже добился письменного мнения по этому вопросу (и, как он хвастался, не истратив при этом ни гроша) от одного видного шотландского адвоката, с которым постоянно вел дела и вниманию которого представил упомянутую проблему. Но барон и слышать об этом не хотел. Напротив того, он с непонятным наслаждением хвастался, что баронство Брэдуордин – мужской лен, так как хартия на него была дана в ту раннюю эпоху, когда женщины не считались способными владеть феодальной землей; потому что, согласно *Les coutumes de Normandie, c'est l'homme ki se bast et ki conseille*⁷⁰; или – как это еще менее учтиво выражено другими авторитетами, варварские имена которых он упоминал с особенным вкусом, – потому что женщина не может ни служить высшему, или феодальному, владыке на войне по скромности, приличествующей ее полу; ни помогать ему советом по ограниченности ее ума; ни быть доверенной его по слабости своего характера. Барон торжествующим тоном вопрошал, можно ли представить себе женщину, да притом еще урожденную Брэдуордин, *in servitio exuendi, seu detrahendi, caligas regis post battaliam*⁷¹, то есть стягивания королевских сапог с его ног после боя, каковая церемония и была той феодальной услугой, за которую их род получил баронство Брэдуордин.

– Нет, – восклицал он, – без малейшего колебания, *procul dubio*⁷², много женщин, не менее достойных, чем Роза, было отстранено от наследования, чтобы эта вотчина досталась мне, и боже упаси, чтобы я предпринял что-либо, идущее вразрез с предначертаниями моих предков или ущемляющее права моего родственника Малколма Брэдуордина из Инч-Грэббита, достойной, хоть и оскудевшей ветви нашего рода.

Получив в качестве премьер-министра это решительное заявление от своего владыки, приказчик не осмелился больше навязывать свое мнение патрону и только при всяком удобном случае жаловался Сондерсону, министру внутренних дел, на своеволие лэрда и строил планы, как бы сочетать браком Розу с юным лэрдом Балмауопплом, владельцем прекрасного имения, лишь слегка отягощенного долгами, примерного молодого человека, трезвого, как какой-нибудь святой, – если только держать водку подальше от него, а его подальше от водки, – и не имевшего других несовершенств, кроме склонности общаться иной раз с такими сомнительными лицами, как конский барышник Джинкер или купаровский волынщик Гибби Гетруит, – «но от этих глупостей, мистер Сондерсон, он отвыкнет, непременно отвыкнет», – заключал приказчик.

– Как пиво отвыкнет киснуть летом, – добавил Дэви Геллатли; оказалось, что он ближе к участникам совещания, чем они могли предположить.

Такая девушка, какой мы описали мисс Брэдуордин, должна была со всем простодушием и любознательностью затворницы ухватиться за возможность увеличить свой запас литературных познаний, которая представилась ей с приездом Уэверли. Эдуард попросил выслать ему кое-какие книги, захваченные им в полк, и они открыли ей неизведанные источники наслаждения. В состав этой драгоценной посылки входили лучшие английские поэты самого различного характера и другие произведения изящной литературы. Музыка, даже цветы оказались заброшены, и Сондерсон начал не только сетовать на труд, за который он теперь не получал даже благодарности, но и восставать против него. Эти новые наслаждения еще усиливались от того, что они разделялись человеком, родственным ей по вкусам.

⁷⁰ Норманнским обычаям, сражается и участвует в совете мужчина (*старофр.*).

⁷¹ За услугой разувания или стягивания сапог короля после боя (*лат.*).

⁷² Без сомнения (*лат.*).

Готовность Эдуарда читать вслух, комментировать и объяснять трудные места придавала особую ценность его помощи, а необузданная романтика его духа приводила в восторг существо слишком юное и неопытное, чтобы заметить его слабости. Когда Уэверли чувствовал себя совершенно непринужденно, он мог говорить на интересующие его темы с естественным, иногда несколько цветистым красноречием – что не менее, чем красота, щегольство, слава и богатство, способно покорить женское сердце. Поэтому в общении молодых людей таилась для бедной Розы растущая опасность потерять душевное спокойствие, тем паче что отец ее был слишком поглощен своими занятиями и замкнут в собственной спеси, чтобы даже помыслить о возможности такого оборота дела. Представительницы дома Брэдуординов были в его глазах на положении дочерей Бурбонского или Австрийского дома^[131] – иначе говоря, витали над тучами человеческих страстей, способных затуманить разум женщин более низкого происхождения; они двигались в иной сфере, управлялись другими чувствами и подчинялись другим законам, чем законы праздного и безрассудного чувства. Короче говоря, он обнаруживал такую слепоту ко всем возможным последствиям сближения Эдуарда с мисс Брэдуордин, что все соседи сочли его отнюдь не слепым к выгодам, которые мог представить брак его дочери с богатым англичанином, и объявили его не таким дураком, каким он обычно проявлял себя в случаях, когда дело касалось исключительно его личных интересов.

Но если бы барон и на самом деле помышлял о таком союзе, непреодолимым препятствием для этих планов послужило бы безразличие Уэверли. Наш герой, с той поры как он начал больше вращаться в свете, не мог без жестокого стыда и смущения вспоминать о созданной им легендарной святой Цецилии, и это обидное воспоминание способно было, хоть и короткое время, служить противовесом естественной впечатлительности его характера. Вдобавок Роза Брэдуордин при всей своей миловидности и очаровании не обладала той красотой или достоинствами, которые в ранней юности пленяют романтическое воображение. Она была слишком откровенна, слишком доверчива, слишком добра: качества, бесспорно, приятные, но разрушающие тот ореол чудесного, которым одаренный воображением юноша любит наделять царицу своей мечты. Разве можно было преклонять колени, трепетать или боготворить, когда перед вами была робкая, но резвая девочка, которая обращалась к вам с постоянными просьбами: то очинить ей перо, то истолковать Тассову октаву^[132], а то и подсказать, как пишется эдакое длиннющее слово, которое она собиралась употребить в своем переводе? Все эти мелочи не лишены своего обаяния в определенную пору, но не тогда, когда юноша лишь вступает в жизнь и ищет идеал, способный возвысить его в собственных глазах, а не существо, для которого он является непререкаемым авторитетом. Из этого следует, что, хотя положить законы для такого капризного чувства невозможно, однако первая любовь возносится в поисках своего предмета зачастую очень высоко, или, что сводится к тому же, выбирает его (как в случае упомянутой святой Цецилии) там, где есть широкий простор для создания beau ideal – той идеальной красоты, которая от близкого повседневного общения может только потускнеть и утратить свою силу. Я знал прекрасно воспитанного и умного молодого человека, который излечился от бурной страсти к хорошенькой женщине, чьи таланты намного уступали совершенству ее лица и фигуры, после того как ему разрешили провести полдня в ее обществе. Таким образом, нет сомнения, что если бы только Эдуарду была предоставлена возможность побеседовать с мисс Стаббс, все меры предосторожности, принятые тетюшкой Рэчел, оказались бы излишними, ибо он с таким же успехом мог влюбиться в любую скотницу. И хотя мисс Брэдуордин была совершенно другим существом, весьма возможно, что именно близость их общения помешала чувствам Эдуарда развиваться в нечто большее, чем чувства брата к милой и воспитанной сестре, между тем как привязанность бедной Розы постепенно и незаметно для нее приобретала более теплый оттенок.

Мне следовало бы упомянуть, что Уэверли, посылая за книгами в Данди, направил тогда же в полк прошение о продлении своего отпуска и получил на него положительный ответ.

Но в письме своем командир дружески советовал ему не проводить своего времени исключительно среди лиц, которые хоть и заслуживают во всем остальном полного уважения, но, по всей видимости, мало расположены к правительству, раз они отказались ему присягнуть. Далее в письме своем он намекал, правда в очень деликатной форме, что хотя некоторые семейные связи и заставляют, вероятно, капитана Уэверли общаться с джентльменом, находящимся под этим неприятным подозрением, однако как высокое положение, так и взгляды его отца должны подсказать ему, что эти отношения не следует доводить до чрезмерной близости. Наконец, ему давалось понять, что, в то время как эти светские лица могли оказать вредное влияние на его политические убеждения, и прелаты^[133], в свою очередь столь злобно стремившиеся восстановить королевские prerogatives в церковных делах, способны были также вселить в него превратные религиозные понятия.

Этот последний намек, вероятно, и побудил Уэверли приписать недовольство командира его предубеждениям. Он считал, что мистер Брэдуорд всегда вел себя с самой щепетильной деликатностью, избегая вступать в какой-либо спор, могущий хоть в малейшей степени повлиять на его политические убеждения, хотя лично он был не только решительным сторонником изгнанной династии, но даже несколько раз получал от Стюартов важные поручения. Не считая поэтому, что ему грозит какая-либо опасность изменить своей присяге, Уэверли решил, что он поступит очень несправедливо по отношению к своему старому другу, если уедет из дома, пребывание в котором не только развлекало его и доставляло удовольствие ему самому, но было, в свою очередь, приятно для других, и все это только ради того, чтобы успокоить предвзятую и неосновательную подозрительность своего начальника. Поэтому он составил свой ответ в очень общих выражениях, заверив своего командира, что лояльность его даже и отдаленно не подвергается опасности, и продолжал оставаться почетным гостем и близким другом в Тулли-Веолане.

Глава XV

Набег и его последствия

Уэверли гостил в Тулли-Веолане уже недель шесть, когда однажды, совершая обычную прогулку перед завтраком, заметил необычайную суматоху в доме. По двору взад и вперед носились, отчаянно махая руками, четыре босоногие скотницы с пустыми подошниками и выражали громкими воплями изумление, горесть и негодование. Какому-нибудь язычнику вид их напомнил бы знаменитых Данаид^[134], только что вернувшихся с отбывания своей водолейной повинности. Так как в их нестройном хоре ничего нельзя было разобрать, кроме возгласов «Господи!» и «Батюшки!», не бросавших света на причину их отчаяния, Уэверли направился на так называемый передний двор и оттуда увидел приказчика, скачущего на своей белой лошадке со всей прытью, на которую она была способна. Прибыл он, видимо, по срочному вызову, и ему вслед бежали около десятка крестьян из деревни, которые поспевали за ним без особого труда.

Приказчик был слишком озабочен и слишком проникнут собственной важностью, чтобы вступать в объяснения с Эдуардом, но сразу же вызвал мистера Сондерсона, который вышел к нему с выражением лица одновременно убитым и торжественным, после чего они приступили к тайному совещанию. Дэви Геллатли тоже оказался тут, но, как Диоген в Синопе^[135], ничего не делал, в то время как его сограждане готовились к осаде. Он всегда оживлялся, когда случалось что-нибудь, безразлично – хорошее или плохое, лишь бы была суматоха. Так и теперь он резвился, скакал и приплясывал, напевая припев старинной баллады:

Добро наше пропало... –

пока не подвернулся под руку приказчику, который в виде предупреждения вытянул его хлыстом, чем мгновенно обратил его песни в хныканье.

Уэверли вышел в сад и увидел самого барона, который мерил длинными и стремительными шагами всю террасу из конца в конец. На лице его можно было прочесть оскорбленную гордость и возмущение. Все его поведение говорило за то, что подходить к нему в эту минуту с расспросами не следует, чтобы не расстроить или даже не оскорбить его. Уэверли поэтому, не обращаясь к нему, проскользнул в дом и направился в столовую, где подавали завтрак, и нашел там свою молодую приятельницу Розу. Хотя она не проявляла ни негодования отца, ни смятенной важности Мак-Уибла, ни отчаяния слуганок, она казалась недовольной и озабоченной.

– Завтракать вы сегодня будете без молока, капитан Уэверли, – сказала она, – ночью на наши стада напала шайка катеранов^[136] и угнала всех дойных коров.

– Шайка катеранов?

– Ну да. Разбойников с соседних гор. Мы на некоторое время избавились от них благодаря тому, что платили дань Фергюсу Мак-Ивору Вих Иан Вору, но мой отец счел неприличным при своей знатности и положении продолжать эти выплаты, и вот видите, случилось несчастье. Дело тут не в стоимости скота, капитан Уэверли, не это страшно. Но мой отец так возмущен, и он такой смелый и горячий, что попытается вернуть его силой, а если при этом не пострадает сам, то непременно ранит кого-нибудь из этих дикарей, и тогда между ними и нашим домом не будет мира, быть может, до самого дня нашей смерти, а защищаться, как в прежние годы, мы не можем – правительство отобрало у нас все оружие, а отец такой неосторожный... Боже, что с нами будет! – Тут бедная Роза совсем пала духом и залилась слезами.

В этот момент вошел барон и принялся бранить свою дочь с такой резкостью, какой Эдуард от него никогда не ожидал.

– Стыд и срам, – сказал он, – выставлять себя перед джентльменом в таком виде, будто ты ревешь из-за стада рогатой скотины и молочных коров, как какая-нибудь дочка чеширского фермера. Капитан Уэверли, прошу вас, не толкуйте этих слез превратно. Огорчение моей дочери может и должно проистекать только от обиды при мысли, что имущество ее отца подвергается захвату и грабежу со стороны простых воров и сорнеров⁷³, между тем как нам не разрешают держать и десятка мушкетов, чтобы защитить себя, а при случае и вернуть награбленное.

Вошедший в этот момент Мак-Уибл полностью подтвердил слова барона, доложив унылым голосом, что хотя народ и выполнит, конечно, приказание его милости, но попытка выследить, куда уведен скот, вряд ли к чему-либо приведет, поскольку холодное оружие и пистолеты имеются только у слуг его милости, а грабителей – двенадцать горцев, вооруженных с головы до ног, как это у них водится. Сделав это неутешительное донесение, он всей позой своей выразил немое отчаяние, медленно покачивая головой наподобие маятника, готового остановиться, а потом застыл, склонив корпус под более острым углом, чем обычно, и сообразно с этим более выпукло обозначив тыльную часть своего тела.

Между тем барон шагал по комнате в безмолвном негодовании и, устремив напоследок свой взгляд на старинный портрет воина, закованного в латы, мрачное лицо которого свирепо глядело из целой копны волос, часть которых спускалась с головы на плечи, а часть – с подбородка и верхней губы на нагрудник, произнес:

– Этот джентльмен, капитан Уэверли, – мой дед. С двумя сотнями всадников, которых он набрал на собственных землях, он разбил и обратил в бегство более пятисот этих горцев, разбойников, которые всегда были *lapis offensionis et petra scandali* – камнем преткновения и скалой обиды для жителей равнины; он разбил их, говорю я, когда они дерзнули спуститься с гор и тревожить окрестности в годы гражданской войны, в лето господне тысяча шестьсот сорок второе. А теперь, сэр, я, его внук, должен терпеть такие унижения от этих мерзавцев!

Наступило грозное молчание; после этого все, как обычно бывает в затруднительных случаях, пустились давать советы, каждый – свой и каждый – исключаяющий предложение другого. Alexander ab Alexandro рекомендовал послать кого-нибудь договориться с катеранами, которые, по его мнению, охотно отдадут добычу за доллар^[137] с головы. Приказчик сказал, что эта сделка означала бы не что иное, как сообщничество с ворами или соглашение с преступниками, и посоветовал направить в горные долины какого-нибудь ловкого человека, поручив ему, как бы от его собственного имени, договориться с Мак-Ивором на возможно более выгодных условиях, но так, чтобы лэрд во всей этой сделке оставался в тени; Эдуард предложил послать в ближайший город за отрядом солдат и ордером судьи; а Роза робко заметила, что, может быть, самое лучшее – заплатить запоздалую дань Фергюсу Мак-Ивору Вих Иан Вору, который, как они все знали, мог легко добиться возвращения скота, если его как следует задобрить.

Ни одно из этих предложений не понравилось барону. Мысль о сделке, прямой или через подставное лицо, казалась ему просто позорной; предложение Уэверли свидетельствовало лишь о том, что он не понимает положения страны и не видит, какие политические партии в ней борются. При теперешних отношениях между ним и Фергюсом Мак-Ивором Вих Иан Вором он вообще не хотел бы идти ни на какие уступки, хотя бы даже речь шла о возвращении *in integrum*⁷⁴ каждого бычка и быка, которых сам вождь, его предки или его клан похитили со дней Малколма Кэнмора^[138]. Собственно, он по-прежнему высказывался за войну и предлагал послать нарочных к Балмауопплу, Килланкьюрейту, Туллиэллему и другим лэрдам, которых также грабили катераны, с приглашением участвовать в погоне.

⁷³ Слово «сорнер» можно перевести как крепкий, здоровый нищий, в частности имея в виду тех нежеланных посетителей, которые силой или как-либо иначе добиваются стола и жилища. – *Примеч. авт.*

⁷⁴ Полностью (*лат.*).

– И тогда, сэр, – воскликнул он, – этих *nebulones nequissimi*⁷⁵, как их называет Леслеус^[139], постигнет участь их предшественника Кака^[140]:

Elisos oculos, et siccum sanguine guttur^{76[141]}.

Приказчик, которому подобные воинственные советы были совершенно не по вкусу, решил тут извлечь огромнейшие часы, цветом своим и без малого размером напоминавшие оловянную грелку, и заметил, что время уже за полдень, а катеранов видели на перевале Бэлли-Бруф вскоре после восхода; так что, до того как союзники успеют собрать свои войска, и они и их добыча окажутся недостижимыми для самой быстрой погони и укроются в тех непроходимых и безлюдных местах, где искать их было бы не только опасно, но и невозможно.

Эта точка зрения была неопровержима. Поэтому совет разошелся, не приняв никакого решения, как случалось и с более важными советами; единственным постановлением было то, что приказчик должен послать трех собственных дойных коров на мызу барона для продовольствования его семьи, а сам пока будет варить домашнее пиво и пить его вместо молока. На эту комбинацию, предложенную Сондерсоном, приказчик охотно согласился, как из обычного уважения к семье своего патрона, так и предчувствуя, что его любезность будет впоследствии так или иначе отплачена сторицей.

Как только барон вышел отдать какие-то необходимые распоряжения, Уэверли воспользовался случаем и спросил, кто такой этот Фергюс с неудобопроизносимой фамилией и почему это он главный поимщик воров.

– Поимщик воров! – ответила со смехом Роза. – Это весьма уважаемый и влиятельный джентльмен, вождь независимой ветви могучего горского клана. Он пользуется большим влиянием как из-за собственного могущества, так и из-за могущества своей родни и союзников.

– А какие же у него могут быть дела с ворами в таком случае? Кто он – судья или призван наводить мир и порядок? – спросил Уэверли.

– Скорее уж он начнет войну! – ответила Роза. – Он очень беспокойный сосед для своих недругов и содержит больше пеших телохранителей, чем иные, у кого в три раза больше земли. Что же касается его связи с ворами, то я вам ее хорошенько объяснить не смогу, но самые дерзкие из них не осмелятся украсть и подковы у того, кто платит дань Вих Иан Вору.

– А что это за дань?

– Это деньги за покровительство, или отступные, которые кое-кто из помещиков и землевладельцев с Равнины, живущих недалеко от гор, платит какому-нибудь горскому вождю, чтобы он их сам не тревожил и другим не позволял. Если, несмотря на это, у вас украдут коров, вам остается только дать ему знать, и он добудет их обратно, а то еще отнимет несколько голов скота у какого-нибудь своего врага, живущего подальше, и отдаст вам их в качестве возмещения.

– И такого вот хайлендерского Джонатана Уайлда^[142] принимают в обществе и называют джентльменом?

– Настолько принимают, – сказала Роза, – что ссора у него с моим отцом произошла на одном собрании местных землевладельцев, где он захотел пройти впереди всех джентльменов, имеющих поместья на Равнине, только мой отец не потерпел этого. И тогда он сказал отцу, что ведь барон Брэдуорд в его зависимости, так как платит ему дань; и отец пришел в страшное негодование, потому что приказчик Мак-Уибл, который любит вести дела по-своему, оказывается, платил эту дань втайне от отца, а проводил ее в своих отчетах как поземельный налог. И они обязательно подрались бы на дуэли, но Фергюс Мак-Ивор заявил с величайшей учтиво-

⁷⁵ Негоднейших мерзавцев (*лат.*).

⁷⁶ С выдавленными глазами и горлом, лишенным крови (*лат.*).

стью, что никогда не поднимет руку на человека, убеленного сединами и пользующегося таким уважением, как мой отец. О, как бы я хотела, чтобы они были по-прежнему друзьями!

– А вы когда-либо видели этого мистера Мак-Ивора, так, кажется, его зовут, мисс Брэ-дуордин?

– Нет, так его звать не принято; а если бы вы стали величать его «мистер», он принял бы это за своего рода оскорбление, разве только что вы англичанин и обычаев не знаете. Но жители Равнины зовут его, как и других дворян, по поместью, в данном случае – Гленнакуойхом, а хайлендеры – Вих Иан Вором, то есть сыном великого Джона, а мы здесь, в предгорьях, зовем его безразлично – и так и сяк.

– Боюсь, что моему английскому языку не удастся выговорить ни того ни другого.

– Но он очень вежливый и привлекательный человек, – продолжала Роза, – а его сестра Флора – одна из самых прекрасных и образованных девушек в округе: она воспитывалась в одном французском монастыре и была моей закадычной подругой до этой несчастной ссоры. Милый капитан Уэверли, постарайтесь как-нибудь подействовать на отца, чтобы примирить их. Я уверена, что наши беды только начинаются; Тулли-Веолан никогда не был безопасным и спокойным местом, когда мы ссорились с хайлендерами. Когда мне шел всего десятый год, помню, произошла стычка за мызой между их отрядом человек в двадцать и моим отцом с его слугами. Они подошли так близко, что пулями пробило несколько стекол с северной стороны. Трое хайлендеров было убито, наши слуги завернули их в пледы, внесли в сени и положили на каменный пол, а на следующее утро пришли их жены и дочери, всплескивали руками, и выкрикивали свой коронах^[143], и вопили, и забрали к себе тела под звуки волюнок. Я целых полтора месяца не могла спокойно спать, все вскакивала, – мне то и дело слышались эти ужасные крики и мерещились трупы, лежащие на ступеньках, окоченелые и закутанные в кровавые тартаны^[144]. Но после этого к нам явился отряд из стирлингского^[145] гарнизона с ордером за подписью лорда – верховного судьи и какого-то там важного человека и забрал у нас все оружие. Вот я и думаю: как нам защищаться, если их придет целая сила?

Уэверли невольно вздрогнул, услышав историю, так живо напоминавшую ему собственные видения наяву. Перед ним была девушка, едва достигшая семнадцати лет, и по характеру и по виду – кротчайшее в мире существо, а между тем этой девушке пришлось собственными глазами видеть одну из тех сцен, которые он вызывал в своем воображении, когда представлял себе события давно минувших лет, и говорила она об этой сцене совершенно хладнокровно, так, как если бы она могла в любой момент повториться. Его охватило одновременно и сильнейшее любопытство, и сознание опасности, способное лишь обострить интерес. Он мог бы воскликнуть, как Мальволио^[146]: «Я сейчас не обманываюсь, не даю воображению шутить со мной! Я действительно в стране военных и романтических приключений, и весь вопрос лишь в том, какое участие буду в них принимать лично я».

Все, что он узнавал о состоянии страны, казалось ему равно новым и необычным. Ему часто приходилось слышать о хайлендерских разбойниках, но ему и в голову не приходило, что их набеги носят такой систематический характер и что в этом деле им потворствуют и даже поощряют их многие горские вожди, которые считают эти криги, или набеги, полезными для обучения членов своего клана военному делу, а также для того, чтобы держать в спасительном страхе своих равнинных соседей и взимать с них, как мы видели, дань под видом оказания им защиты.

Тут вошел приказчик Мак-Уибл и сообщил еще ряд подробностей. У этого почтенного джентльмена манера выражаться была настолько окрашена его профессией, что Дэви Геллатли однажды выразился: «Его речи все равно что обвинение в разбое». Он заверил нашего героя, что с самых незапамятных времен эти незаконные воры, бездельники и пропащие люди с гор по причине единства их прозвищ сталкивались на предмет учинения различных похищений, грабежей и разбойничьих действий в отношении честных людей с Равнины, причем не только

посягали на их добро и пожитки, хлеб, скот, лошадей, овец, надворную и домовую утварь по злостному своему усмотрению, но сверх того брали пленных, взимали за них выкуп или устрашением заставляли их принимать обязательства вступить в зависимость от них – все действия, прямым образом предусматриваемые Книгой статуты, как актом за номером одна тысяча пятьсот шестьдесят семь, так и различными иными; каковые узаконения со всеми принятыми или могущими быть впоследствии принятыми статьями подвергались постыдному нарушению и поруганию со стороны упомянутых сорнеров, бездельников и пропащих людей, объединенных в товарищество ради указанной цели хищения, грабежа, поджогов, человекоубийства, *raptus mulierum*, или насильственного умыкания женщин, и тому подобных бесчинств, как было сказано выше.

Уэверли казалось просто сном, что подобные насилия никому не представлялись чем-то из ряда вон выходящим и о них толковали как о привычных и естественных явлениях, повседневно случающихся в непосредственном соседстве, и, главное, что все это происходило не где-нибудь за тридевять земель, а в пределах благоустроенного в иных отношениях острова Великобритании.

Глава XVI

Неожиданный союзник

Барон вернулся к обеду в значительной мере успокоенный и в прежнем добром расположении духа. Он не только подтвердил все то, что рассказывали Эдуарду Роза и приказчик Мак-Уибл, но добавил еще множество случаев из жизни Горной Шотландии и ее обитателей, которых сам был свидетелем. О вождях кланов он отзывался как о джентльменах с высокими понятиями о чести и весьма знатного рода. Слова их почитались законом для всех членов их клана.

– Конечно, им не подобает, – сказал он, – как тому были недавние примеры, считать, что их *prosaria*, или родословная, основанная по большей части на вздорных и льстивых сказаниях их синнахив, или бардов^[147], может в какой-то мере сравниться со свидетельством древних хартий и королевских грамот, пожалованных знатным домам Нижней Шотландии различными шотландскими монархами; тем не менее таковы их *outrecuidance*⁷⁷ и самонадеянность, что они позволяют себе свысока смотреть на владеющих подобными документами, как будто все земли этих дворян можно было бы поместить в овечью шкуру^[148].

Замечание это, кстати сказать, вполне удовлетворительно объясняло причину ссоры барона с его хайлендерским союзником. Но, кроме этого, он сообщил Уэверли столько занятных подробностей о нравах, обычаях и привычках этого патриархального племени, что сильно возбудил его любопытство и вызвал вопрос, возможно ли, не подвергая себя особенному риску, совершить вылазку в соседние горы, сумрачная гряда которых уже не раз вызывала у Эдуарда острое желание проникнуть за ее пределы. Барон заверил своего гостя, что нет ничего проще, стоит только положить конец этой ссоре, поскольку сам он может дать ему рекомендательные письма ко многим из виднейших вождей, которые, без сомнения, проявят к нему величайшую учтивость и гостеприимство.

В то время как они говорили на эту тему, дверь внезапно отворилась, и, сопровождаемый Сондерсом Сондерсоном, в комнату вошел горец в полном вооружении и снаряжении. Если бы Сондерсон не выполнял своей роли церемониймейстера по отношению к воинственному пришельцу со свойственной ему невозмутимостью и ни мистер Брэдуордн, ни Роза не выказали при этом ни малейшего признака волнения, Эдуард, несомненно, принял бы его за врага. Как бы то ни было, он вздрогнул при виде того, чего прежде ему никогда не случалось видеть, а именно хайлендера в полном национальном костюме. Этот, в частности, гэл был смуглый коренастый молодой человек небольшого роста; плед его, спадавший широкими складками, еще более подчеркивал впечатление силы, исходившее от всей его фигуры; короткая юбочка, или килт, обнажала сильные красивые ноги; спереди у него висела сумка из козьей шкуры вместе с обычным оружием – кинжалом и пистолетом; в его шапочку было воткнуто небольшое перо – этим он давал понять, что с ним надлежит обходиться как с дуинхеуосселом, то есть как со своего рода дворянином; сбоку у него болтался меч, на плече висел щит, а в руке было зажато длинное испанское ружье. Он снял шапочку, и барон, прекрасно знавший горские обычаи и правила общения, немедленно произнес с видом, полным достоинства, но не вставая с места, совсем, подумал Эдуард, как государь, принимающий послов:

– Добро пожаловать, Эван Дху Мак-Комбих, какие вести от Фергюса Мак-Ивора Вих Иан Вора?

– Фергюс Мак-Ивор Вих Иан Вор, – сказал посланец на хорошем английском языке, – приветствует вас, барон брэдуординский и тулли-веоланский, и выражает сожаление по поводу

⁷⁷ Высокомерие (*фр.*).

того, что между вами и им опустилась густая туча, мешающая вам видеть и помнить дружбу, существовавшую испокон веков между вашими домами, и союзы, заключенные между вашими предками, и он просит вас рассеять эту тучу, чтобы все было как прежде между кланом Ивора и домом Брэдуординов, когда между вами вместо кремня лежало яйцо и вместо ножа воинственного – нож пиршественный. И он ожидает услышать от вас слова сожаления по поводу тучи, и ни один человек не спросит затем, спустилась ли она с горы на равнину или поднялась с равнины на гору; ибо тот не ударял ножами, кого не разили мечом, и горе тому, кто способен потерять друга из-за грозовой тучи, набежавшей в весеннее утро!

На это барон отвечал с подобающим достоинством, что ему известно, насколько вождь клана Ивора привержен к королю, и выразил сожаление, что туча могла затмить согласие между ним и джентльменом, держащимся столь правильных убеждений, ибо, когда люди объединяются вместе, беспомощен тот, кто не имеет брата.

Этот обмен речами вполне удовлетворил барона, и он приказал для должного ознаменования мира между столь могущественными особами принести кувшин виски и, наполнив бокал, выпил за здоровье и процветание Мак-Ивора Гленнакуойхского; после чего кельтский посол, отвечая любезностью на любезность, осушил, в свою очередь, огромный бокал того же благородного напитка, приправив его добрыми пожеланиями дому Брэдуординов.

Скрепив таким образом предварительные условия мирного договора, посланец удалился для совещания с мистером Мак-Уиблом по поводу нескольких второстепенных статей, беспокоить которыми барона сочли излишним. Они, вероятно, касались прекращения известной субсидии, и, по-видимому, приказчик нашел возможность удовлетворить союзника, не давая своему патрону повода заподозрить какое-либо посягательство на его достоинство. По крайней мере, известно, что после того как уполномоченные распили не торопясь целую бутылку водки (что на столь луженые вместилища произвело не больше впечатления, как если бы она была вылита на двух каменных медведей, красовавшихся на воротах замка), Эван Дху Мак-Комбих собрал все возможные сведения относительно набега, произведенного накануне, и изъявил намерение немедленно отправиться на поиски скота, который, как он полагал, не успели далеко угнать: «Кость-то сломали, а мозг высосать не успели».

Наш герой был все время с Эваном Дху, пока тот производил расследование, и был чрезвычайно поражен как остротой ума, проявленной им при собирании сведений, так и тем, какие точные и тонкие выводы он из них делал. Эван Дху, со своей стороны, был явно польщен вниманием Уэверли, интересом к его расспросам и любопытством к нравам и живописной природе Верхней Шотландии. Без особых церемоний он предложил Эдуарду совершить с ним небольшую прогулку миль на десять – пятнадцать по горам и посмотреть места, куда угоняли скот, добавив: «Если все будет так, как я предполагаю, вы никогда ничего подобного за всю свою жизнь не увидите, если только не пойдете со мной или с кем-нибудь вроде меня».

Наш герой, очень увлеченный мыслью посетить вертеп этого шотландского Кака, все же на всякий случай осведомился, можно ли вполне положиться на такого проводника. Его заверили, что, если бы была хоть малейшая опасность, его ни за что бы не пригласили, и единственное, что ему угрожает, – это некоторая усталость, а так как Эван предлагал на обратном пути остановиться на денек в доме Мак-Ивора, где Эдуард мог рассчитывать на удобный ночлег и прекрасный прием, в этой экспедиции не было ничего устрашающего. Роза, правда, побледнела, когда услышала о ней, но барон, которому была по душе живая предприимчивость его молодого друга, не стал расхолаживать его толками о несуществующих опасностях.

Итак, наш герой отправился в путь вместе с новым своим другом Эваном Дху, прихватив только свое охотничье ружье. Свиту их составлял некто, выполнявший при замке функции лесничего, с сумкой дорожных принадлежностей за плечами, и двое совершенно диких горцев, спутников Эвана, из которых один нес топор с длинной рукояткой, под названием лохаберская

алебарда⁷⁸, а другой – не менее длинное охотничье ружье. На вопрос Эдуарда, к чему такая воинственная охрана, Эван дал понять, что она не вызвана какой-либо опасностью.

– Она была нужна лишь для того, – сказал он, с достоинством оправляя складки своего пледа, – чтобы появиться в Тулли-Веолане так, как это подобает молочному брату Вих Иан Вора.

– Ах, – воскликнул он, – если бы вы, саксонские дуинхеуосселы (английские джентльмены), только видели вождя с его хвостом!

– С его хвостом? – отозвался Эдуард в некотором недоумении.

– Ну да, то есть с его обычной свитой, когда он навещает людей одинакового с ним положения. У него есть, – продолжал горец, гордо выпрямляясь и пересчитывая по пальцам всех чинов двора Ивора, – во-первых, начальник телохранителей, его правая рука; затем его бард, или певец; далее, его оратор – этот произносит за него речи знатым лицам, которых он посещает; потом его оруженосец – он носит его меч, щит и ружье; есть еще человек, который перетаскивает его на спине через болота и ручьи; другой, который ведет под уздцы его коня на крутых и опасных тропах; далее – носильщик, который нагружен его дорожной сумой; наконец, еще волынщик с помощником и, пожалуй, еще добрая дюжина молодых парней без определенных обязанностей, которые следуют за лэрдом и выполняют все поручения его милости.

– И ваш вождь постоянно содержит всех этих людей? – спросил Уэверли.

– Только ли этих! – ответил Эван. – Нет, еще кучу других молодцов, которые не знали бы, где приклонить голову, если бы не большой сарай в Гленнакуойхе.

Таковыми рассказами о величии своего вождя в мирное и военное время Эван Дху развлекал своего приятеля всю дорогу, пока они не приблизились к огромному кряжу, который Эдуард видел до сих пор только издали. Лишь к вечеру добрались они до одного из мрачных ущелий, через которые возможен доступ к горам. Тропа, чрезвычайно крутая и неровная, вилась на самом краю пропасти между двумя огромными скалами, следуя бегу вспененного потока, который бурлил глубоко внизу, проложив себе этот путь, по-видимому, в течение веков.

Солнце садилось, и несколько косых лучей достигало темного русла, так что местами можно было различить волны, которые гневно разбивались о сотни скал и низвергались сотней водопадов. От тропинки к потоку спускались отвесные скалы, между которыми здесь и там громоздились гранитные глыбы или высилось кривое дерево, укрепившее свои корни в расщелинах скалы. Справа гора поднималась столь же отвесно и неприступно, но на другом берегу скалы поросли кустарником, смешанным с отдельными соснами.

– Это, – сказал Эван, – проход Бэлли-Бруф, где в былые времена десять человек из клана Доннохи устояли против сотни равнинников. Могилы убитых до сих пор видны в маленькой долинке по ту сторону ручья. Если у вас хорошие глаза, вы разглядите зеленые пятнышки среди вереска. А вот и эрн, которого вы, южане, называете орлом, – таких птиц у вас, в Англии, верно, нет. Вот он полетел за ужином на холмы к барону Брэдуордину – но я пошлю ему пулю вдогонку.

Он выстрелил, но промахнулся: гордый властелин крылатого племени даже не обратил на него внимания и продолжал свой величественный полет на юг. Тысячи хищных птиц – соколов, коршунов, черных ворон, вспугнутых с квартир, которые они только что заняли на ночь, поднялись в воздух от выстрела и смешали свои хриплые и нестройные крики с раскатами эха и ревом горных водопадов. Эван, несколько сконфуженный своей неудачей как раз в тот момент, когда он хотел похвалиться своим искусством, постарался скрыть смущение, насви-

⁷⁸ Городская стража в Эдинбурге, выполняя свои полицейские функции, до недавнего времени носила это оружие. На обратной стороне топора был крюк, которым древние горцы пользовались, когда им нужно было перелезть через стены. Этим крюком они цеплялись за камни, подтягиваясь затем за рукоятку. Алебарда, широко известная и ирландскому коренному населению, по предположениям, была ввезена в обе страны из Скандинавии. – *Примеч. авт.*

стывая отрывок какого-то напева для волынки, и, перезарядив ружье, молча продолжал подниматься в гору.

Проход вывел наших путников в узкую долину между двумя горами, очень высокими и поросшими вереском. Ручей по-прежнему вился у их ног, и они шли, следуя его излучинам, иногда переходя его вброд, причем всякий раз Эван Дху предлагал Эдуарду своих людей, чтобы перенести его на тот берег, но наш герой, который всегда был хорошим ходоком, неизменно отказывался от этих услуг. Уэверли не боялся промочить ноги, и это подняло его в глазах спутника. Дело в том, что Эдуард всячески старался в той мере, в которой это можно было сделать без особого подчеркивания, разубедить Эвана в его мнении об изнеженности жителей Равнины, и в частности англичан.

Через ущелье, замыкавшее долину, они выбрались к огромному черному болоту с множеством ям, из которых добывали торф. Они пересекли его с большим трудом и некоторым риском, пользуясь тропами, пройти по которым отважился бы только опытный горец. Сама тропа, или, скорее, та часть более плотной почвы, по которой путники то шли, то вязли, была неровная и пересеченная; местами из-под ног выступала вода, а иной раз и вся почва начинала ходить ходуном. Порой тропа становилась настолько небезопасной, что приходилось перескакивать с кочки на кочку, так как пространство между ними не выдержало бы веса человеческого тела. Все это было пустячным делом для горцев, которые носили весьма подходящие для этого случая башмаки на тонкой подошве и передвигались особенной, пружинистой походкой; но Эдуарду эти непривычные для него упражнения начинали казаться более утомительными, чем он этого ожидал. Угасавший день еще освещал им переправу через это Сербонское болото, но почти полностью померк, когда они оказались у подножия крутой и каменистой горы, взобраться на которую представляло для них очередную нелегкую задачу. Ночь, однако, была приятная и не темная. Уэверли, призвав всю свою силу воли на борьбу с физической усталостью, доблестно продолжал шагать, втайне завидуя своим спутникам-горцам, которые продвигались вперед быстрой размашистой походкой или, скорее, рысью, так что они, по расчетам Уэверли, должны были уже пройти пятнадцать миль.

Когда путники перевалили через гору и спустились к опушке густого леса, Эван Дху посоветовался со своими горцами, в результате чего вещи Эдуарда были переброшены на плечи одного из них, а лесничий с другим горцем уклонился в сторону от пути, по которому продолжали следовать остальные. Уэверли захотелось узнать причину такого разделения сил. Ему ответили, что лесничий должен поместиться на ночлег в отстоящей на три мили деревушке, так как Доналд Бин Лин, почтенная личность, у которой, как он подозревал, должны были находиться коровы, бывал не слишком доволен, если кто-либо, кроме ближайших друзей, приближался к его убежищу. Все это показалось Эдуарду вполне разумным и заглушило невольное подозрение, промелькнувшее в его уме, когда он в такое время и в таком месте оказался лишенным единственного своего равнинного спутника. Эван сразу же добавил, что и ему лучше было бы пойти вперед и предупредить Доналда Бин Лина об их приходе, так как появление сидиера роя (красного солдата) могло иначе оказаться для него достаточно неприятным. Не дожидаясь ответа, он, выражаясь языком жокеев, дал хода и через мгновение исчез.

Уэверли был теперь предоставлен собственным размышлениям, так как его спутник с алебардой почти не говорил по-английски. Они пробирались по очень густому и, казалось, бесконечному сосновому бору, в котором дорогу невозможно было различить из-за окружавшей их непроглядной тьмы. Но горец, руководясь, видимо, инстинктом, шагал совершенно уверенно, так что Эдуарду оставалось только поспевать за ним.

Так они шли довольно долго, не проронив ни слова. Наконец Эдуард не удержался:

– Далеко еще идти?

– Пещера в трех-четырех милях, но так как дуинхеуоссел чуточку устал, Доналд, верно, пришлет... то есть может... то есть должен прислать куррах.

Все это было достаточно туманно. Обещанный куррах мог оказаться и человеком, и лошастью, и телегой, и носилками. Больше из алебардщика ничего не удалось извлечь, кроме повторных: «Да, да, куррах».

Но вскоре Эдуард начал догадываться, о чем могла идти речь. Дело в том, что, выйдя из леса, они оказались на берегу большой реки или озера, на котором, как дал ему понять его спутник, они должны были посидеть и отдохнуть. Восходящая луна смутно освещала обширную поверхность воды, простиравшуюся перед ними, и бесформенные и неясные очертания гор, которые, по-видимому, окружали ее. После быстрой и утомительной ходьбы нежная прохлада летней ночи живоительно подействовала на Уэверли, а запах берез, обрызганных вечерней росой, показался ему чудесным благоуханием⁷⁹.

Теперь Эдуард уже мог насладиться всей романтикой окружающей обстановки. Он сидел на берегу неизвестного озера в обществе дикого горца, язык которого был ему совершенно непонятен, и собирался посетить вертеп известного разбойника, – возможно, второго Робина Гуда или Адама О'Гордона^[149], – и все это глубокой полночью, с трудом преодолев множество препятствий, вдали от своего слуги и брошенный своим проводником! Что за разнообразие приключений для упражнения романтической фантазии, еще разжигаемой торжественным ощущением неизвестности, а может быть, и опасности! Единственное, что не вязалось со всем остальным, была причина его путешествия: бароновы дойные коровы! Об этом унижительном обстоятельстве он старался не вспоминать.

Уэверли был глубоко погружен в свои мечты, когда его спутник осторожно дотронулся до него и, указывая на противоположный берег озера, промолвил: «Вон там пещера». В это время там показалась светлая мерцающая точка, которая, все увеличиваясь в размерах и усиливаясь в блеске, вскоре засверкала, как метеор, на краю горизонта. В то время как Эдуард рассматривал это явление, раздался отдаленный плеск весел. Размеренный звук становился все слышнее и слышнее; с воды оттуда же донесся громкий свист. Приятель с алебардой ответил на сигнал таким же резким и пронзительным свистом, и небольшая лодка, в которой сидело четверо или пятеро горцев, вошла в бухточку, подле которой расположился Эдуард. Он вышел навстречу вместе со своим спутником и был немедленно подхвачен и со всяческой предупредительностью перенесен на борт двумя дюжими горцами. Не успел он сесть, как они снова взялись за весла, и под их быстрыми взмахами лодка понеслась к другому берегу.

⁷⁹ Ароматом отличается не плакучая береза, чаще всего встречающаяся в горах Шотландии, а равнинная, с шерстистым листом. – *Примеч. авт.*

Глава XVII

Вертеп шотландского разбойника

Все хранили молчание: лишь рулевой нарушал тишину однообразными звуками гэльской песни, напеваемой глухим речитативом, да мерно плескали весла в такт мелодии, которая, казалось, управляла движениями гребцов. Свет, к которому они приближались, становился все более широким, красным и неровным пятном. Теперь Эдуарду было ясно, что это костер, он только не знал, разведен ли он на острове или на берегу. Весь этот круг пламени, казалось, пылал на самой поверхности озера и чудился огненной колесницей, на которой злой гений какой-нибудь восточной сказки носится по суше и по морям. Они подошли еще ближе, и по отсветам костра уже можно было понять, что он зажжен у подножия высокой и мрачной каменной глыбы или утеса, который круто подымался у самой воды; его передняя сторона, окрашенная отблесками в мрачно-багровый цвет, странно и даже зловеще выделялась на фоне окрестных берегов, отдельные места которых озарялись по временам бледным сиянием луны.

Лодка приблизилась к берегу, и Эдуард мог уже разглядеть, что огонь костра, сложенного из огромной кучи сосновых веток, поддерживали два существа, казавшиеся в красных отсветах какими-то демонами. Он был разведен в самой пасти высокой пещеры, в которую, по-видимому, вдавалась небольшая бухточка. Эдуард поэтому справедливо заключил, что зажгли его, чтобы он служил маяком для возвращающихся гребцов. Они направили лодку прямо на пещеру, а затем, убрав весла, предоставили ей идти дальше с разгона. Скользя мимо небольшого выступа или плоской скалы, на которой пылал костер, и подавшись примерно на два корпуса дальше, она остановилась там, где дно пещеры (ибо в этом месте она уже возвышалась сводом) подымалось из воды пятью или шестью широкими уступами, такими удобными и ровными, что их можно было назвать естественной лестницей. В этот момент костер залили водой, пламя с шипением потухло, и стало совсем темно. Несколько сильных рук подняли Уэверли из лодки, поставили его на ноги и почти внесли в глубь пещеры. Увлекаемый таким способом, он сделал несколько шагов в темноте, по направлению к неясному шуму голосов, которые, казалось, исходили изнутри самой скалы, как вдруг на крутом повороте его глазам предстал Доналд Бин Лин со всем своим окружением.

Свод пещеры, который подымался здесь на большую высоту, был освещен сосновыми факелами, горевшими ярким трескучим пламенем и издававшими сильный, но довольно приятный запах. Кроме этого, багровый свет исходил и от огромной груды древесного угля, вокруг которой расселось пять или шесть вооруженных горцев, а в глубине смутно вырисовывались фигуры других разбойников, разлегшихся на своих пледах. В одной из больших ниш, которую Бин Лин шуточно называл своей кладовой, были подвешены за задние ноги туши барана или овцы и двух недавно зарезанных коров. Навстречу гостю выступил сам главный обитатель этих своеобразных палат в сопровождении Эвана Дху в качестве церемониймейстера. По виду он был совершенно не похож на то, что Эдуард рисовал в своем воображении. Профессия этого человека, дикая местность, в которой он жил, воинственная осанка его товарищей – все это должно было вселять ужас. Под впечатлением окружающей обстановки Уэверли приготовился увидеть гигантскую свирепую и мрачную фигуру, которой Сальватор Роза^[150] охотно отвел бы главное место в какой-нибудь группе разбойников.

Доналд Бин Лин был прямой противоположностью такого образа. Он был худощав и мал ростом, со светлыми, песочного цвета волосами и мелкими чертами бледного лица, чему и был обязан своим прозвищем Бин – белый; и хотя он был сложен пропорционально, легок и подвижен, выглядел он, в общем, довольно мелкой и невзрачной личностью. В свое время Бин Лин занимал какую-то должность во французской армии и, желая принять своего гостя с воз-

можной торжественностью и оказать ему по-своему честь, отложил на время свою национальную одежду, облачился в старый голубой с красным мундир и надел шляпу с перьями. Этот наряд не только не шел ему, но на фоне всего окружающего выглядел настолько нелепо, что Эдуард непременно расхохотался бы, если бы только это не было и неучтиво и небезопасно. Разбойник принял Уэверли со всеми проявлениями французской учтивости и шотландского гостеприимства. Он был, по-видимому, прекрасно осведомлен, кто его гость, с кем он связан и каковы политические убеждения его дяди. Он всячески расхваливал их, но Уэверли почел за благо ответить на похвалы лишь в самых общих выражениях.

Гостя усадили на некотором расстоянии от горящих углей, жар которых в это теплое время года был достаточно тягостен, после чего рослая хайлендерская девица поставила перед Уэверли, Эваном и Доналдом Бином три деревянных сосуда, сложенных из клепки на обручах и наполненных энаруйхом⁸⁰ – чем-то вроде крепкой похлебки из каких-то особых частей бычьих внутренностей. После этого неприветливого кушанья, которое показалось усталым и голодным путникам вполне съедобным, были поданы обильные порции мяса, поджаренного на углях. Глядя, как эта еда с прямо феерической быстротой уничтожается Эваном Дху и их хозяином, Уэверли стал в тупик, не зная, как согласовать эту прожорливость со всем, что он слышал об умеренности горцев. Он не подозревал, что эта воздержанность была у низших слоев вынужденной и что они, подобно хищным животным, имеют способность с лихвой вознаграждать себя за лишения всякий раз, когда к этому представляется случай. В заключение пира было подано большое количество виски. Хайлендеры пили его помногу и ничем не разбавляли, но Уэверли, смешавший небольшое его количество с водой, не нашел напиток достаточно вкусным, чтобы повторить возлияние. Хозяин чрезвычайно сокрушался, что не может предложить ему вина.

– Если бы я только знал за сутки о вашем посещении, я обязательно достал бы его, хотя бы мне пришлось пройти за ним сорок миль. Но что может сделать джентльмен большего, чтобы отблагодарить за оказанную честь, как не предложить своему гостю лучшее, что есть в его доме? Где нет кустов, там нет орехов, а с волками жить – приходится выть по-волчьи.

После этого он продолжал сокрушаться уже по другому поводу: он сообщил Эвану Дху о смерти пожилого человека по имени Доннах ан Амриг, или Дункан с шапкой, «замечательного ясновидца», который, пользуясь своим даром, мог предсказывать появление всякого нового гостя, посещавшего их жилище, все равно друга или недруга.

– А что, сын его Малколм не тайшатр (ясновидец)? – спросил Эван.

– Его с отцом не сравнишь, – отвечал Доналд Бин. – На днях он сказал, что нам предстоит увидеть знатного джентльмена верхом, а за весь день только и проходил один Шемус Бег, слепой арфист, со своей собакой. Другой раз он предсказал свадьбу, а оказались похороны, а когда мы шли в набег, он сказал, что мы пригоним сто голов рогатого скота, а мы ничего не поймали, кроме толстого пертского судьи.

От этой темы он перешел на политическое и военное положение в стране, и Уэверли был поражен и даже встревожен, узнав, что такая личность обладает самыми точными данными о численности различных гарнизонов и полков, расквартированных к северу от реки Тэй^[151]. Он даже привел точное количество добровольцев из поместий его дяди сэра Эверарда, пошедших вместе с ним в его полк, и заметил, что это «хорошенькие ребята», разумея при этом не красоту их наружности, а то, что это были крепкие и воинственные парни. Он напомнил Уэверли одно-два мелких события, случившихся во время смотра его полка, чем убедил его, что разбойник присутствовал там собственной персоной. Между тем Эван Дху перестал участвовать в разговоре и, завернувшись в свой плед, лег отдыхать; и тут Доналд с весьма многозначительным выражением спросил Эдуарда, не собирается ли он сообщить ему чего-либо особенного.

⁸⁰ Это было угощение, поданное Роб Роем лэрду Туллибодинскому. – *Примеч. авт.*

Уэверли, удивленный и даже несколько испуганный такого рода вопросом, исходящим от подобного человека, отвечал, что никаких других побуждений для прихода сюда, кроме желания увидеть его необыкновенное жилище, у него не было. Доналд Бин Лин пристально посмотрел ему в глаза, а затем, выразительно кивнув головой, заметил:

– На меня-то вы могли бы положиться; я заслуживаю не меньшего доверия, чем барон Брэдуордин или Вих Иан Вор, но это ничего не значит, вы желанный гость в моем доме.

Уэверли почувствовал невольную дрожь при этих таинственных словах, произнесенных живущим вне закона и не признающим никаких законов разбойником; несмотря на попытки подавить свое волнение, он не смог спросить, что означают эти намеки. В одном из углублений пещеры для него была приготовлена подстилка из вереска цветочными головками кверху, и здесь, накрытый всеми запасными пледами, он некоторое время лежал, наблюдая за движениями других обитателей пещеры. Небольшие группы в два-три человека входили и выходили из нее без иных церемоний, кроме нескольких слов на гэльском наречии, обращенных сначала к главному разбойнику, а затем, когда он уснул, к высокому горцу, выполнявшему при нем роль адъютанта и, по-видимому, стоявшему на страже во время его сна. Входившие, очевидно, возвращались из каких-то набегов, об успехе которых они докладывали, и шли без дальнейших околичностей к «кладовой», где отрезали себе кусок мяса от висевших там туш, жарили его на углях и поедали, руководствуясь своим вкусом и привычками. Спиртного полагались строго размеренные порции, которые отпускались самим начальником, его адъютантом или, наконец, рослой девицей, единственной женщиной в этом обществе. Впрочем, количество виски, полагавшееся на каждого, показалось бы более чем достаточным любому, кроме хайлендера, который, живя постоянно на открытом воздухе и в очень влажном климате, может потреблять большое количество спиртных напитков без вреда для здоровья и умственных способностей.

Понемногу веки нашего героя стали смыкаться, и все эти фигуры поплыли перед его глазами, которые он открыл, когда солнце стояло уже высоко над озером, хотя в глубинах Уаймхан Ри, или Королевской пещеры, как гордо называлось жилище Доналда Бин Лина, царил слабый, мерцающий сумрак.

Глава XVIII

Уэверли продолжает свое путешествие

Когда Уэверли собрался с мыслями, он изумился, увидев, что в пещере не осталось ни души. Он поднялся, слегка привел в порядок свою одежду и осмотрелся повнимательнее, но и после этого никого не смог обнаружить. Если бы не обугленные головни, покрытые серым пеплом, и остатки пиршества в виде полуобглоданных, полуобгоревших костей да одного-двух пустых бочонков, – никаких следов Доналда и его шайки не осталось. Уэверли вышел из пещеры и заметил, что к выступавшей в озеро скале, на которой видны были следы разведенного накануне костра, вела небольшая естественная, а может быть, и грубо вырубленная в камне тропа. Она тянулась вдоль бухточки, вдававшейся на несколько ярдов в пещеру, где, будто в мокром доке, все еще стояла привязанная лодка, на которой они прибыли накануне. Он добрался до площадки на выступе и решил сначала, что дальше ему не пройти. Впрочем, казалось маловероятным, чтобы у жителей пещеры не было другого выхода, как через озеро. И действительно, на самом краю камня он вскоре заметил три или четыре ступеньки, или выступа. Пользуясь ими как лестницей, он обогнул оконечность скалы и, спустившись с некоторым трудом на другую сторону, выбрался на дикий и крутой берег горного озера около четырех миль в длину и полутора в ширину. Со всех сторон оно было окружено суровыми, поросшими вереском горами, вокруг вершин которых вились утренние туманы.

Взглянув в ту сторону, откуда он пришел, он не мог не подивиться, как остроумно было выбрано это уединенное и укромное пристанище. Скала, которую ему пришлось обойти, пользуясь несколькими незаметными выемками, едва достаточными для ноги, казалась на расстоянии неприступной громадой, преграждавшей в этом направлении всякий дальнейший путь вдоль берега. С другой стороны, ширина озера не позволяла заметить с противоположного берега вход в узкую, с низким сводом пещеру, так что, при условии достаточного количества провианта, она могла считаться вполне надежным и безопасным убежищем для ее гарнизона, если только ее не обнаружат с лодок или какой-нибудь предатель не укажет, как в нее пробраться. Удовлетворив свое любопытство в этом отношении, Уэверли стал искать глазами Эвана Дху и его помощника. Как он справедливо считал, они не могли далеко уйти, что бы ни случилось с Доналдом Бин Лином и его шайкой, по образу жизни своему склонными к внезапным переменам мест. И действительно, на расстоянии примерно полумили он заметил человека с удочкой (видимо, Эвана) и рядом с ним другого, помогавшего ему, и в нем по оружию, которого он не скидывал с плеча, Эдуард распознал своего старого приятеля алебардщика.

Поближе к выходу из пещеры он услышал звуки веселой гэльской песни и пошел на голос. Между скал он увидел небольшую бухточку, залитую утренними лучами. Вдоль берега ее тянулась полоса плотно утрамбованного белого песка, которую затеняла береза, блестящая всеми своими листьями. Здесь он и обнаружил ту, чья песня уже долетела до него, – девицу из пещеры. Она была весьма занята приготовлением гостю достойного завтрака, состоявшего из молока, яиц, ячменного хлеба, свежего масла и сотового меда. Бедная девушка успела за это утро обойти четыре мили в поисках этих яиц, муки на лепешки и прочей провизии, которую ей пришлось вымалывать или брать в долг в отдаленных деревушках. Дело в том, что спутники Доналда питались почти исключительно мясом угнанных животных, и даже хлеб был для них лакомством, о котором чаще всего приходилось только мечтать, так трудно было его достать, а о молоке, масле, домашней птице и прочем в этом скифском лагере не могло быть и речи. Однако я должен заметить, что, хотя Алиса и потратила часть утра на добывание всяких угощений, она все же нашла время придать своей особе возможную привлекательность. Наряд ее был несложен. Короткая красновато-коричневая курточка и скупых размеров юбка составляли

весь ее костюм, но все было опрятно и изящно. Пунцовая вышитая повязка перехватывала ее волосы, ниспадавшие густыми черными локонами. Пунцовый же плед, который составлял часть ее одежды, был отложен в сторону, чтобы не стеснять ее движений, когда она станет прислуживать гостю. Я забыл бы о главной гордости Алисы, если бы не упомянул о паре золотых сережек, а также золотых четках, которые ее отец (она была дочь Доналда Бин Лина) привез из Франции, где они ему, вероятно, достались как трофей после какого-нибудь боя или штурма.

Ее фигура, хотя и несколько крупная для ее лет, была очень пропорциональна, а манера держать себя полна простой и безыскусственной грации, ничем не напоминавшей неуклюжесть простой крестьянки. Улыбка, открывавшая ряд прелестных белых зубов, и смеющиеся глаза, которыми, за незнанием английского языка, она безмолвно приветствовала Уэверли, могли быть истолкованы каким-нибудь фатом или молодым офицером, хоть и не хлыщом, но сознающим, что он недурен собою, как выражение чего-то большего, чем простая любезность хозяйки. И я не беру на себя смелость утверждать, что маленькая дикая горянка потратила бы столько радостных усилий на какого-нибудь степенного, пожилого джентльмена, скажем – барона Брэдуордина, сколько она потратила на то, чтобы получше угостить Эдуарда. Она поспешила усадить его за завтрак, так усердно ею приготовленный, положила на стол несколько букетиков клюквы, собранной на соседнем болоте, и, довольная тем, что он принялся за еду, скромно уселась поодаль на камне, с любезным видом ожидая возможности чем-либо услужить гостю.

В это время Эван и его спутник медленно возвращались вдоль берега. Слуга нес удочку и только что выловленную большую розовую форель, между тем как Эван шествовал впереди, как на прогулке, небрежно, важно и самодовольно, направляясь туда, где Уэверли предавался столь приятному времяпрепровождению. После того как они обменялись взаимными приветствиями и Эван бросил Алисе несколько слов по-гэльски, от чего она засмеялась, но залилась до самых ушей краской, проступившей сквозь ее обветренную и загорелую кожу, он распорядился, чтобы форель тотчас же была приготовлена на завтрак. Огонь высекли из кремня его пистолета; несколько сухих еловых веток быстро разгорелись и так же быстро превратились в горячие уголья, на которых форель, нарезанная большими ломтями, и была поджарена. В заключение угощения Эван извлек из кармана большую раковину гребешка, а из-под складок пледа – бараний рог, наполненный виски. Хлебнув порядочный глоток и вспомнив, что уже утром, провожая Бин Лина, опрокинул с ним чарку, он предложил отведать того же живительного напитка Алисе и Эдуарду, но они отказались. С милостивым видом повелителя Эван протянул тогда раковину своему спутнику Дугалду Махони, который, не дожидаясь дальнейших уговоров, осушил ее с большим смаком. Тут Эван стал собираться в лодку и пригласил с собой Уэверли. Тем временем Алиса уложила в небольшую корзину все, что могло еще пригодиться, набросила на плечи свой плед, подошла к Эдуарду и, взяв его за руку, с величайшей простотой подставила щеку для поцелуя, сделав при этом небольшой реверанс. Эван, который среди горских красавиц слыл за шутника, тоже сделал шаг вперед, как бы намереваясь добиться той же привилегии, но Алиса, схватив свою корзину, с быстротой козули побежала по скалистому берегу, оглянувшись, крикнула ему со смехом что-то по-гэльски, на что он ответил в том же тоне и на том же наречии; затем, помахав рукой Эдуарду, она продолжала свой путь и вскоре исчезла в кустах, хотя долго еще раздавалась звонкая песня, которой она увеселяла свою одинокую прогулку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Начало работы над «Уэверли» относится примерно к 1805 г., когда были написаны первые главы романа. Затем на долгие годы работа над ним была отложена и продолжилась лишь в 1814 г., причем для завершения романа писателю потребовалось всего три недели. Однако, не желая рисковать своей литературной репутацией, Вальтер Скотт выпустил «Уэверли» в свет анонимно. Опасения его были напрасны: роман имел шумный успех, а все дальнейшие романы автора получили название «Уэверлийских романов».

2.

Удольфский замок – место действия романа Анны Радклиф «Удольфские тайны» (1794).

3.

Розенкрейцеры, иллюминаты – масонские общества.

4.

Гровнор-сквер – аристократический район Лондона.

5.

...героя из клубов, посвятивших себя кучерскому искусству... – В Англии был популярен конный спорт, в частности искусство управлять четверкой лошадей.

6.

Бонд-стрит – место прогулок модников и модниц.

7.

Георг II (1683–1760) – английский король; в период его правления произошли события, о которых идет речь в романе «Уэверли».

8.

Геральдика – наука, изучающая гербы. Основой каждого герба является щит, имеющий определенный цвет поля, который воспроизводится с помощью финифтей (эмалей), металлов и мехов.

9.

...со времен великой гражданской войны... – С гражданской войны в 1642 г. началась английская буржуазная революция.

10.

...осужден на роль второго брата... – то есть не имел права на наследство, которое доставалось старшему брату.

11.

Уилл Уимбл – сельский джентльмен, персонаж Джозефа Аддисона в его журнале «Зритель» (1711–1714).

12.

Мастер – господин, сударь (при обращении к юношам). Старшего сына называют по фамилии: «мастер Уэверли», а младшего – по имени: «мастер Ричард».

13.

Баронет – английский дворянский титул, средняя ступень между низшим дворянством (джентри) и высшей аристократией.

14.

Высокая церковь (англиканская) – епископальная государственная церковь в Англии, соединявшая черты протестантизма и католицизма.

15.

Дом Стюартов – королевская династия в Англии в XVII в. В 1689 г. Иаков II Стюарт был изгнан парламентом, и на престол вступил Вильгельм III Оранский (1650–1702).

16.

Виги. – Вначале так назывались сторонники билля 1680 г., лишавшего Иакова II (тогда еще герцога Йоркского) права на наследование престола после Карла II. Противники этого билля назывались тори. Эти названия закрепились за партиями и в дальнейшем. В описываемую эпоху виги были на стороне ганноверской династии, тогда как среди тори многие сочувствовали Стюартам.

17.

Ганноверская династия – английские короли немецкого происхождения, протестанты по вероисповеданию, первым из них был Георг I, правивший в 1714–1727 гг.

18.

Эсквайр – обращение, присоединяемое к фамилии помещика в Англии.

19.

...избран в парламент от покорного во всем министру местечка Бартерфейта... – Бартерфейт (Barterfaith) – то есть Продажно-Послушное (от to barter – выменивать, продавать и faith – доверие, честность). По давнему закону небольшие селения имели несоразмерно большое представительство в парламенте, чем пользовались аристократы, на землях которых находились эти селения.

20.

...удовольствие служения отечеству сочеталось с другими, не меньшими радостями... – то есть с крупным жалованьем.

21.

Генеалогическое древо – родословная знатного лица, изображавшаяся в виде дерева.

22.

Брэдшо Джон (1602–1659) – председатель суда, приговорившего в 1649 г. к смертной казни Карла I.

23.

Битва при Гастингсе – сражение 14 октября 1066 г. между англосаксами и норманнами, одержавшими победу, исходный пункт истории Англии как единого государства.

24.

Круглоголовые. – Круглоголовыми, то есть «постриженными в кружок», презрительно называли приверженцы короля сторонников парламентской власти, которых поддерживал народ. В то время в отличие от джентльменов, носивших локоны до плеч, простой народ стриг волосы.

25.

...карета, запряженная шестью статными длиннохвостыми вороными конями и покрытая таким количеством резьбы и позолоты, что сделала бы честь и лорд-мэру. – Пышная процессия сопровождала главу лондонской городской общины при его встрече с королем.

26.

Орден Подвязки – высший знак доблести, которым награждали только представителей знатнейших родов. Естественно, что консервативный сэр Эверард высоко ценил этот орден.

27.

Голубая мантия. – В Англии гербами знатных родов занимается специальная Коллегия герольдии, один из членов которой носит голубую мантию.

28.

...лишился звания члена колледжа... – Английские университеты состоят из колледжей; так называемые полноправные члены колледжа (fellows) выбираются из числа преподавателей, имеющих ученую степень; они получают содержание от колледжа и обычно живут при нем.

29.

Скалигер Жюль-Сезар (1484–1558) – французский теоретик литературы, автор латинской «Поэтики» (1561).

30.

Бентли Ричард (1662–1742) – выдающийся филолог и критик, автор ряда сочинений об античных авторах.

31.

Тассо Торквато (1544–1595) – итальянский поэт эпохи Возрождения, автор поэмы «Освобожденный Иерусалим» (1575, издана в 1580 г.).

32.

Игра в гусек – настольная игра, в которой по клеткам картонной карты передвигаются по особым правилам фигуры, в зависимости от числа очков на брошенных костях.

33.

Мильтон Джон (1608–1674) – великий английский поэт и политический деятель английской революции. Его поэмы «Потерянный рай» (1667) и «Возвращенный рай» (1671) в библейских образах передают пафос революционной эпохи.

34.

Спенсер Эдмунд (ок. 1552–1599) – английский поэт, автор сонетов и фантастической поэмы «Королева фей».

35.

Дрейтон Майкл (1563–1631) – английский поэт, автор исторических и биографических поэм.

36.

Пульчи Луиджи (1432–1484) – итальянский поэт, автор пародийной поэмы «Большой Моргайте» (1481–1483), высмеивающей рыцарские романы.

37.

«Декамерон» – сборник новелл итальянского писателя Джованни Боккаччо (1313–1375).

38.

Фруассар Жан (1338–1410) – французский поэт и историк, автор монументальной книги «Хроника Франции, Англии, Шотландии и Испании», излагающей историю этих стран с 1325 по 1400 г.

39.

Брантом Пьер (1540–1614) – французский мемуарист, автор книг «Жизнеописания великих полководцев», «Жизнеописания великих дам» и «Жизнеописания галантных дам».

40.

Де ла Ну Франсуа, по прозвищу Железная Рука (1531–1591?) – французский гугенот, талантливый полководец и автор книги «Рассуждения о войне и политике».

41.

...он научился сравнивать дикий и распущенный, но суеверный характер сторонников Лиги с суровым, непреклонным и порой беспокойным нравом гугенотов. – Речь идет о религиозных войнах во Франции второй половины XVI в. Гугеноты – французские протестанты. Лига – «католическая лига 1576 г.» – объединение католических сил Франции, возглавлявшееся феодальной знатю.

42.

Уолтон Исаак (1593–1683) – английский писатель, автор книги «Искусный рыболов» (1653).

43.

...после смерти королевы Анны отказался от своего места в парламенте... – Со смертью королевы Анны английский престол перешел от династии Стюартов к Георгу I. Сэр Эверард, как сторонник Стюартов, вынужден был отказаться от политической деятельности.

44.

Хотспер Перси – английский феодал, выведенный Шекспиром в хронике «Генрих IV»; Хотспер с раздражением говорит о претензиях уэльского аристократа Глендаура, толкующего о разных магических силах и знамениях.

45.

...подвиги Уилиберта Уэверли во Святой земле... – во время крестового похода в Палестину.

46.

Битва при Вустере (1651) – сражение между шотландскими роялистами, которые под командованием Карла Стюарта, сына Карла I, пересекли границу Шотландии, и войсками Кромвеля. Роялисты были разбиты наголову, и Карл был вынужден бежать во Францию.

47.

Елизавета I (1533–1603) – английская королева из династии Тюдоров, правила в 1558–1603 гг.

48.

...ущелью Мерквуд-дингл, внезапно выходявшему на глубокое и мрачное озеро, названное по той же причине Мерквуд-мир... – то есть ущелье Мрачного леса и, соответственно, озеро Мрачного леса.

49.

...во время распрей Йоркского и Ланкастерского домов... – Междоусобные войны (1455–1485) между двумя ветвями королевской династии Плантагенетов – Ланкастеров (в гербе – «алая роза») и Йорков (в гербе – «белая роза»); войны эти привели к истреблению значительной части феодальной знати и к укреплению королевского абсолютизма.

50.

Ричард Глостер (1452–1485) – последний представитель династии Йорков, вступивший на английский престол под именем Ричарда III. Герой трагедии Шекспира «Ричард III».

51.

«Пережевывать жвачку сладостно-горьких грез» – цитата из комедии Шекспира «Как вам это понравится» (акт IV, сц. 3).

52.

...роль ювелира и дервиша... – Ювелир и дервиш – персонажи сказки «Семь влюбленных» из сборника «Восточные повести, переведенные английскими стихами» Джона Хоппнера (1758–1810).

53.

...возвели ее на пьедестал... той святой, имя которой она носила... – Святой Цецилии, считавшейся у католиков покровительницей музыки.

54.

...эхо сводов Святого Стефана вторило бы более пространным речам... – В здании церкви Св. Стефана заседала палата общин.

55.

Годолфин Сидней (1645–1712) – английский государственный деятель, стоявший во главе финансового управления и пользовавшийся большим влиянием.

56.

...в одном из драгунских полков, недавно возвратившихся из Фландрии. – Англия принимала участие в войне за австрийское наследство (1741–1748), в которой столкнулись интересы главных государств Европы; в ходе этой войны английские войска высадились во Фландрии.

57.

Гардинер Джеймс (1688–1745) – полковник драгунского полка, павший в битве под Престоном во время восстания якобитов.

58.

Уиндэм Уильям (1687–1740) – английский политический деятель, был арестован за участие в мятеже 1715 г., но выпущен на поруки и в дальнейшем к суду не привлекался.

59.

...нескольким нортумберлендцам и шотландцам, взятым в плен под Престоном в Ланкашире... – Под Престоном была разбита осенью 1715 г. армия сторонников претендента под командованием графа Мара.

60.

Ньюгейт, Маршалси – названия тюрем в Лондоне.

61.

Брауншвейгская династия – то же, что ганноверская династия.

62.

Буцефал – конь Александра Македонского.

63.

Орден Бани – один из наиболее почетных английских орденов. Кавалеры ордена Бани в торжественных случаях надевают бархатную мантию малинового цвета и шляпу с пером.

64.

Пресвитериане – шотландские протестанты, отрицавшие церковную иерархию и выбиравшие своих старейшин (по-гречески – «пресбитерос»), ведавших религиозными делами.

65.

...король de facto и король de jure... – Сэр Эверард считал законным королем Иакова III, или Джеймса (то есть шевалье Сен-Жоржа), тогда как Георг II был для него лишь королем «фактическим».

66.

Ливий Тит (59–17 до н. э.) – римский историк, был родом из Падуи (по-латыни Падуа – Palavium).

67.

Конрад Свейнгейм и Арнольд Паннарт – немецкие издатели в Риме (XV в.).

68.

...в шотландских фунтах, шиллингах и пенсах... – Шотландский фунт соответствует одной двадцатой части английского фунта.

69.

...погрузить шотландцев в еще более плачевный мрак... за грехи их предков... – Гражданской войне в Англии предшествовало восстание в Шотландии, вызванное попыткой Карла I заменить пресвитерианскую церковь епископальной.

70.

Сэнкрофт Уильям (1616–1693) – архиепископ Кентерберийский, отличавшийся религиозной нетерпимостью в отношении ко всем сектантам.

71.

Литтл-Бритен – небольшой город в Англии (графство Ланкашир).

72.

Дрейк Джеймс (1667–1707) – английский публицист, подвергавшийся преследованиям за свой памфлет «История последнего парламента» (1702).

73.

Лотон Чарлвуд (1660–1721) – английский публицист, автор нескольких политических памфлетов.

74.

Эмхерст Николас (1697–1742) – английский политический деятель, издававший газету тори «Крафтсман» под вымышленным именем Калеба Антверпенского. После прихода к власти тори был забыт своими покровителями и умер в бедности.

75.

Уильямиты – сторонники короля Вильгельма Оранского.

76.

Ради церкви я с наслаждением бы отправился... за океан, на плантации... – Заключенных отправляли тогда на принудительные работы в Америку.

77.

...одежда мужчин отличается... чрезвычайной странностью, чтобы не сказать непристойностью. – У хайлендеров – жителей Горной Шотландии – мужчины носили короткие юбки – килты.

78.

Данди – город и порт в Шотландии.

79.

Дункан – шотландский король, убитый в 1040 г. своим двоюродным братом Макбетом. Это событие запечатлено Шекспиром в его трагедии «Макбет».

80.

Сивилла – прорицательница у римлян.

81.

Каледония – старинное название северной части Шотландии; иногда этим именем называют всю Шотландию.

82.

Минерва – римская богиня, покровительница ремесел и искусств; соответствует греческой Афине.

83.

...где ставший теперь повсеместным картофель... был еще неизвестен... – Картофель был неизвестен в Европе примерно до 1565 г., когда его привезли из Америки сначала испанцы, а затем англичане. В крупных масштабах картофель стал возделываться в Англии с 1684 г.

84.

Бартизаны – небольшие сторожевые башенки, расположенные на углах стен замка. Из них можно было вести огонь по врагу, находясь в укрытии.

85.

Лэрд – так назывались помещики в Шотландии.

86.

...под каждой гиперборейской фигурой... – Гиперборейцами в греческой мифологии назывался народ, живший на самом дальнем севере, «по ту сторону северного ветра». В данном случае речь идет о медведе как о северном животном.

87.

Архитрав – верхняя часть здания.

88.

...замок Оргольо, в который вступил победоносный принц Артур... – эпизод из «Королевы фей», поэмы английского поэта Эдмунда Спенсера, написанной в 1590–1596 гг.

89.

Альчина – героиня поэмы «Неистовый Роланд» итальянского поэта Лудовико Ариосто (1474–1533). Альчина завлекала рыцарей в свои сады, а когда любовник ей надоедал, она превращала его в дерево или скалу.

90.

Армида – героиня поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим», владелица волшебных садов, в которые попадает рыцарь Ринальдо.

91.

«Талаба» – поэма английского романтика Роберта Саути (1774–1843) «Талаба-разрушитель».

92.

Дэвид I (1124–1153) – шотландский король, царствование которого считается началом эпохи феодализма в равнинной части Шотландии.

93.

Марон – имеется в виду римский поэт Публий Вергилий Марон (70–19 до н. э.).

94.

Светоний Транквилл Гай (ок. 70 – ок. 140) – римский историк.

95.

Роберт Сайренсестерский. – Здесь Вальтер Скотт ошибается: о дамниях писал не Роберт, а Ричард Сайренсестерский (ум. в 1401 г.), монах, написавший «Историческое зеркало», охватывающее историю Британии с 447 по 1066 г.

96.

«Servabit odorem testa diu» – цитата из Горация («Послание», кн. I. 2, 69–70).

97.

Договор; отдельная статья договора (фр.).

98.

Назон – древнеримский поэт Публий Овидий Назон (43 до н. э. – 17 н. э.).

99.

...нельзя с уверенностью сказать, к какому клану он принадлежит – Уидл или Куибл... – в подлиннике игра слов: wheedle – подольщаться, выманивать и quibble – играть словами, уклоняться от прямого ответа. Смысл ее в том, что управляющий обладает «талантами» юриста.

100.

Диссиденты, или нонконформисты – христиане, не разделявшие догматов официальной церкви.

101.

Томас Оттер – капитан из комедии английского драматурга Бена Джонсона (1573–1637) «Эписин, или Молчаливая женщина». Во время пира он называл свои заздравные чаши именами быка, медведя и коня.

102.

«Доброе вино оказывало доброе действие» – цитата из поэмы Роберта Саути «Мэдок», героем которой является кельтский князь, обращающий в христианство мексиканских ацтеков.

103.

...в нем одном больше смысла, чем во всех балладах Франции, да и Файфшира в придачу. – Графство Файфшир на востоке Шотландии не проявляло в 1745 г. особого рвения в борьбе за реставрацию Стюартов. Поэтому Балмауопл относится к нему неодобрительно.

104.

Маленький джентльмен в черном бархате – имеется в виду крот.

105.

Священная лига и Ковенант – союз Шотландии с английским парламентом, заключенный в 1643 г. для совместной борьбы против Карла I. В основу Ковенанта легло соглашение о введении пресвитерианской церкви в обеих странах.

106.

...подобно сэру Тоби Белчу, похлеще бы отделал своего противника... – В комедии Шекспира «Двенадцатая ночь» (акт V, сц. 1) сэр Эндрю говорит о сэре Тоби Белче и его дуэли: «Не будь он в подпитии, он бы вас пощекотал не таким манером».

107.

Бостон Томас (1676–1732) – шотландский проповедник. Его книга «Поворот судьбы» пользовалась в то время популярностью среди шотландских крестьян.

108.

Джон О'Гротс – самая северная оконечность Шотландии.

109.

Лэндс-энд – юго-западная оконечность Англии в Корнуолле.

110.

Лапифы – в древнегреческой мифологии горное племя, родственное кентаврам, но непрестанно с ними враждовавшее. Здесь, по-видимому, намек на вражду между шотландцами и англичанами.

111.

Джонсон Сэмюел (1709–1784) – английский писатель, критик и языковед, автор «Словаря английского языка» (1755).

112.

Бьюкенен Джордж (1506–1582) – шотландский поэт, писавший по-латыни и на гэльском (шотландском) языке, автор «Истории Шотландии».

113.

Питтак Митиленский (род. в 651 до н. э.) – был избран правителем Митилены (579–569 до н. э.) и установил ряд новых законов, в частности уголовных. Он считался одним из «семи мудрецов» (наряду с Солоном и др.).

114.

Либер – древнеиталийское божество винограда и хмельного веселья, соответствующее греческому Дионису.

115.

Плиний Младший (Гай Плиний Цецилий Секунд, 62–114) – римский писатель и государственный деятель. «Естественная история» написана не им, а его дядей Плинием Старшим (23–79), видным ученым.

116.

Флакк – Гораций Флакк Квинт (65–8 до н. э.) – римский поэт.

117.

Хардиканут (1019–1042) – датский и английский король Канут II (правил в Англии в годы 1040–1042); образ его встречается в старинных балладах.

118.

Джонстон Артур (1587–1641) – автор стихотворного перевода псалмов на латинский язык.

119.

Линдсей Дэвид (1490–1555) – шотландский поэт, последователь Чосера.

120.

Барбур Джон (1316–1395) – шотландский поэт, автор поэмы «Брюс», воспевавшей подвиги шотландского национального героя Роберта Брюса.

121.

Слепой Гарри – средневековый шотландский поэт. Его поэма «Уоллес» (ок. 1460) воспекает подвиги шотландского национального героя Уильяма Уоллеса.

122.

Рэмзи Аллан (1686–1758) – шотландский поэт, идеализировал в своем творчестве изгнанных Стюартов.

123.

...во время памятной кампании 1709 года... – Герцог Берикский командовал французскими войсками во время войны за испанское наследство (1701–1714), которую Франция и Испания вели против коалиции держав, возглавлявшихся Англией.

124.

...музыка «обручена с бессмертными стихами»... – цитата из сборника «Влюбленный пилигрим», приписываемого Шекспиру.

125.

Святой Суизин (800–862) – английский епископ, с именем которого связано много легенд. В частности, считалось, что он умел изгонять нечистую силу. Его именем заклинали злых духов.

126.

Уэверли вспомнил о стихотворении, которое упоминает Эдгар в «Короле Лире». – Эдгар, сын Глостера в трагедии Шекспира «Король Лир», притворяясь безумным, бормочет стихи о святом Витольде, прогнавшем ведьму с помощью заклятья.

127.

Обсеквенс Юлиус – римский писатель, автор книги «О сверхъестественных явлениях» (IV в.).

128.

Аполлион (или Абаддон) – согласно христианской легенде, предводитель адских сил.

129.

Симсон Арчибалд (1564–1628) – шотландский священник, автор богословских книг и упоминаемой Бредуордином «Символики животных» (1622–1624).

130.

Низбет Александр (1657–1725) – автор книги «Система геральдики» (1722).

131.

...на положении дочерей Бурбонского или Австрийского дома... – то есть наследниц французского или австрийского престола, браки которых заключались главным образом по династическим соображениям.

132.

...истолковать Тассову октаву... – Итальянский поэт Торквато Тассо писал поэмы октавой – восьмистроичной строфой пятистопного ямба.

133.

Прелаты – сторонники епископальной церкви. Сам Гардинер был пресвитерианином и считал вредоносным стремление епископальной церкви восстановить полное подчинение церкви королю.

134.

Данаиды – в греческой мифологии пятьдесят дочерей аргосского царя Даная. За убийство своих мужей они в подземном царстве были осуждены вечно наполнять водой бочку без дна.

135.

...как Диоген в Синопе... – Диоген из Синопа (ок. 404–323 до н. э.) – древнегреческий философ, принадлежавший к так называемой школе циников. Эпизод, о котором пишет Вальтер Скотт, по всей вероятности, выдуман, как и многие другие рассказы из жизни Диогена.

136.

Катраны – так назывались в Горной Шотландии скотокрады, угонявшие скот у жителей равнины.

137.

Доллар – английское название немецкого талера и некоторых других иностранных монет. В просторечии долларом называли также английскую монету в пять шиллингов.

138.

Малколм Кэнмор. – Малколм III Мак-Дункан (ум. в 1093 г.) – шотландский король (1054–1093), сын короля Дункана I, вступивший на престол после смерти Макбета. Персонаж трагедии Шекспира «Макбет».

139.

Леслеус – шотландский епископ Джон Лесли (1527–1596), автор «Истории Шотландии» на латинском языке (1578).

140.

Как – в древнеиталийской мифологии похититель быков Гериона, которых Геракл вел с запада. Геракл разыскал похитителя и убил его.

141.

«Elisos oculos, et siccum sanguine guttur» – цитата из «Энеиды» Вергилия (песнь VIII, стих 261).

142.

Уайлд Джонатан (1682–1725) – английский преступник, организовавший систему воровства и возвращения краденого за выкуп, преследовавший при этом тех воров, которые не входили

в его организацию. Его похождения описаны Филдингом в книге «Жизнь Джонатана Уайлда Великого» (1743).

143.

Коронах – похоронная песнь у горных шотландцев.

144.

Тартан – шерстяная клетчатая ткань, из которой шотландские горцы шили национальные костюмы.

145.

Стирлинг – город в Шотландии.

146.

Мальволио – персонаж из комедии Шекспира «Двенадцатая ночь».

147.

Синнахии, или барды, – шотландские народные певцы.

148.

...как будто все земли этих дворян можно было бы поместить в овечью шкуру... – игра слов: sheep's skin – овечья шкура, sheepskin – пергамент. Второй смысл: они владеют своими землями только на бумаге.

149.

О'Гордон Адам (ум. в 1305 г.) – английский дворянин, лишенный наследства, главарь разбойничьей шайки. Король Эдуард I, преследуя его, вызвал его на поединок и победил. После этого О'Гордон стал восторженным поклонником Эдуарда I, который восстановил его во всех правах и сделал одним из своих доверенных лиц.

150.

Роза Сальватор (1615–1673) – итальянский живописец, прославившийся романтическими пейзажами диких суровых местностей, а также изображением жизни солдат и бродяг.

151.

Тэй – река в Северной Шотландии.